

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: Крест, меч и люди

УВАЖЕНИЕ К ТРАДИЦИИ, А НЕ К АРХАИКЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ ВЫ НАЙДЕТЕ МНОГО МАТЕРИАЛОВ, КОТОРЫЕ, ПО ИДЕЕ, МОЖНО ОБЪЕДИНИТЬ ОДНИМ СЛОВОМ – «преемственность».

Мы вернули Крым, подразумевая под этим не только восстановление некоей исторической справедливости (этот термин, скорее, для политиков), но и восстановление преемственности. Между Той Россией и Нынешней.

Мы сегодня наконец «реабилитировали» Первую мировую войну как время подвигов русских солдат, незаслуженно ошельмованную в советские годы – как войну «империалистическую», которую надо бы превратить в гражданскую, а для этого свое правительство должно эту войну проиграть. Но нам еще предстоит немало сделать для того, чтобы память о ней была достойно увековечена.

Мы заговорили о «едином учебнике истории», подразумевая в том числе (хотя в самих этих разговорах, если только речь подчас заходит о казенном разнообразии, не со всем можно согласиться) преемственность поколений, культуры, традиций.

Роль традиции всегда была сильна в нашем обществе. И это не поклонение архаике, а, скорее, проявление осмотрительного консерватизма – когда кругом часто оказывались сплошь враги да заветники да зима по девять месяцев в году.

Традиция не должна подменять собой, не должна огульно отрицать перемены – мол, не надо нам ничего менять, пусть все идет как идет. В мире немало примеров, когда именно с опорой на традицию те или иные общества совершали головокружительный рывок вперед. Не утрачивая себя, а обретая себя прежнего, но в новом качестве. Мы сейчас как раз стоим – в очередной раз – именно перед таким вызовом истории.

Прочувствовав, кажется, сейчас, что мы тут со своей русской цивилизацией не вчера с неба свалились, а жили и обустривались веками, надо наконец начать прибираться в собственной стране. И идти с этим со всем в будущее, а не в прошлое.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Виртуальные блокбастеры
08 Русская речь

ИНТЕРВЬЮ

- 14** Домик под камышовой крышей

РЕПОРТАЖ

ИСТОРИЯ

- 30** Четыре имени

- 40** Белорусский треугольник

НАСЛЕДИЕ

- 48** Безумный

- 56** Похождения
бравого
солдата
Гашека

СИТУАЦИИ

66 «Полтава». Возвращение

МУЗЕИ

72 Метка книголюбца

ЭКСПЕДИЦИЯ

78 В центре сурского куста

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

84 «Все зависит от способности к любви»

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 От Калязина до Углича

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Константин КРАВЦОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russskiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
Александра БУРОГО

ВИРТУАЛЬНЫЕ БЛОКБАСТЕРЫ

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ПОСЛЕ ПРОСМОТРА КАКИХ ВИДЕОРОЛИКОВ В СЕТИ ВЫСТРАИВАЮТСЯ РЕАЛЬНЫЕ ОЧЕРЕДИ В МУЗЕИ?

ОТВЕТ НА ЭТОТ И ГОРУ иных высокотехнологичных вопросов искали на Историко-культурном форуме Русского мира в Великом Новгороде. Началась встреча ученых из 12 стран, представлявших 140 научных, музейных и реставрационных организаций, с неожиданной просьбы.

– Мы тут строим трассу М-11, – поднялся на трибуну Сергей Митин, губернатор Новгородской области, – и нашли корабль или ладью XV века. Корабль, доложу вам, уникам. Охота, чтобы о нем узнали все. Вот и скажите: как его хранить? Можно из него сделать музей на воде? Я бы даже шире ставил проблему: там же, на болотах, мы обнаружили ГАЗ 1939 года. Семьдесят лет простоял в воде, а завелся и поехал так, будто вчера был на ходу. Что делать с такой техникой? Есть у вас технологии или рекомендации, как сохранять такое прошлое? Мне что-то подсказывает, что в грамотном соединении прошлого и настоящего и есть залог благополучия будущего.

КУЛЬТУРА РАЗМЕРОМ С ГАДЖЕТ

Губернатор, что называется, попал в яблочко. Вслед за ним к трибуне вышел директор прославленного на весь мир Государственного Русского музея (Санкт-Петербург) Владимир Гусев.

– Перед вами стоит управленец, родной музей которого насчитывает 152 виртуальных филиала в России и в мире, – сказал Владимир Гусев, – в Лондоне, Салониках, Харькове... А еще вчера я радовался, когда ко мне приходили

хранительницы музея и строго заявляли: «Не дай бог, если ко мне в фонды поставят компьютер». Не скрою, я в душе радовался этим ультиматумам. Я, как и все, боялся, что компьютерные сети украдут у нас посетителей, а запасники выставят на всеобщее обозрение. Сегодня эти же хранительницы, представительницы совсем старшего поколения, приходят и требуют: «Сколько можно? Когда установите новую компьютерную программу?»

Гусев тем самым сформулировал главную интонацию форума и его смысл: создание нового информационного и виртуального пространства в системе музеев и реставрационных центров – это суть идущих перемен. Их цель – сделать музеи страны не развлекательными, а увлекательными системами-панорамами, которые способны, если требуется, заменить даже экскурсовода.

– Правда, живая речь, с запинками и даже ошибками, тоже нужна, – убежден Владимир Гусев. – Понятно, что культура никогда не поместится в размер гаджета. Но надо давать людям возможность выбора. Через гаджет пусть не у всех, но у кого-то появится желание расширить свое представление о культурных ценностях.

«ГДЕ УРОДЫ?»...

Еще совсем недавно научные сотрудники Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Санкт-Петербург), больше известного как Кунсткамера или самый первый в России музей, страдали от двух вопросов: «Где уроды?» и «Где выход?»

Юлия Купина, заместитель директора Кунсткамеры, о тех недавних временах вспоминает с легкой иронией. «Мы-то не просто академический центр, мы фундаментально занимаемся культурой человечества, – говорит она, – а его отдельные представители после двух обязательных вопросов могут задать самый вечный, третий: «Где туалет?» Так мы поняли, что наши репутационные и научные задачи надо решать через вечные вопросы, а не уходить от них».

С туалетами в Кунсткамере все как надо – отель четыре звезды позавидует. И с посетителями – теперь тоже. Если с 1993 по 1997 год наблюдался их отток, то примерно с 1998 года, когда музей вышел во Всемирную сеть, их число постоянно растет. Что показательно: примерно с 2003 года рост числа экскурсантов происходит за счет виртуальных посетителей, которые после просмотра сайта музея, его сенсорных киосков и видеороликов как с хитовыми, так и малоизвестными экспонатами приходят сюда своими ногами. Так, в год Кунсткамеру посещают до 500 тысяч человек. В 2013 году в музее побывали 514 тысяч человек – реальных и 485 тысяч человек – виртуальных. По прогнозу экспертов Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, уже в 2015 году число виртуальных посетителей превзойдет число реальных. Музей гордится тем, что в разные годы от трети и почти до половины «виртуалов» обретают статус «реалов». Идет четкая тенденция к росту «реалов» – как раз за счет тех, кого раньше музей, как академическая среда, отторгал, – это детские сады, начальная школа, посетители социальных сетей и чатов.

Впрочем, с социальными сетями у Кунсткамеры непростые отношения. Год назад музей выложил в Сеть свою выставку «Фотоальбом человечества». И почти сразу на электронную почту пошли письма. Кто-то узнавал свою прабабушку, кто-то – утраченную фотографию семьи прадеда в интерьере родового дома. Кто-то просто впервые видел лицо своего деда. И эти фотографии не только в виртуальном пространстве, но и в реальном –

в музее – затмили традиционные «блокбастеры» – тех самых еще петровских «уродов», на которых идут как на хит. А тут народ встал в очередь на частные фотографии – до-революционных офицеров и казаков, косарей, ямщиков, крестьянок в поле, рабочих на Кировском заводе, кулаков и репрессированных в 30-е и 40-е годы прошлого века. Недавно из Грозного помимо электронного пришло письмо по почте с продублированной просьбой-мольбой – выслать копию фотографии деда, который был репрессирован в 1944 году и в семье, тоже высланной в Казахстан на поселение, не сохранилось ни одной его фотографии. Оба письма заканчивались одинаково: «Можно купить фото? За любые деньги».

– Мы сделали копию, передали, разумеется, безвозмездно, – рассказывает Юлия Купина, – и видим в этом еще одно, социально значимое направление виртуальной работы. Однако в социальные сети активно выходить не планируем. Нас там мало. Мы не знаем, что там делать. Как мы теперь понимаем, для нас в Сети набрать 5–10 тысяч подписчиков – это запросто. А вот что с ними делать дальше? Пока нас устраивает их расположенность по отношению к нам и движение в нашу сторону. Любое – просьба помочь с каталогами, контактами или выслать семейные фото. А вот, как нам представляется, все же более полноценный контакт, если в нем возникнет потребность, возможен все же в стенах музея. Уж такова у нас природа.

«Кунсткамера III тысячелетия» именно так себя и позиционирует – от базы данных к базе знаний, а потом – к диалогу знаний, сначала базовому – виртуальному, а потом фундаментальному – реальному.

...И «ГДЕ ВЫХОД?»

В московской Третьяковской галерее вопрос «А где выход?» тоже перестал быть «ходовым», и тоже не так давно. Его остроту сняли в начале 2000-х, когда в бесчисленных залах галереи появились скамейки и кресла для отдыха, что раньше порицалось как элемент «неприличия» в храме культуры. Чуть позже

появление кочующего рояля и диванов то во Врубелевском зале, то там, где новая выставка или просто есть место, и вовсе внесло ноту камерности в некогда строго академический музей.

– Вот с появления мест для отдыха и началось наше переосмысление представления посетителей о «блокбастерах», – говорит Екатерина Воронина, научный сотрудник Третьяковской галереи. – Нет, зритель как стоял толпами у портрета Пушкина или «Явления Христа народу», так и стоит. Ничего не изменилось. Однако после того, как мы заметили, что там, где есть скамейки, зритель не только сидит, но и внимательнее, чем обычно, рассматривает шедевры, которым меньше повезло быть «раскрученными», мы поменяли стратегию информационно-виртуального пространства.

Теперь на сайте Третьяковки можно в деталях рассмотреть не только всеми узнаваемые шедевры мировой живописи – по школьным учебникам, каталогам, – но и те картины, которые зритель может не заметить или просто скользнуть по ним взглядом в самой галерее, когда хочется увидеть все то, о чем слышал или читал.

Не так давно на сайте представлен видеоролик-новинка – «Видение отроку Варфоломею» Михаила Нестерова. К нему феноменально точно подобран звук – пение птиц в сочетании с шумом травы и листьев деревьев. Он сразу вытягивает в одухотворенность природы и мальчишки, который видит невероятное. Кликов-заходов на видеоролик – больше тысячи в сутки, в месяц – более 45 тысяч. Потом в галерее – непривычно много молодежи именно у этой работы.

– У нас уже несколько лет не возникает вопроса о том, зачем нужны эти видеопрезентации, хотя вначале и сомнения, и противодействие им были, – говорит Екатерина Воронина, – они дают представление о художнике, эпохе и работе, вызывают желание, рассмотрев фрагменты работы, прийти в музей. А по большому счету вот так, через отдельные фрагменты, намечается выход на новую высоту – складывается общее пространство русской историко-культурной традиции.

ВИРТУАЛЬНОЕ ВЕЧЕ

Один из организаторов Историко-культурного форума Русского мира, Татьяна Царевская, старший научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, работу почти всех научных секций старалась проводить в знаменитом Новгородском кремле, а потом просила заканчивать работу экскурсиями по Кремлю и еще одному памятнику – Ярославову дворищу, расположенному напротив через реку.

– Задача простая, – объясняет Татьяна Царевская, – наглядно донести до профессионалов очевидную вещь: архитектурные памятники – неотъемлемая часть экокультуры Земли, и пришло время их рассматривать не как элементы «украшения», а именно как неотъемлемую часть среды обитания. Звучит просто, но на сегодняшний день эта задача невыполнима и неочевидна без смены стратегии: только тогда, когда мы взамен существующей стратегии «эксплуатации» исторических памятников, придем к стратегии «ухода» за ними и их гармоничного вписывания в среду обитания, только тогда можно говорить об их безопасности и долгосрочном сохранении для потомков.

Этапом на пути к смене стратегии, как считают многие участники форума, может стать введение системы мониторинга за памятниками культуры – климатического, экологического, технологического, социального и градостроительного. То есть того, чего пока нет и что пока звучит как виртуальная легенда, но без чего уже не сохранить историко-культурное пространство.

– Мы надеемся, что по итогам проведения нашего форума, дискуссий и обмена опытом, которые были как реальным, так и виртуальным вече с нашими зарубежными коллегами, – сказал Сергей Богданов, заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир», – появится новое общее пространство российской историко-культурной традиции Русского мира, теперь уже прочно связанной с высокими технологиями. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУССКАЯ РЕЧЬ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ЕЖЕГОДНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ СТРАН БАЛТИИ, ОРГАНИЗОВАННАЯ В РИЖСКОМ ДОМЕ МОСКВЫ, ПРОХОДИЛА НА ФОНЕ ЯВНО НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ ЛАТВИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ. НА СЕЙ РАЗ ОНИ НЕ ВПУСТИЛИ В РИГУ СТАРШЕГО ЭКСПЕРТА РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ, ВЛАДИМИРА ПОЗДОРОВКИНА. НЕЗАДОЛГО ДО ЭТОГО ПОЛИЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТАКЖЕ В АЭРОПОРТУ ВЫНУДИЛА ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД ДИРЕКТОРА ЭТОГО ЖЕ ФОНДА ИГОРЯ ПАНЕВКИНА...

ПРИБЫВШИЕ В РИГУ В неполном составе представители российской делегации в своих выступлениях на конференции сделали акцент на вопросах защиты прав соотечественников и интересов национальных меньшинств. И почти все они отмечали небывалый рост ксенофобских настроений в мире. Надо признать, что и наиболее прогрессивные представители мировой общественности также высказывают тревогу по поводу усиления экстремизма и нетерпимости в отношении национальных меньшинств. Так, ко-

миссар Совета Европы по правам человека, бывший министр по делам общественной интеграции Латвии Нил Муйжниекс со ссылкой на мнение независимых обозревателей недавно признал, что нынешний рост ксенофобии в Европе достиг «уровня ранней формы крайне правого террора». С критической оценкой своего европейского коллеги согласен и уполномоченный МИД РФ по вопросам прав человека, демократии и верховенства права Константин Долгов. Выступая на конференции перед соотечественниками Латвии, Литвы и Эстонии, представитель российского МИДа

подчеркнул, что считает неприемлемой ситуацию, когда представители нацменьшинств в странах Балтии не имеют возможности общаться на родном языке с властями, а также использовать родной язык в топографических названиях. Притом что более 50 процентов населения, проживающего в крупнейших латвийских городах, по своему этническому составу являются русскоязычными. «Это факт попустительского грубого нарушения прав человека в самом сердце Европы! И мы не станем мириться с ползучим наступлением на русский язык, которое мы наблюдаем в Прибалтике», — отметил Константин Долгов. Российский политик также потребовал от международного сообщества повлиять на власти Латвии и Эстонии в решении проблемы массового безгражданства. Он назвал недопустимыми для цивилизованного мира заявления официальной Риги о том, что русская школа, существующая на латвийской земле с 1789 года, должна быть ликвидирована к 2018 году. По мнению российского правозащитника, все эти факты свидетельствуют о грубом ущемлении прав русскоязычного населения в Прибалтике и нарастающей «зашкаливающей политизированной русофобии».

На конференции говорили и о репрессиях против русских обще-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ственных деятелей Прибалтики. Так, в начале года под вымышленным предлогом был помещен в таллинскую тюрьму лидер антифашистской организации «Эстония без нацизма» Андрей Заренков. В Литве завели уголовное дело против активистов, организовавших помощь Луганску, которых обвиняют в «пособничестве террористам». В Латвии аналогичный сбор помощи тоже прикрыли, лидеры зарегистрированных общественных русских организаций уже давно внесены в черный список Полиции безопасности, а их портреты публикуются на первых полосах латвийских газет. Политический скандал на ровном месте возник недавно по вине известной противницы русских школ Ины Дривие, нынешнего министра образования и науки Латвии. Она предприняла попытку запретить книги русского писателя Валентина Пикуля о Второй мировой войне, преподнесенные послом России Александром Вешняковым в дар школьникам Резекне. И лишь после «проверки» экспертов из Полиции безопасности книги разрешили оставить в школе. Власти Прибалтийских стран не дают согласия на открытие в своих странах Российских центров науки и культуры. Как рассказал соотечественникам помощник руководителя Федерального агентства по делам СНГ Эдуард Крусткалн, аналогичные центры сегодня успешно работают во всем мире, даже в Вашингтоне и Киеве! Исключение составляют Латвия, Литва, Эстония и Туркменистан... Что более всего волнует российских соотечественников, проживающих в Латвии, Литве и Эстонии? Какими они сами видят пути решения имеющихся проблем, в чем им необходимы содействие и помощь

Константин Долгов (Россия) выступил в Риге с резкой критикой политики Прибалтийских стран в отношении национальных меньшинств

России? Об этом участники конференции просил рассказать член комитета Совета Федерации по международным делам Рафаил Зинуров, заверив, что высказанные на форуме предложения помогут улучшить российское законодательство в сфере поддержки соотечественников за рубежом. А проблем у них действительно накопилось немало, в том числе и таких, которые без поддержки метрополии решить будет крайне сложно. Остановимся на каждом регионе отдельно.

ЭСТОНИЯ

Делегацию соотечественников на конференции представляли активисты таких общественных организаций, как НКО «Русская школа Эстонии», Институт Пушкина, Объединение российских соотечественников Кохтла-Ярве, Северо-восточный центр русской культуры, объединение национальных меньшинств «Радуга». По данным переписи за 2011 год, русские являются крупнейшим национальным меньшинством Эстонии, около 30 процентов населения (383 118 человек) считают русский язык своим родным языком. Наибольшее число русскоязычного населения сосредоточено в уезде Ида-Вирумаа на северо-востоке страны, здесь более 80 процентов населения являются русскоязычными. Русскими считаются такие города, как Нарва и Силламяэ, довольно много жителей с родным русским языком проживает в Таллинском уезде и в самой столице Эстонии. А вот в двух других крупных городах республики – Тарту и Пярну – удельный вес русскоязычных жителей составляет всего лишь 17 процентов. За последние десять лет население страны сократилось на 5 процентов, причем среди русскоязычных жителей сокращение произошло в большем объеме, чем среди эстонцев. Оставшееся русское население стремительно стареет, и это характерно для всех стран Балтии. Тенденция носит удручающий характер, поскольку оказывает влияние и на количество русских школ в этих регионах. В Эстонии образование на русском языке сейчас можно получить примерно в 60 школах, хотя еще десять лет назад их было

больше ста. В 2011 году 15 русских гимназий Таллина и Нарвы обратились к правительству Эстонии с ходатайством о сохранении русского языка обучения. Было собрано около 36 тысяч подписей, кроме того, ходатайства были поддержаны и местными самоуправлениями. В просьбе было отказано. Активисты обратились в суд. В апреле 2014 года Государственный суд Эстонии признал правомочным отказ правительства в предоставлении 15 русским гимназиям права обучения на русском языке... В настоящее время защитники русских школ Эстонии подготовили жалобу в Комитет ООН по правам человека. Руководитель Южного регионального отделения НКО «Русская школа Эстонии» Шахля Гаджиева-Апурина рассказала соотечественникам о беседе эстонского правозащитника Андрея Лобова с вице-канцлером Министерства образования Финляндии. Дело в том, что в вопросах выбора языка обучения законы Финляндии и Эстонии во многом схожи. Именно поэтому Андрей Лобов пытался выяснить у финского чиновника, какие критерии при этом существуют. В ходе разговора тот даже не сразу понял, в чем суть вопроса, поскольку чиновник просто затруднился себе представить, как это может быть, что ходатайство от местных органов власти не будет принято во внимание Министерством образования. По его словам, основной критерий в принятии решений о выборе языка обучения – желание людей на местах. Говоря о снижении качества образования, педагог из Эстонии затронула проблему подготовки педагогов для русских школ и острой нехватки профессиональных учебных пособий. Специалистов-предметников для школ нацменьшинств уже давно никто не готовит. Через пять-десять лет русских учителей просто уже не откуда будет брать. Не говоря уже об учебных пособиях, которые порой вызывают оторопь у родителей учеников, да и не только. «Чему учат наших детей на уроках истории? Один маленький пример. В главе 50 учебника истории Эстонии для русских гимназий под названием «Жизнь в военное время» автора Лаури Вахтре есть абзац «Русские и немцы»:

«Русские солдаты и прибывшие в Эстонию из России люди вызвали у среднего эстонца неприязнь. Эти люди были бедными, плохо одетыми, крайне подозрительными, в то же время часто очень претенциозными. Немцы были эстонцам привычнее. Немецкие солдаты обращались с мирным населением вежливо, часто даже просто дружелюбно. Они были веселыми и увлекающимися музыкой, из мест, где они собирались, доносился смех и игра на музыкальных инструментах», – зачитала пару абзацев представитель эстонской делегации под недоуменный гул в зале...

Но есть и хорошая новость. В июле 2014 года НКО «Русская школа Эстонии» представила свой, альтернативный отчет для Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, в котором в том числе обращалось внимание на проблему ограничения прав русскоязычных жителей Эстонии в получении школьного образования на родном языке. Именно этот отчет был взят за основу при составлении очередных рекомендаций для Эстонии. Также была осуждена инициатива канцлера права по изменению Закона о частных школах, предпринятая для обеспечения в них образования на эстонском языке. Примечательно, что на этом заседании официальные представители Эстонии пообещали изъять из употребления в школах учебники с «добрыми, веселыми фашистами» и «угрюмыми, злыми советскими солдатами»... Впрочем, скорее всего, их судьбе ничего плохого не грозит, правящие прибалтийские власти уже давно не обращают внимания на заокеанские рекомендации в правозащитной сфере. В какой помощи конкретно сейчас нуждаются русские школы Эстонии? Для того чтобы выяснить ответ на этот вопрос, объединение «РШЭ» провело в июне-июле нынешнего года опрос среди администраций гимназий, учителей и попечительских советов. «В опросе предлагалось 15 видов помощи, из которых надо было выбрать пять самых важных», – рассказала Шахля Гаджиева-Апурина. – Наиболее востребованными оказались следующие позиции: ознакомительные экскур-

сии в Россию – первое место. Далее идут: обеспечение книгами и развивающими материалами, обмен учителями, повышение квалификации педагогов в России и в Эстонии. Думаю, этот опрос как раз и показывает, на что в первую очередь должна быть направлена помощь России». А руководитель делегации Сергей Юргенс (председатель Координационного совета российских соотечественников Эстонии) к сказанному коллегой добавил еще одно предложение – создать фонд поддержки СМИ для соотечественников стран Балтии. По его мнению, это сегодня крайне необходимо в связи с развернувшейся массовой информационной войной против России, развязанной в местных СМИ.

ЛИТВА

Русские на втором месте после поляков по числу граждан, а это более 170 тысяч человек, или 5,8 процента населения страны. Большинство русского населения Литвы проживает в Клайпеде и Вильнюсе, а также в городе Висагинасе Утенского уезда. В остальных крупных городах страны – Каунасе, Шяуляе и Паневежисе – удельный вес русских составляет 2–4 процента населения. За последние десять лет число русского населения уменьшилось на 20 процентов, тогда как литовцев только на 12 процентов.

На конференции соотечественников в Риге в делегацию из Литвы вошли руководители объединений учителей русских школ, правозащитники, деятели культуры и люди с активной гражданской позицией. По общему признанию, ситуация в стране с правами национальных меньшинств в последнее время изменилась в сторону «закручивания гаек», и этот процесс нарастает с пугающей скоростью. Но руководитель делегации Рафаэль Муксинов, доктор социальных наук, возглавляющий с недавних пор Координационный совет российских соотечественников Литвы, призвал коллег не впадать в уныние. «Да, с момента провозглашения независимости у нас была определенная иллюзия, что мы заполним некий люфт между политическими мифами, которыми нас кормили на протяжении многих лет, и существующими реалиями. Была

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Рафаэль Муксинов (Литва) призвал русскую общину активнее бороться за свои права

вера в демократию, справедливость и в то, что нам удастся отстаивать свои права, – признал он. – Но очень скоро наша вера начала быстро улетучиваться. А после событий на Украине мы поняли, что идет уничтожение Русского мира. И сегодня на Украине убивают не наших – там убивают нас. В такой ситуации рассчитывать на демократическое решение наших проблем со стороны властей не приходится. Вопрос – что делать? Исполком веков нашей опорой были мы сами – русская община и русские организации Прибалтики. На протяжении многих лет я не устаю повторять, что русская община должна стоять на двух ногах. Одна – культурно-образовательная, вторая – правозащитная деятельность. Мы страдаем от того, что скачем в основном на одной ноге. А должны бы более активно бороться за свои права!» Оптимизм, по словам доктора, в том, что надо действовать не числом, а умением. Для этого необходимо объединить общие усилия. Но если в культурной сфере это удастся неплохо, то в политической и правозащитной консолидации пока не получается. Хотя сообщать было бы гораздо легче не только заявлять о своих правах, но и вместе их отстаивать. В том числе и в сфере образования на русском языке. Правящая элита прекрасно понимает: нет русской школы – нет русской общины, нет воспроизводства поколения. Неслучайно литовцы, живущие в Великобритании, требуют открыть там литовские школы. Требуют у королевы Елизаветы, а не у своего президента Грибау-

скайте, ибо имеют право, как имеет его национальное меньшинство любой европейской страны, подписавшей Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств. Подписали конвенцию и республики Прибалтики. Значит, прибалтийские русские тоже могут и должны требовать. А еще могут сообща готовить иски в международные инстанции. И на Единый экзамен, и на ликвидацию школ нацменьшинств. Могут даже совместными усилиями разработать проект закона о национальной школе, которого боятся власти Эстонии, Латвии и Литвы.

Председатель Ассоциации учителей русских школ Литвы Элла Канайте рассказала о ситуации с русскими школами после изменения Закона об образовании и введения в 2013 году Единого экзамена по литовскому языку. Педагоги и родители выступали за постепенный переход к новой системе, но, увы, национально настроенные политики меньше всего думают о детях, а уж тем более о нелитовских детях. Их не беспокоило, что для старшеклассников пришлось ввести ускоренное изучение литовского языка и литературы, для чего количество часов в неделю было увеличено в два раза. Даже министр просвещения признал, что учащимся школ нацменьшинств за два года надо выучить то, что проходят в литовских школах за восемь лет! Результаты такого насильственного преобразования плохо отразились на его качестве. Два года назад, когда русские школьники экзамен сдавали как неродной, а литовцы – как родной, не сдавших выпускников русских школ было 6,5 процента. В первый год Единого экзамена – 11,2 процента. В минувшем году – 16 процентов! Русские общественники Литвы сейчас готовят иск в Международный суд. «Еще одна проблема – русофобия, – признала Элла Канайте. – В нашей стране она просто ужасает: недавно к нам в Литву приезжали школьники из Санкт-Петербурга, которых мы повезли в знаменитый «Музей чертей», и ребята, увидев благодарственные надписи, тоже написали свою: «С любовью из России!» Не успели они этот листик прикрепить к стене, как к детям подскочила смотритель музея и у них на глазах со-

Элла Канайте (Литва) рассказывает о ситуации с русскими школами

рвала его! Так что ждать нам хорошего не приходится, а вести диалог в таких условиях становится очень сложно». По данным опроса правозащитников среди школьников Литвы, выяснилось, что 64 процента из них намерены уехать из Литвы, так как не видят здесь своего будущего. Более того, только 1 процент доверяет судам, и никто не доверяет комитету по правам человека при правительстве Литвы.

ЛАТВИЯ

Доля русскоговорящих жителей составляет 37,2 процента, или около 700 тысяч человек, большинство из них проживает на юго-востоке страны. В Даугавпилском и Краславском районах Латгалии жители с родным русским языком составляют абсолютное большинство, много русских в Рижском районе, особенно в Риге и Юрмале. По данным социолога Андрея Солопенко, за последние десять лет сокращение в Латвии русского населения было самым стремительным среди всех стран Балтии – 22 процента, в то время как доля латышей сократилась на 16 процентов. За эти годы в стране было закрыто 96 русских школ. В тех местах, где удельный вес русских составляет менее 25 процентов населения, не осталось ни одной школы с русским языком обучения. Вследствие политических, социальных и демографических процессов, а также ликвидации русского образования негативные тенденции будут усиливаться, что может привести не только к еще большему сокращению русской общины, но и к мар-

гинализации оставшегося русского населения Прибалтики, считает социолог. Поэтому именно борьба за сохранение русских школ является гарантом сохранения в этих странах русского населения.

Размышляя о судьбе русской школы Латвии, председатель ЛАПРЯЛ Елена Бердникова пришла к неутешительному выводу: «Русской школы в Латвии нет – это только фигура речи! В наших школах русский язык – всего лишь один из языков преподавания, и это существенно меняет все в школе». По словам известного педагога, билингвальное образование, которое хоть и не во всем устраивает мыслящих учителей и родителей, все же было определенной стабильной системой, имеющей свои плюсы. «В этой системе есть поле, в котором учитель может варьировать в рамках закона приемы, способы и язык обучения как в основной школе, так и в средней, и это особенно очевидно сейчас – накануне введения новой реформы-2018, когда этих возможностей мы можем лишиться. Если не изменится расклад политических сил, если правительство после октябрьских выборов в Сейм будет такое же, то я не исключаю самого пессимистического сценария – ликвидации Русского мира Латвии. Конечно, это не произойдет завтра. Это не произойдет через пять лет, но прямая дорожка к этому будет открыта», – считает Елена Бердникова. Она призвала коллег шире использовать возможности дополнительного образования для сохранения русской идентичности. В качестве примера можно привести праздник русского языка «Татьянин день», в котором принимает участие большинство школ Латвии. В стране начал оживать интерес к русской культуре благодаря также и возрожденным здесь Дням русской культуры Латвии – это традиция русских, которые до войны жили вне России, тем не менее сумели сохранить и передать следующим поколениям культурный опыт и традиции своего народа. И вот в поддержании таких проектов, конечно, очень нужна помощь России – об этом тоже много говорили соотечественники на своей конференции, обращаясь к представителям российских ведомств. ■

ЖЕМЧУЖИНА ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

АВТОР

ИРИНА КРАМЕР

ИЗВЕСТНЫЙ ЕЩЕ С СОВЕТСКИХ ВРЕМЕН КАК ГОСТИНИЧНЫЙ КОМПЛЕКС ВСЕСОЮЗНОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ИНТУРИСТ», ГРАНД-ОТЕЛЬ «ЖЕМЧУЖИНА» ЯВЛЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО МЕККОЙ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ, НО И КРУПНЕЙШИМ КУЛЬТУРНО-ВЫСТАВОЧНЫМ И ДЕЛОВЫМ ЦЕНТРОМ ЮГА РОССИИ.

ГОСТИНИЦА «ЖЕМЧУЖИНА» ПРИНЯЛА СВОИХ первых гостей 18 мая 1973 года. На открытие самого большого по тем временам отеля приехали руководители ЦК КПСС. Присутствие высокопоставленных чиновников свидетельствовало о большой важности и значимости этого туристского объекта для страны. По тем временам размеры гостиницы были впечатляющие – 923 номера первого класса, в которых одновременно могли отдыхать 1716 иностранных туристов. Поселиться и проживать в «Жемчужине» «Интуриста» для советского гражданина было верхом престижа и поводом для гордости, чтобы потом похвастаться перед друзьями: «Я жил в лучшем «Интуристе» Сочи и СССР». Но и сегодня, спустя сорок один год, «Жемчужина» приятно удивляет своих гостей высоким уровнем сервиса и тем, что, несмотря на возраст, она развивается в соответствии с требованиями времени, поэтому до сих пор это один из самых популярных и знаковых отелей Сочи, в который из

года в год приезжают постоянные гости – семьи с детьми, туристы, успешные люди бизнеса и искусства.

Туристов привлекает неизменно высокий уровень предлагаемого сервиса и удобное расположение от транспортных магистралей и моря: расстояние до аэропорта – 25 км, железнодорожного вокзала – 3 км, Морпорта – 1 км. В шаговой близости от отеля располагается достаточно много культурно-развлекательных заведений и туристских достопримечательностей (ботанический парк «Дендрарий», цирк, Зимний театр, Художественный музей, киноконцертный зал «Фестивальный» и др.). К тому же у «Жемчужины» есть свой собственный оборудованный пляж и круглогодичный бассейн с подогреваемой морской водой.

В прошлом году «Жемчужина» отметила свое 40-летие. И первый подарок отелю преподнесла, пожалуй, Ксения Собчак, написавшая в своем микроблоге «Твиттера» во время «Кинотавра»: «Вы не поверите, я – в «Жемчужине». И это прекрасно».

Что же случилось со старой доброй «советской» «Жемчужиной»? В 2013 году произошел ребрендинг гостиничного комплекса, и она стала гранд-отелем «Жемчужина»: респектабельной, современной гостиницей «4+» звезды, полностью отвечающей требованиям времени, с совершенно новой атмосферой. «Здесь как в Италии» – к такой реакции гостей в отеле уже почти привыкли, ведь именно на это ощущение работает и сияние улыбки официанта в новом лобби-баре, и обновленный номерной фонд, и реконструированный отель. Немногие знают, что путь к своим звездам «Жемчужина» начала всего лишь в марте прошлого года, с приходом нового генерального директора, Виктора Сергеевича Табачкова.

Еще на самом старте преобразований – в начале июня – новую «Жемчужину» оценил практически весь цвет «Кинотавра», который предпочел остановиться здесь. И это

WWW.ZHEM.RU

оказалось для всего города большой удачей. Оценив масштабы и взятый темп перерождения «Жемчужины», организаторы кинофестиваля приняли решение не переезжать на следующий фестиваль сезон в Имеретинскую бухту, а остаться в центре Сочи, и отпраздновали 25-летие главного кинофестиваля страны здесь же в 2014 году.

Надо отметить, что вклад гранд-отеля «Жемчужина» в развитие делового туризма на юге России, в частности в Краснодарском крае, значителен. Ежегодно на его территории проходят масштабные всероссийские и международные экономические и культурно-деловые мероприятия.

Весь выставочно-деловой центр гостиницы занимает площадь в 7000 кв. м – это 10 комфортабельных конференц-залов, переговорных и конгресс-холлов. В 2014 году в отеле планируется завершить техническое переоснащение конференц-залов. По плану развития должны появиться еще два зала-трансформера, рассчитанных на 250 мест. Сегодня полностью переоборудован киноконцертный зал.

Встреча Виктора
Табачкова и Томаса
Баха в отеле

Теперь это 500-местный зал с новыми креслами, сценой и оборудованием.

В конференц-залах и выставочных павильонах гранд-отеля «Жемчужина» круглогодично проходит не менее четырехсот выставок, конгрессов, фестивалей, семинаров и конференций, в том числе и мероприятия, проходившие в рамках зимней Олимпиады 2014 года. Так, в феврале этого года на территории отеля был размещен официальный Дом китайской делегации, а в самом отеле жили участники более ста делегаций со всего мира. И это оправданно. Ведь «Жемчужина» в настоящем – это отель, совмещающий возможности одновременного проживания более чем 2000 человек и организации деловых мероприятий численностью участников более чем 7000 человек, с качественным ресторанным сервисом.

Неслучайно уже два года подряд гранд-отель «Жемчужина» возглавляет российский рейтинг MICE индустрии и удостоивается награды Russian Business Travel & MICE Award в номинации «Лучшая региональная конгрессная гостиница».

За короткий период отель открыл на своей территории несколько ресторанов и новых баров, пиццерию... Предложение по меню здесь совершенно домашнее – настолько душевно приготовлены блюда.

Один из самых молодых салонов красоты – имидж-студия La Pteria родилась тогда же, в 2013-м, буквально за десять дней до «Кинотавра», и уже видела в своих зеркалах практики всех звезд российской эстрады и кино. Студия предоставляет высококлассные услуги мастеров парикмахерского искусства, косметологов, визажистов и весь спектр spa-программ. Студия, единственная на Черноморском побережье, работает с исключительными марками и брендами, среди которых Face to face, Maria Galland, а также предлагает эксклюзивные украшения ручной работы американских дизайнеров.

«Сегодня город очень сильно вырос, – говорит Виктор Сергеевич, – он стал настоящим курортом с хорошими ресторанами, отелями, дорогами. Сейчас мы – номер один. Но не все сегодня до конца осознают перемены. Раньше Сочи был сезонным городом, и все привыкли отработать летний период и потом отдыхать. Сейчас город становится круглогодичным курортом, что несет за собой изменения в менталитете местного населения. Через пару лет, я думаю, город станет еще краше.

В наших ближайших планах – строительство футбольного поля, устройство на крыше вертолетной площадки, благо техническая возможность обустроить ее у нас есть. Вся «Жемчужина» рассчитана на 9-балльную сейсмоактивность, так что резервы прочности заложены еще сорок лет назад. Вокруг площадки – тоже на крыше – появится зимний сад. Перспективное развитие отеля мы направляем на модернизацию и технологичные проекты, которые станут привлекательными для туристов новшествами».

Впрочем, сюрпризов-секретов у «Жемчужины» приготовлено немало. В отеле с комфортом можно отметить личные события, устроить свадебную церемонию на берегу моря, чудесно провести с детьми время в сочинском Диснейленде, с удовольствием встретить Новый год, а после, взбодрившись в бассейне с морской водой, сразу отправиться на горные склоны Красной Поляны...

Приезжайте, отдыхайте! ♦

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

ДОМИК ПОД КАМЫШОВОЙ КРЫШЕЙ

БЕСЕДОВАЛА

АЛЕКСАНДРА ПУШКАРЬ

НИКОМУ НЕ ПРИДЕТ В ГОЛОВУ НАЗВАТЬ «ДОМИКОМ» ЖИЛИЩЕ ТОЛСТОГО, ЧЕХОВА ИЛИ ДОСТОЕВСКОГО. И «ПУШКИНСКИЙ ДОМИК» ЗВУЧИТ СТРАННО. А О МУЗЕЕ ЛЕРМОНТОВА В ПЯТИГОРСКЕ ГОВОРЯТ ТАК. И ДОБРО БЫ РЕЧЬ ШЛА О ТВОРЦЕ СО СЧАСТЛИВОЙ СУДЬБОЙ ИЛИ С ЭТИМ МЕСТОМ БЫЛА БЫ СОПРЯЖЕНА СВЕТАЯ СТОРОНА ЕГО БИОГРАФИИ. НЕТ И НЕТ, ЭТО СУМРАЧНЫЙ ГЕНИЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. ИЗ ЭТОГО ДОМА ОН УШЕЛ НА ПОСЛЕДНЮЮ ДУЭЛЬ. ТАК ПОЧЕМУ «ДОМИК»?

РЕДКИЙ МУЗЕЙ РОССИИ ОКРУЖЕН таким почитанием и заботой, как бывшая усадьба отставного майора Чилиева, где квартировал поэт с 14 (26) мая по 15 (27) июля 1841 года. Более века ему самоотверженно служат поколения сотрудников, он – предмет особой гордости горожан. Эта всеобщая любовь заметна в миллионе деталей, ее ощущает и запоминает на всю жизнь каждый, кто его посетил. 200-летие Лермонтова здесь начали отмечать еще в январе. О программе мероприятий и о самом музее «Русскому миру.ру» рассказывают его директор Ирина Сафарова и замдиректора по научной работе Татьяна Юрченко.

– С чего начался для вас Год Лермонтова, какое событие стало первым?

Ирина Сафарова: Открыла его большая выставка, которую мы провели в январе совместно с Государственным музеем Толстого в Москве. Тема – «Лермонтов и Толстой, очарованные Кавказом». В день рождения поэта, 15 октября, со-

Директор музея
Ирина Сафарова

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

стоялось открытие после реставрации памятника ему в Лермонтовском сквере и традиционный поэтический митинг, который продолжился до 16 октября. Центральным событием года стала Международная Лермонтовская конференция, которая прошла у нас в музее с 12 по 14 мая. Традиция проведения научных форумов на Кавказе крепкая, берет начало с 1956 года...

– ...И это Андроников.

– Да, Ираклий Луарсабович Андроников, Виктор Андроникович Мануйлов, Вано Семенович Шадури – известные литературоведы, которые приезжали сюда и действительно начинали науку о Лермонтове. Сегодня таких звездных имен мы назвать не можем, ушли яркие личности, которые эту школу создавали. Но мы пытаемся собрать людей, которые занимаются Лермонтовым сегодня. С 2008 года мы возобновили традицию

проведения научных конференций, и та, что прошла в этом году, – четвертая в новейшей истории и самая значимая.

– По ее итогам можно судить о современном лермонтоведении? В каком оно состоянии сегодня?

– На мой взгляд, сейчас в лермонтоведении крен. В ходу субъективистское отношение: главное не предмет исследования, а я сам, мое отношение. Эта тенденция прослеживается не только в литературоведении, но также и в театре, кино, музыке – всех направлениях искусствознания. Откуда она? Я считаю, это просто недостаток знаний и профессиональных умений. Сказать что-то новое о поэте человек не может и взамен пытается сделать его «своим», рассказать о слабостях и пороках... Да кто ты и кто Лермонтов! Мне это непонятно. Наша задача – хоть как-то до его уровня подняться, а не его опускать до себя.

– И что, у нас совсем нет специалистов масштаба Андроникова?

– Таких, как Андроников, нет, хотя, конечно, есть люди, которые занимаются действительно научным изучением Лермонтова. Например, московский лермонтовед Владимир Александрович Захаров. Очень важно, что он лично был знаком

Памятник поэту
в Лермонтовском
сквере
Пятигорска

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

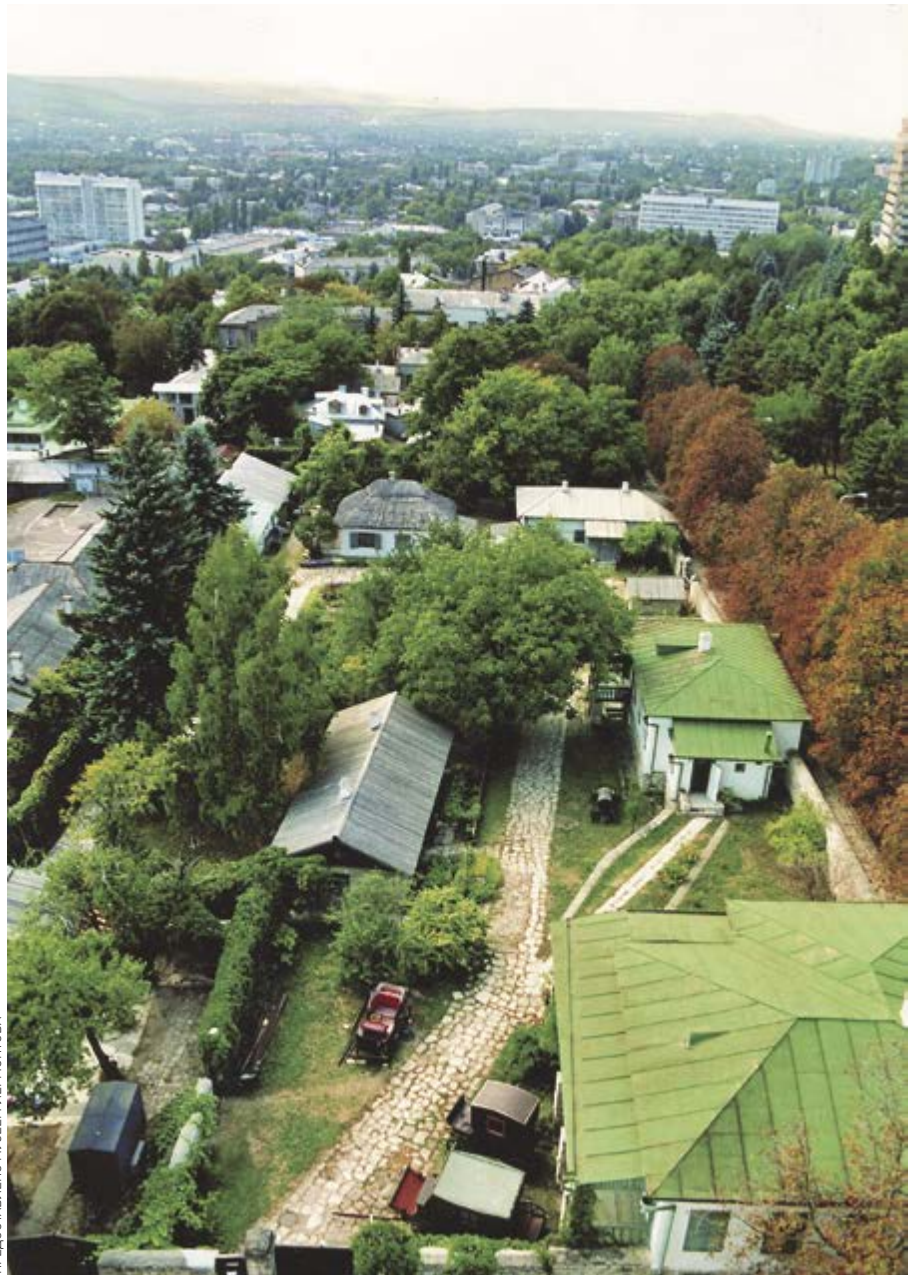
с Виктором Андрониковичем Мануйловым, считает себя его учеником. Виктор Андроникович передал ему большое духовное наследие начатых статей и исследований и просил их закончить. Но для нас более ценно то, что вслед за своим учителем этот человек написал летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича, опираясь на фактический материал. Если он пишет, что в 1839 году такого-то числа Лермонтов был там-то и переезжал из пункта А в пункт Б, это значит, что он непременно видел этот документ в архиве, читал подорожную, приказ, служебную записку. Как раз это отличает его работу от трудов других современников. Захаров исследовал огромный массив документов, многие из которых благодаря ему стали известны впервые. Например, он первым затронул тему пребывания Лермонтова в Петербурге в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Казалось бы, Петербург, такой интересный период в жизни поэта, но до Захарова о нем было мало известно.

– В юбилейном, 2014 году научная Лермонтовская конференция получилась самой масштабной. В числе участников был даже японец, который, к слову сказать, уже завсегдатей этого форума. Насколько велик интерес к Лермонтову за рубежом? Он хотя бы переведен, его читают?

– Если спросить за рубежом, что знают из нашей литературы, прежде всего назовут Толстого, Чехова и Достоевского. И мы понимаем почему. Это проза! Никто не вспомнит Пушкина и Лермонтова. Для того чтобы их узнали, нужен такой же гениальный переводчик, как они сами, а таких нет. Что касается Асута Ямадзи, в этом году его доклад посвящался именно этому – переводам Лермонтова на японский. Их не так много, и в основном это, опять же, проза. Появились они только в 20-х годах прошлого века, до этого Лермонтов в Японии был неизвестен. Однако интерес к нему растет, потому что отдельные мотивы его творчества – восприятие природы, отношение к смерти – близки японцам. Об этом господин Ямадзи говорил на одной из прошлых конференций в докладе «Тема смерти в произведении Лермонтова «Герой нашего времени»».

– Какие еще страны участвовали в юбилейной конференции?

– В этом году у нас впервые была исследовательница из Германии, была итальянский филолог Алессандра Карбоне, которая, кстати, тоже занимается проблемой перевода, литературовед из Израиля. Вообще, на этот раз заявок было как никогда много, и это отраднo. Когда мы возобновляли форум в 2008 году, мы собирали его с нуля и радовались любому участнику, а сейчас уже смотрим, какая из заявленных тем нам интересна. Еще очень важно, что за это время сформировалась группа постоянных участников – «научный пул» Лермонтовских конференций. В него во-

шел еще один мэтр современного лермонтоведения – Ольга Валентиновна Миллер. Она представляет петербургскую школу, большую часть жизни проработала в Институте русской литературы – Пушкинском Доме. Труд ее жизни – единственная в своем роде библиография произведений о Лермонтове, в которой скрупулезнейшим образом сведено воедино все, что когда-либо выходило о поэте.

– Какое из событий юбилея вы считаете главным для вашего музея?

– Недавно мы открыли новую экспозицию. Это литературный отдел. В нем представлена тема «Лермонтов и Кавказ», говорится обо всех его поездках на юг России. Для нас это серьезный шаг. Новая экспозиция – это, я бы сказала, революция в жизни музея. Почему в ней возникла необходи-

Вид на усадьбу музея сверху

Комната,
в которой жил
и работал
М.Ю. Лермонтов

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

мость? Мы вообще-то сторонники консервативного видения, но предыдущая литературная экспозиция создавалась в начале 70-х годов и, конечно же, устарела. Меняются технологии, появляется новое музейное оборудование. И потому способ подачи материала должен меняться. Мы долго были озадачены этим вопросом, но подходили к нему с опаской, поскольку предыдущая экспозиция была очень хороша. Ведущие специалисты считали ее классикой. Однако время неумолимо, и к 200-летию поэта была разработана специальная программа, в которую наряду с другими мероприятиями вошло обновление литературного отдела.

– Вы говорите о программе юбилейного года. Так вы не сами ее готовили, ее вам «пустили»?

– Эта программа федерального уровня, ее готовило Министерство культуры. Но мы участвовали в ее создании. Все началось с указов президента Медведева, которые вышли в 2011 году, – «О праздновании 200-летия со дня рожде-

ния М.Ю. Лермонтова» и «О создании юбилейного комитета». В этот юбилейный комитет была приглашена и я в числе других директоров лермонтовских музеев. Это было очень приятно. Вообще, все, что касается юбилейных торжеств, было сделано правильно и разумно. Нас позвали на первое совещание, мы сами формировали их план. Как раз тогда в качестве своей главной задачи мы определили обновление экспозиции, были услышаны, и деньги на ее решение нам выделили. А вот решать было непросто. Компетентных экспозиционеров у нас мало. Мы понимали, что это будет только Москва или Санкт-Петербург, потому что в провинции нет людей, которые профессионально занимаются музейным проектированием. И, к счастью, конкурс на выполнение работ выиграла компания из Санкт-Петербурга «Раритет-лидер». Я думаю, это неслучайно: экспозиционер, которая оформляла прежнюю выставку, Татьяна Воронихина, тоже оттуда. Но отношения у нас складывались непросто. Первый художник, которого нам предоставили, нас не удовлетворил. Мы долго спорили, однако так ни к чему и не пришли. Рабочие уже начали возводить конструкцию, но мы сказали, что это нам категорически не подходит, и, к счастью, были услышаны.

– Это значит, и партнеры, и министерство открыты для диалога...

– Да, надо отдать должное нашим подрядчикам, они молодцы. Ведь по сути, учреждения культуры бесправны. Подрядчик выиграл конкурс и делает что ему в голову придет. Никаких договорных отношений у него с музеями нет, отношения с государством. Ему дали госзадание, заплатили сум-

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

Буфетная
в Домике

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

му – и рычагов воздействия на него не существует. Но наши партнеры внимательно выслушали наши пожелания. В итоге часть работы, которая показалась нам некачественной, была демонтирована, и мы начали с нуля. Новый дизайнер – теперь я могу назвать его имя – Игорь Яковлевич Силин. Он большой профессионал, чувствует эпоху, и то художественное решение, которое он предложил, уже не вызывало сомнений.

– В новой экспозиции появились новые экспонаты? Как у вас обстоят дела с закупками?

– Такая статья в нашем бюджете есть, но сумма, которую выделяет государство, настолько мала, что за первые месяцы года мы все потратили. Приобрели одну коллекцию – серию иллюстраций к драме Лермонтова «Маскарад». И это притом, что в государственном задании, которое мы получаем, закупки прописаны! Но как мы их осуществим – это уже наши проблемы. Многие музеи как выходят из положения? Открытку какую-нибудь приобретут – вот вам и закупка, для галочки. А что прикажете делать, если нет возможности?

– Сейчас в ходу такая форма спонсорского партнерства – «друзья музея». У вас они есть?

– Мы пытаемся привлечь людей, рассказываем, как это было в начале XX века, когда музей создавался, приводим пример одного из первых его почитателей, Дмитрия Михайловича Павлова, известного краеведа, члена Кавказского общества. Будучи основателем музея, он сам многое для него приобрел за свои деньги. Нельзя сказать, что к нам

стоит очередь из меценатов и спонсоров. Но есть один человек, о котором мы вспоминаем с большим теплом. Это бизнесмен из Владивостока Иван Степанович Шепета, который нам очень помогает.

– Михаил Юрьевич всем сердцем любил Кавказ. В вашем музее к 2014 году готовились загодя, и, как только он наступил, начались памятные мероприятия. Которое из них стало центральным событием юбилея?

Татьяна Юрченко: 16 октября состоялся традиционный поэтический митинг на месте дуэли Лермонтова, где поэты современности принесли в дар гению свой поэтический венок, и у памятника ему в Лермонтовском сквере. Это первый в России памятник поэту, в этом году ему исполнилось 125 лет. Его создал скульптор А.М. Опекушин 16 (28) августа 1889 года. В нынешнем году были проведены масштабные реставрационные работы, коснувшиеся как монумента, так и всего сквера. 15 октября – в день рождения поэта – сквер был торжественно открыт. С памятника слетело белое покрывало, и перед зрителями предстал замечательный скульптурный образ поэта, задумчиво глядящего вдаль, на «синие горы Кавказа».

– Об этих «митингах» я знаю с детства. Моя бабушка всегда в них участвовала. Знакомилась с поэтами и художниками, звала их в гости, они ей посвящали стихи и дарили свои работы...

– В советские времена дни рождения Михаила Юрьевича отмечали очень масштабно. Традиция проведения поэтических митингов берет начало с 1968 года. Это было центральное мероприятие

Памятный обелиск на месте, где 15 (27) июля 1841 года произошла дуэль Лермонтова и Мартынова

ПРЕДСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

Замдиректора
музея по научной
работе Татьяна
Юрченко

торжеств, а вообще праздник длился несколько дней и завершался в Театре оперетты. Сейчас, к сожалению, такого размаха мы себе позволить не можем. 200-летие финансируется не лучшим образом. Допустим, конференцию международного уровня мы проводили фактически за свой счет. Государство выделило средства, но они пошли в основном на реставрационные работы, которые продолжаются до сих пор.

– *И я поражена их итогами. В каком замечательном состоянии ваш музей!*

– Да, на это деньги дают. Существует специальная программа, в ее рамках выделяются средства из федерального и краевого бюджета. А второе, на что предназначены государственные деньги, это реэкспозиция литературного отдела. Более сорока лет просуществовала прежняя выставка, и только с сентября 2013-го мы занялись ее обновлением. Работы шли по июль 2014 года. Только что ее открыли.

– *Когда я была маленькой, Домик окружали такие же постройки тех же лет. Но в них обитали горожане. Во дворах сохло белье, играли дети. Такое окружение оживляло музей. Из него, казалось, вот-вот выйдет квартирант Лермонтов. Сегодня музей разросся, занимает целый квартал, который прежде был населен обычными жителями. А как, кстати, происходило это развитие?*

– Наш музей – из старейших в России. Возник еще до Октябрьской революции, 15 июля 1912 года. Первым был музеефицирован надворный флигель усадьбы отставного майора Чилыева, где Михаил Юрьевич снимал квартиру и где прошли два последних месяца его жизни. Это тот самый домик под камышовой крышей. Рядом с ним помещается большое хозяйское владение, где многие десятилетия обитали сотрудники музея. Отсюда ощущение жилого дома: вот он музей и тут же белье-дети. И в подвале Домика жили. Так было в период Отечественной войны, когда ценой своей

жизни сотрудники музея спасли его от поджога в январе 1943-го.

– *Что это за история?*

– Пять месяцев курорт находился в оккупации. С приходом немцев музей закрылся, и первое время сотрудники вообще не хотели открывать экспозицию. Но немцы настояли, чтобы она работала. Музейщики подчинились, но в штате оставили всего трех сотрудников.

– *Зачем им понадобился наш Лермонтов?*

– Как вспоминала директор музея в то время, Елизавета Ивановна Яковкина, одни руководствовались любопытством, другие – надеждой найти что-то ценное среди экспонатов, которые, естественно, были спрятаны еще до оккупации. Ничего немцы не находили и удалялись разочарованными. В начале 1943-го наши войска были на подходе к Пятигорску. Немцы отступали и поджигали, подрывали стратегические объекты. Уж не знаю, в чем, по их мнению, заключалась важность Домика Лермонтова, но в своей книге Яковкина пишет, что вечером 10 января к ним пришел полицей со свертком под мышкой, в котором, как она думала, была бутылка с зажигательной смесью, и сказал, что получил приказ поджечь Домик. Это был русский человек. Его долго уговаривали и в конце концов убедили не делать этого. А весь Пятигорск пылал в пожарах. Водопровод был выведен из строя, тушить их было нечем. Музейщики стреляли вокруг Домика кучи снега, чтобы он не загорелся. Музей удалось спасти, правда, один из его бывших сотрудников, Олег Пантелеймонович Попов, который как раз увел полиция, впоследствии был обвинен в пособничестве фашистам, и судьба его сложилась не лучшим образом. У него было очень слабое зрение, воевать он не мог. Когда немцы пришли в Пятигорск, из музея он уволился, так как штат сократили до трех человек (оставили женщин, которым нужно было кормить детей). И у него альтернатива была – ехать на работу в Германию либо служить немцам здесь. А он тоже имел маленького ребенка... И он пошел в полицейский участок, где ему, кстати, обещали, что он будет контролировать часть города, где музей. Он много помогал и музейщикам, и жителям Пятигорска, предупреждал об арестах и обысках. Но, к сожалению, после войны его обвинили в пособничестве оккупантам и сослали в Воркуту. Реабилитировали его только после смерти в 2000 году. Он был филолог по образованию, до последнего дня занимался лермонтоведением, общался с коллегами, был в курсе музейных дел. Будем его помнить. Благодаря его подвигу Домик Лермонтова был спасен во время войны.

– *А кто стоит у истоков музея?*

– Его основало Кавказское горное общество. Была такая организация, она занималась развитием туризма на Кавказе.

Дом Алябьева

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

– И успешно! В начале века курорт был очень популярен. В Пятигорске и Кисловодске отдыхали члены императорской фамилии, Шалютин и другие артисты, лечились герои Первой мировой. И в 1920-е годы он тоже не бедствовал. Портрет Пятигорска времен нэпа мы находим у Ильфа и Петрова. И все эти годы «водяное общество» посещало Домик Лермонтова. Известно, кто именно гостил в музее?

– У нас хранятся книги записей с 1901 года – притом что сам музей открылся в 1912-м! Дело в том, что на месте дуэли Лермонтова была сторожка, и там лежали книги отзывов. Со временем они поступили в музей, и по ним видно, какие интересные люди в Домике бывали. Например, в августе 1920 года его посетили Сергей Есенин и Анатолий Мариенгоф. Есенин оставил запись, простую и краткую, – «Есенин и Мариенгоф». Больше ничего, но этим автографом мы очень дорожим.

– Что случилось с Домиком после Великой Отечественной войны?

– В 1946 году к усадьбе Чилиева присоединяют соседний участок, принадлежавший семье Верзилиных–Шангирей.

– Они же были в родстве с Михаилом Юрьевичем...

– Аким Павлович Шан-Гирей – троюродный брат поэта. В этом пятигорском доме до 1943 года жила его дочь, Евгения Акимовна Шангирей, которая Лермонтову приходилась, соответственно, троюродной племянницей. И уже после ее смерти, по завершении войны, этот дом передают музейщикам.

– А что, советские начальники его не забрали?

– Забрали! Усадьба-то большая... Евгении Акимовне выделили маленькую каморку, но помимо нее здесь проживало еще 11 семей. Она была одинокая дама, обожала Лермонтова и очень старалась для музея. Передала в него много вещей – семейных реликвий, связанных с именем поэта, плюс постоянно находилась в усадьбе и занималась тем, что сейчас называется популяризацией.

– Думаю, для нее это было и по-человечески важно. Лермонтов сделался единственной ниточкой, которая связывала ее с прежней жизнью.

– Конечно. Отец ее, Аким Павлович Шан-Гирей, был не просто троюродным братом, но и близким другом Михаила Юрьевича. Их детство прошло вместе. Матушка, Эмилия Александровна, тоже общалась с поэтом. С ее именем связано его последнее лето в Пятигорске. Конечно, сама Евгения Акимовна знала много и могла делиться воспоминаниями своих родителей, которые общались с Лермонтовым. Для посетителей это было интересно – не просто послушать экскурсию, а стать свидетелями живых воспоминаний.

– А кто возглавлял Домик в эти годы?

– Здесь мы вновь возвращаемся к личности Елизаветы Ивановны Яковкиной, руководившей музеем с 1937 по 1951 год. Это было трудное время. Тем не менее она стала одним из первых директоров – да, собственно, первым, – который начал привлекать в Домик научные силы. С 1938 года в него стали ездить Виктор Андроникович Мануйлов и ленинградский лермонтовед Людмила Николаевна Назарова. До Елизаветы Ивановны это был рядовой провинциальный музей. Да, сохранилась усадьба, но очень видоиз-

мененная, с примитивной экспозицией. Елизавета Ивановна расширила штат научных сотрудников, обновила экспозицию, реорганизовала экскурсионную деятельность. При ней к музею присоединяют дом Верзилиных, и в нем открывается литературный отдел – тот самый, который дошел до наших дней и только сейчас был обновлен. Елизавета Ивановна подготовила ту базу, на которой основано все дальнейшее развитие музея. В 1951 году она ушла из него, а через пять лет состоялась первая Лермонтовская конференция, постоянными участниками которой впоследствии станут Мануйлов, Назарова, Андроников и Шадури.

А в 1973 году к мемориалу присоединили еще одну усадьбу, которая некогда принадлежала семье коменданта Уманова, – и это третий период развития музея. Она по соседству, в ней Лермонтов бывал тоже, поскольку в 1841 году здесь квартировали его товарищи. По окончании реставрационных работ в новом здании открылся отдел «Лермонтов в изобразительном искусстве». Тогда же, в 1973-м, музей получает статус заповедника. В его состав входят уже три офицерские усадьбы. Четвертый этап – это 1997 год, что само по себе, конечно, удивительно. 1990-е годы – непростые в нашей стране. Тем не менее городские власти нашли возможным освободить от жильцов еще один участок. Это тоже старый дом, 1820-х годов. Его называют «Дом Алябьева», поскольку здесь останавливался композитор Александр Алябьев. Принадлежал дом майорше Карабутовой и был также офицерской усадьбой. После Октябрьской революции ее национализировали и отдали под коммунальные квартиры. Но с 1997 года дом перешел музею, и в нем разместился четвертый отдел – выставочные пространства и небольшой концертный зал, где проходят культурные события.

– **Нынешний год официально объявлен Годом культуры. Грядущий – литературы. Это значит, что подобные вашему профильные заведения должны ощутить на себе повышенный интерес. Вы ощутили?**

– Да у нас каждый год – культуры и литературы! Мы музей очень активный, проводим массу мероприятий – и проводили, и проводить будем независимо от кампаний.

– **В этом смысле вам, конечно, повезло больше, чем другим памятникам культуры. Пятигорск – курорт, и это ваше конкурентное преимущество. Здесь много туристов. В обычной жизни они, может, и не соберутся в музей, а здесь, на отдыхе, глядишь, и отправятся.**

– Совершенно верно. Но и само имя Михаила Юрьевича привлекает. Экскурсии по лермонтовским местам – самый популярный маршрут у нас на курорте. Ну а побывать в Пятигорске и не увидеть Домик под камышовой крышей просто невозможно. Поэтому, разумеется, у нас много плюсов по сравнению с тем же соседним краеведческим музеем, который расположен кварталом ниже. Сегодня мы самый посещаемый музей Ставропольского края, а в советские годы были самым популярным лермонтовским музеем России. Благодаря этому в 1971 году мы получили один из наиболее ценных наших экспонатов – подлинную работу Михаила Юрьевича, картину «Крестовая гора», которую в Россию привез Серж Лифарь, купивший ее несколькими годами ранее на аукционе в Финляндии. Работа была в плачевном состоянии, и в 1968 году он передал ее в Москву на реставрацию. Тогда, насколько я знаю, Илья Самойлович Зильберштейн, известный искусствовед и коллекционер, уговорил его не вывозить картину, а оставить на родине. Лифарь согласился, но поставил условие: передать ее в тот лермонтовский музей, который является самым посещаемым. Таковым на тот момент оказался наш Домик, и спустя время картина приехала в Пятигорск.

– **С какими музеями вы тогда конкурировали? Какова она, лермонтовская география?**

– Это Тарханы в Пензенской области, Москва и Петербург. Из Петербурга в первую ссылку на Кавказ он едет в 1837 году, но этот край ему уже хорошо знаком. Ребенком бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева трижды возила его сюда. Один раз – именно в наш район и в Чечню, где жила ее родная сестра, Екатерина Алексеевна Хастатова. И там и там у нее были имения. В Чечне, кстати, в ее доме открыт филиал Национального музея Чеченской Республики. Но тогда, в 1837 году, по службе он попадает еще и в Закавказье. Вот вам география.

– **И что является центром этой карты?**

– Конечно, каждый будет перетягивать одеяло на себя: Москва, Петербург, Тарханы... Но, например, Белинский назвал «поэтической родиной» Михаила Юрьевича наш край. Наверное, это справедливо. Вот мы говорили о живописном наследии Лермонтова – 14 картин сохранилось, а тема одна: Кавказ.

Выездное
заседание
комитета
Госдумы
по культуре
в Доме Алябьева.
Сентябрь
2013 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЛЕРМОНТОВА

КРЫМ КРЫМЫЧ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЛЕНИВЫЙ ПОГРАНИЧНИК – ЭТО НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОГРАНИЧНИК УКРАИНСКИЙ. ТАКИХ ЛЕНИВЫХ ПО ВСЕМУ СВЕТУ В ДОСТАТКЕ. НО ТОТ ПАРЕНЬ С ТРЕЗУБЦЕМ НА КОКАРДЕ БЫЛ ЛЕНИВ КАК-ТО ОСОБЕННО. ЕМУ ДАЖЕ ЛЕНИТЬСЯ БЫЛО ЛЕНИВО. И МЫ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОЧЕРЕДЬ ИЗ ТРЕХСОТ ГОЛОВ НА ПРИЧАЛЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОРТА, ВЫСТРОИВШУЮСЯ В ШЕСТЬ УТРА ПОСЛЕ ТРЕХНЕДЕЛЬНОГО ПОХОДА ПО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЮ, ОТ УСТАЛОСТИ И БЕЗНАДЕГИ ПОЛОЖЕНИЯ ПОЧТИ НЕ РОПТАЛИ. СКРОМНО УДИВЛЯЛИСЬ МЕЖ СОБОЙ ТОМУ, КАК, ОКАЗЫВАЕТСЯ, СЛОЖНО СТАЛО ПОПАСТЬ В РОДНОЙ КАЖДОМУ РУССКОМУ КРЫМ.

ДЕЛО БЫЛО В 2010 году. Когда среди прочих господ автор этих строк стал участником морского похода, посвященного 90-летию эвакуации

с полуострова русской армии генерала Врангеля. Мы тогда шли обратным маршрутом. Не из Севастополя в Стамбул, Грецию и тунисскую Бизерту, а наоборот.

Спустя четыре года, после весенних событий 2014-го, появилась возможность понять, каков он – нынешний Крым. А заодно еще раз познать, каков он – Крым вечный.

План познания мы задумали обширный: Бахчисарай, Севастополь, Фиолент, Балаклава, Инкерман, Алушка, Большая Ялта и еще кое-что по возможности. Поначалу местом дислокации выбрали околялтинский Симеиз. Но после того, как вместе с моим бессменным товарищем по репортажам фотографом Александром Бурым выяснили, что ежегодно в сентябре, независимо от политической конъюнктуры, в этом милом поселке неистовствуют нудисты, а в скандально известном баре «Ежики» на Голубой аллее – прочие представители нетрадиционного досуга со всего постсоветского пространства, место расположения штаба пришлось перенести. Не для Русского мира ентот Симеиз, честное слово. Выбрали Форос. Самую южную точку Южного берега Крыма, именуемого по обыкновению ЮБК.

ФОРΟΣ БЕЗ СИМЕИЗА

Маленький курортный поселок, находящийся на равном расстоянии от Севастополя и Ялты, до сих пор жертва ложных представлений. Правда, иного свойства, чем Симеиз. Большинство населения России ассоциирует его название с событиями 1991 года, когда на здешней госдаче первый и последний президент СССР, Михаил Горбачев, фактически лишился этого самого

президентства. И невдомек этому большинству, что Горбачев в истории Фороса – не более чем одна из миллиардов волн, разбившихся о прибрежные валуны, брошенные в море у берега знаменитыми крымскими землетрясениями.

Во второй половине сентября в Форосе тихо. На каждого отдыхающего приходится куча фруктов, включая легендарный крымский финик под

Церковь
Воскресения
Христово
в Форосе

звучным названием «зизифус», а также – по полтора таксиста, готовых ехать когда угодно и куда угодно. Но – за деньги. За 500 рублей – подняться к церкви, нависающей над Форосом уже более ста лет на плоском уступе в полукилометре над берегом моря. За 3 тысячи – хоть в Севастополь, хоть в Ялту. И это – ежели на целый день. Летом, в разгар сезона, ценовые клыки, надо думать, вырастают, как у вампиров в полнолуние. С другой стороны, кушать хочется всем, в том числе и вампирам с шашечками. А нынешнее лето, в силу определенных обстоятельств, количество курортных жертв заметно урезало. Но есть и третье соображение, объективное. Разве прогон в 100–150 верст с многочасовым ожиданием всего-то за 3 тысячи отечественных – это много? По черногорско-турецким меркам-то?

Храм Воскресения Христова висит над Форосом с 1892 года. На плоской вершине уступа, именуемого «Красная скала». Он – рядом и недоступен одновременно. От уровня моря – всего-то 400 метров. По петливой дороге – почти 8 километров. «Висит» – это не метафора. Подсвеченный в ночи или окутанный горными облаками, он и вправду оторван от земли, будто волшебная игрушка на невидимой ветке божественной рождественской елки.

Жил в этих местах в конце XIX века купец первой гильдии Александр Кузнецов, монополист по поставкам чая в империю. Жил по той простой причине, что страдал астмой, а здешний прибрежный лес изобилдовал можжевельновыми деревьями и весьма способствовал созданию особой атмосферы. Дом Александра Кузнецова до сих пор стоит в парке, разбитом при прежнем владельце этих земель, герое войны 1812 года генерале Николае Раевском, и именуется местными жителями «дворец». А церковь построили уже по инициативе самого Александра Григорьевича в 1892 году. Таксист, что везет

нас в гору к храму, живописует о том, что купец Кузнецов – тот самый владелец знаменитого Кузнецовского фарфорового завода, конкурировавшего когда-то с заводом Императорским. Услышите такое – не верьте. А вот рассказу о том, что храм был воздвигнут в честь спасения императорской семьи во время крушения поезда у станции Борки под Харьковом в октябре 1888 года, верить можно. Равно как и тому, что почти все местные жители, включая нашего водителя, были хорошо знакомы с отцом Петром. Местный уроженец иеромонах Петр получил назначение в форосскую церковь в 1990 году и принял ее, возвращенную под сень РПЦ, в ужасном состоянии. Но вскоре его стараниями были проведены восстановительные работы, храму вернулись колокола и медь на куполах, алтарная роспись и цветные витражи в окна. 18 августа 1997 года в церковь привезли новый иконостас, вырезанный из дуба в Черкассах. А спустя два дня отца Петра не стало. Его убили два грабителя, покусившиеся на деньги, собранные для оплаты за иконостас.

Разные люди живут в Форосе. Вот – маленький рынок, разбросавший торговые палатки вдоль улицы, рассекающей поселок надвое и ведущей, как и положено в любом приморском поселке, к берегу. Пыжата на самодельных прилавках полные помидоры. Скучают горки зеленой и коричневой смоквы. Растекаются соблазном виноградные грозди. Рядом, в бункере-холодильнике, висят мордами вниз копченые кефали. Чуть дальше – белые сыры, утомленные целлофаном. Улыбчивая пара, торгующая ежедневно возобновляемыми куриными дарами, интересуется у мужчины средних лет в выцветших камуфляжных штанах, мол, давно не видались, где пропадал. А он спокойно так в ответ – вот, вернулся из Донбасса. Повоевал – и будет пока. А там посмотрим.

Дворец купца первой гильдии Александра Кузнецова в Форосском парке

МАНГУП И ФЕОДОРО

Познать Крым в Ялте – невозможно. Это примерно то же самое, что знакомиться с Россией в Москве. А вот в Севастополе – можно. И в Феодосии – можно. И уж тем более там, за кряжами южного бережной яйлы, где никогда не слышно милой, но довольно дурацкой песенки про то, как в парке Чаир распускаются розы. Они тут, кстати, распускаются где угодно. А уж какие розы цветут в сентябре в Бахчисарае...

Но об этом – позже, когда до Бахчисарая доберемся. А пока дорога из Фороса внутрь Крыма ведет в Мангуп-Кале. Очередной таксист, на сей раз старший офицер МВД в отставке Николай Григорьевич, буквально настаивает, чтобы мы заглянули сюда. Да, Бахчисарай, Свято-Успенский монастырь, крепость Чуфут-Кале – все это здорово. И мы туда успеем. Но и Мангуп достоин внимания. Как-то сразу не приходит в голову, что остатки древнего города – это и есть легендарное православное княжество Феодоро, существовавшее в Крыму ни много ни мало почти три века. Несмотря на генуэзцев, владевших в это время крымскими берегами. И несмотря на пришествие татар, вкупе с другими народами образовавших тут в 1441 году собственное государство. Феодоро стигнуло только в 1475-м, после того как пятиме-

сячная осада их столицы, Мангупа, закончилась ее взятием войсками османов.

Наверное, и при ярком солнце здешние отшлифованные ветром и дождями скалы выглядят мрачновато. Они невысоки – метров 300–500, но Господь сотворил их из так называемого мраморного известняка, и эта порода охотно принимает в себя воду, оставляющую вечные черные следы на бледно-сером камне. А кроме того, стесанные временем вершины создают впечатление чего-то рукотворного.

Нам солнца в этот день не достается. У дождя настроение оказалось капризное. Он то напоминает о себе, то засыпает от усталости и скуки. Народу мало, турист закончился – так чего стараться? При такой погоде мангупские утесы кажутся еще более мрачными и неприступными. Как штурмовали их воины Порты – представить трудно. А ведь там, на вершинах, были укрепления и феодоритские солдаты, снискавшие себе ранее славу в битвах при Синих Водах на стороне литовского князя Ольгерда в 1362 году, при осаде генуэзцами порта Чембало (ныне – Балаклава) и при победной битве у Солхата в 1434 году. Внизу под остатками города Мангуп-Кале, – небольшое озеро и село Ходжа-Сала. По всему ви-

Природные
стены,
защищавшие
православное
княжество
Феодоро

дать, летом здесь публики в достатке. Всюду – вывески о сдаче комнат внаем, рукописные афишки, предлагающие отведать татарскую кухню с непременно кофе, дастарханы на террасах. И – объявления об экскурсиях. Туда, наверх, к руинам Феодоро и пещерному городу, возникшему на тысячу лет раньше, чем построили здесь свою столицу православные греки-феодориты. Впрочем, начало нашего тысячелетия – не исторический предел. Археологи доказали, что поселение тавров на этих вершинах появилось еще до нашей эры. А в III–VI веках от Рождества Христова здесь спасались сарматы от нашествия готов и гуннов. Известно, что феодориты успешно отбили от нашествия ордынцев темника Ногай еще в 1299 году. Людей не видно. В чем разница между безвременьем и вечностью? И где граница между землей и небом? У сбитой из ненадежных досок витринки с местными нэцке, искусно выточенными из известняка, возникает фигура девушки с годовалым ребенком на руках. На вид ей лет 18–19. А поймешь взгляд едва раскосых глаз, смотрящих сквозь тебя, – и теряешь представление о времени. Можно купить фигурку? Можно. Можно воды? Можно. А как зовут ребенка? Алина. А что это в переводе на русский? Другая...

Лестница
в небо в Свято-
Успенском
мужском
монастыре под
Бахчисараем

ОСЛИКИ И ВОЛЫ

В 2 километрах от Ходжа-Сала в сторону Бахчисарая – село Залесное. Те же кручи по обочинам дороги, с черными подтеками и сглаженными боками. Тот же мелкий, напоминающий о скорой крымской зиме дождик. Село так бы и оставалось «за лесом» внимания, если б не два предприимчивых и добрых человека. Поверьте, бывает в жизни и такое сочетание «два в одном». Пришла им как-то в головы мысль – устроить ослиную ферму, ведь осел многие века был самым распространен-

ным транспортным средством в Крыму. А нынче – позабыт-позаброшен.

В обширном загоне голов 40, не меньше. Все ослы – в «домашнем», то есть без седел и сбруи. Впрочем, сбруя – это у лошадей. А у ослов как? Смотритель Виктор на этот многомудрый вопрос не реагирует, но по поводу седловки разочаровывает. К ночи дали штормовое предупреждение, и ветер до утра хлестал так, что даже в голову не пришло готовить ослов к маршрутам. Равно как и лошадей, стоящих в соседнем загоне. Но если на об-

Ханский дворец
династии Гиреев

ратном пути из Бахчисарая на думаете – поседлаем, обещает Виктор, затягиваясь столичным гостинцем. А что б «ребята» вас получше запомнили, советует он, можете покормить яблоками. Вон их сколько нападало после шторма. Сколько бы их ни нападало, но угостить 40 ослов и полдесятка лошадей с руки – это долгая история. Тем более что ослики одним яблочком не удовлетворялись. А рядом с конским загонем уже зашевелили полными и влажными губами громадные волы. И метровые рога навострили.

Пора и честь знать, но Виктор, видать соскучившийся по людям, провожает рассказами. Эти волы, оказывается, редкой африканской породы. И осталось их на земле от силы 26 штук. А тут, в Залесном, их две пары. Потому и в кино снимаются. Нашу скромную делегацию провожают не только позавтракавшие ослики и лошадки. Провожает печальными глазами и огромный алабай сквозь могучие прутья решетки, отделяющей его клеть от мира. Он яблок не ест, сообщает Виктор, а грустит потому, что вчера проиграл бой. Не повезло.

Уникальные
волы на ослиной
ферме

ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ И «ВЕЗУНЧИК»

В этом особенность крымских городов. Между ними дорога отменная. Или – просто хорошая. Но едва въезжаешь на территорию города – как смыло! В неофициальной столице Крымско-Татарии – Бахчисарае – также. Точка отсечения – магазин с бодрящим названием «Везунчик». Наш таксист-гид Николай Григорьевич поясняет, что вокруг пока – Новый Бахчисарай. А за Ханским дворцом начнется Старый. Там с дорогами еще хуже. Позже убеждаемся, что Николай Григорьевич врать не любит.

Мы трясемся по городским ухабам и мучительно вспоминаем перевод с тюркского. «Городсад»? Город есть. А вот что касается сада... Но вот по правую руку – Ханский дворец, и желание ерничать пропада-

ет. Вовсе не потому, что дворец впечатляет размерами или подавляет архитектурой. А потому – что он пропитан историей! И это несмотря на то, что от исконных построек мало что сохранилось. В 1736 году русский фельдмаршал Миних после захвата ханской столицы дворец сжег. Сам Миних, правда, отписал в Петербург, что дворец подожгли преисполненные жажды мести солдаты и помешать им не было никакой возможности. Спрашивается, жажда чего еще заставила этих солдат вырубить прекрасные висячие сады? Александр Пушкин был здесь в 1820 году и оставил весьма невеселые воспоминания об увиденном: «Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет». В XIX веке оставшееся многократно ремонтировали и переделывали

в связи с визитами русских государей, чем еще больше отдаляли прототип от реальности. Но примерно полвека назад Ханский дворец основательно отреставрировали, восстановив часть его бывшего облика. И надо признать, весьма удачно. История вернулась в эти стены. И розы – вернулись. Высокие, стройные и ароматные – они заполняют внутренние дворы и куда лучшие шитых бисером подушек на диванах и ручной резьбы ореховых шкафов, тонких потолочных узоров и роскошных восточных ковров, отделанных серебром кривых сабель, и перламутровых узоров на шкатулках возвращают в те времена, когда бродили здесь под пристальным надзором седого евнуха Зарема и Мария. Когда седлали богатым чепраком ханского коня, на котором Гирей отправлялся в очередной набег.

Здесь не выращивать розы нельзя и по другой причине. Ведь каждый день два цветка – белый и красный – должны ложиться на мрамор Фонтана слез, так искренне воспетого Пушкиным.

«Бахчисарайский фонтан» – не самое сильное произведение великого поэта. Но гений на то и гений, чтобы схватить самое главное, уловить самое важное. На свете сохранилось много зданий, служивших обителями властителям. Есть среди них празднично-торжественные громады, есть мрачные крепости, есть изящные, созданные для беззаботной жизни дворцы. Ханское жилище в Бахчисарае – юдоль бесплодия и тоски. И государство у Гиреев было такое – бесплодное, лишенное дара создания и устремленное только на разрушение чужого бытия. И люди тут жили по большей части в страхе и покорном фатализме. Надо отдать должное работникам Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника, в который входит и музей Ханского дворца, – им эту атмосферу удастся сохранять в полной мере. Вновь заморосил дождик. Озираюсь по сторонам огромного

Бахчисарайский
Фонтан слез,
воспетый
Александром
Пушкиным

главного двора Ханского дворца и ловлю себя на простеньком вопросе: а где ж тут можно отве-дать знаменитый бахчисарайский кофе? И для сутрева, ну и для культурного просветления, естественно. Ответ был найден быстро – нигде. И только зазы-валы на площади перед Двор-цом обещали угостить благост-ным напитком где-то в соседних заведениях. Как вскоре выясни-лось, по крайней мере, в одном заведении кофе варят так себе. В одной большой турке на четве-рых. И безо всякого в этом про-цессе душевного участия. Я бы даже сказал, с тоской.

Мы уезжаем из Бахчисарая той же дорогой. Вот он – магазин «Ве-зунчик». И смысл названия уже ясен как редиска. Ежели добрал-ся до окраины вытянутого вдоль лощины городка, сохранив все четыре колеса, – значит, повезло. Но прежде была еще одна доро-га из Бахчисарая. Короткая, все-го 2 версты, в ущелье Марии, на-зываемое местными татарами «Мерьем». Туда, где влит в скалы Свято-Успенский мужской мо-настырь.

СТЕНА ВЕРЫ

Не исключая, что подсознание православного человека довле-ло над впечатлениями и наблю-дениями. Но все-таки есть же и элементарная арифметика на свете. Всюду, где мы останавли-вались по дороге, людей было настолько мало, что почитай и не было. В Крыму сезон уже за-канчивается. На пляжах нет шезлонгов – ни даром, ни за деньги, в прохладную воду всту-пают единицы. Каботаж почти прекратился, морские трамвай-чики в Ялте вытащили на мол, пора чистить днища от ржи и ракушек. Давеча в Форосе за-крылся тир. А тут...

На пяточке перед входом на мо-настырскую территорию, ни-коим образом, впрочем, не ого-роженную, нет экскурсионных автобусов. От силы – с десятка легковых машин. Но чуть даль-ше, сразу за заложенным древ-ними камнями скитом в горе, на которой в 7 саженях над зем-

лей когда-то явилась местному пастуху икона Девы Марии, сот-ни паломников и любопытству-ющих взбираются по крутым лестницам в скальные храмы. Внутри – живой поток, стремя-щийся к списку с иконы Одиги-трия в крохотном храме-пещере. Навстречу – монах в истрепан-ной серой рясе, торопится вниз на послушание. Взгляд таких же серых, как ряса, глаз – спокой-ный и чуть снисходительный. Видать, тут всегда так. И монах привычно осеняет крестом.

Никто не может уверенно утвер-ждать, когда именно в этом ущелье появились первые монахи. Есть версия, что монастырь в здешних скалах возник не позд-нее VIII века от Рождества Христо-ва. Логика такова: раз неподале-ку были найдены христианские захоронения VI века, значит, хри-стиане здесь жили и где-то от-правляли культ. Версия хромает по одной причине: обитель в дан-ном случае вовсе не обязательна, достаточно и церкви.

Согласно другой версии, мона-стырь возник в ущелье Марии в XV веке и чуть дальше – рядом с крепостью Чуфут-Кале, при-надлежавшей караимам. Но по-сле захвата Крыма османами в 1475 году перебрался туда, где находится по сей день. Прав-да, с солидными перерывами во времени. При власти крым-ских ханов христианам на полу-острове приходилось несладко.

Доходило до того, что местные христианские владыки обраща-лись к русским царям с прось-бой о тотальном переселении в большую Россию. Так, в 1772 году крымский митрополит Иг-натий писал в Святейший си-нод и лично Екатерине II о не-обходимости спасти христиан путем переселения. Пятью года-ми позже князь Прозоровский отписывал графу Румянцеву-Задунайскому о том, что с дав-них времен под Бахчисараем существует греческая церковь в скале и находится в глубоком упадке. Из чего можно сделать вывод, что в конце XVIII века монастыря в ущелье не было.

У графа Румянцева в тот момент и мысли не было о том, чтобы на-чать помогать крымским церк-вям и монастырям. Наоборот, он распорядился в 1778 году начать переселение греков в Россию. Именно по этой причине глав-ная святыня Успенского монасты-ря – икона Одигитрия – вместе с переселенцами попала в Мариу-поль, где и находится до сих пор. Жизнь в скиту тогда замерла.

Возрождение началось после того, как в 1818 году место посе-тил император Александр I. Будучи в Бахчисарае, он возжелал побывать там, где пастуху яви-лась икона Богородицы. Спу-стя 32 года обитель возродилась. Можно скептически относиться ко всякого рода совпадениям, но едва монастырь начал жить, как

Свято-Успенский мужской монастырь в ущелье Марии

помощь его насельников понадобилась мирянам в полной мере. Грянула Восточная (Крымская) война. И в скиту был открыт лазарет. Тем более необходимый, так как совсем рядом шли активные военные действия и случилось одно из крупнейших сражений той кампании – битва на Черной речке. Она закончилась для Русской армии не лучшим образом, потери составили около 9 тысяч человек и среди них – четыре генерала. Двое покоятся на территории монастыря. Это генерал-адъютант барон Павел Вревский и начальник штаба 3-го пехотного корпуса генерал-майор Петр Веймарн.

Если идти от монастыря по дороге к крепости Чуфут-Кале, что издревле располагалась на входе в ущелье, можно увидеть еще одно воинское захоронение – 1944 года. Здесь лежат десятки советских солдат, умерших от ран в монастырском госпитале во время освобождения Крыма от фашистов.

Постепенно узкая асфальтовая дорожка превращается в каменистую горную тропу. Но заброшенной она не выглядит. Вот и сейчас навстречу то и дело попадают группы людей, возвращающихся к монастырю из Чуфут-Кале. Среди них паломников нет, одни туристы. Паломникам до Чуфут-Кале, как нам с Александром Бурым – до Симеиза.

Городские постройки и скальные укрепления древнего города Чуфут-Кале

НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Но мы не паломники и не туристы. Нам – надо. И вот впереди – полкилометра тропы, когда укрытой произвольно втиснутыми в землю камнями, когда увитой петлями толстых корней. На полпути – брошенное мусульманское кладбище за плохо сохранившейся каменной аркой. По легенде, это текие – место последнего пристанища сподвижника Пророка – дервиша Гази Мансура, павшего в бою при обороне Чуфут-Кале. Правда, от чьей руки пал мужественный сподвижник – история умалчивает. Как бы ни было, но кладбище дервишей, по преданиям, построил крымский хан Менгли Гирей на том месте, где были убиты и похоронены дервиши Гази Мансур, Ших Халим и Ших Рамаза. Один из исследователей писал: «Находится там большая гробница шейха Мансура из Медины. Это был один из благородных товарищей господина Пророка. Богобоязненный шейх Мансур умер во время битвы за замок Гевхекерман и остался погребенным. Великолепная постройка, в которой он покоится, привлекает большие толпы паломников».

Именно здесь с паломниками вовсе не густо. Туристы уходят в Чуфут-Кале по тропке левее. По тропке правее – на текие – не

идет никто. А Гевхекерман – это Чуфут-Кале и есть. Об этом городе-крепости можно рассказывать много. За полторы тысячи лет существования здесь – от римского императора Юстиниана до крымских ханов – многое что произошло. Но это тот самый случай, когда лучше один раз увидеть. А уж потом – много всякого разного прочесть.

Мы возвращаемся к монастырю. Выглянуло солнце, и долина преобразилась. Черные разводы на окружающих скалах на глазах становятся еще чернее, а пока густая зелень подчеркивает белизну монастырских построек.

...В Крыму довелось побывать с десяток раз. И все тогда – в советских детстве и молодости. Полуостров был доступен, как сейчас. Без всяких там таможенников и пограничников. Правда, на диком берегу обладателей кострища и палатки могли побеспокоить люди в зеленых фуражках на предмет гражданской бдительности. Но и то – редко.

А вот форосская церковь была закрыта. И про Успенский монастырь гиды и таксисты не рассказывали. Равно как и про дервишей, ханов, татарские дворцы, генералов вроде Веймарна и Вревского. Даже про ослов – ни словечка. 📍

ЧЕТЫРЕ ИМЕНИ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПАМЯТНИКИ ПРОСТО ТАК НИКОГДА НЕ СТАВЯТ. И НЕ СТАВИЛИ. ТЕМ БОЛЕЕ ВО II ВЕКЕ Н.Э. ТЕМ БОЛЕЕ СМЕРТНОЙ ЖЕНЩИНЕ, А НЕ БОГИНЕ. ЗДЕСЬ, В ДРЕВНЕМ ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ, ПОЧТИ 2 ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД ПАМЯТНИК ЖЕНЩИНЕ БЫЛ ПОСТАВЛЕН ОТ ИМЕНИ НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ГОРОДА.

Е Е ЗВАЛИ ЭЛИЯ ЛАОДИКА. Это имя звучит нежно и мелодично: будто легкий ветерок перебирает струны лиры, забытой изящной девушкой на скалистом берегу Черного моря... Но наше воображение – всего лишь манипулирование милыми нам образами. К тому же оно имеет неприятное свойство разбиваться о неумолимые факты, такие же бесстрастные, как каменные стены древнего Хер-

сонеса. И если говорить о фактах, то все, что нам известно об Элии Лаодике, можно уместить в пару строк. Она происходила из знатной семьи, была замужем за Титом Флавием Партеноклом, а урну с ее прахом нашли при раскопках Херсонеса в семейном склепе у крепостной стены города. Мы не знаем, что подвигло сограждан поставить памятник жене Партенокла. Ее красота? Героизм? Самоотверженность?

Мы даже не знаем, сколько было лет Лаодике, когда ее родным пришлось разжечь погребальный костер. В ее истории, как и в истории ее города, больше вопросов, чем ответов... И, кстати, легкий ветерок в Карантинной и Песчаной бухтах, на берегах которых живет город-призрак, явление довольно редкое. Здесь чаще свирепствует соленый морской ветер. Он свистит в ушах, норовит выкрасть шарф и треплет вас за волосы, заодно выдувая из вашей головы образ изящной девушки с лирой. И тогда, стоя на обрывистом берегу, о который без усталости разбиваются волны Черного моря, вы вспоминаете о том, что в череде известных вам из греческой истории и мифологии женщин по имени Лаодика – начиная с Электры и заканчивая царицей Понтийского царства Лаодикой VI – были и героини, и бессовестные интриганки, и даже детоубийцы...

Руины ксенодохона (постоялого двора). В Херсонесе он располагался недалеко от порта – главного поставщика клиентов для этой древней гостиницы

Но стоит обернуться, увидеть руины Херсонеса, и подобные подозрительные мысли исчезают сами собой: слишком красноречивы эти заросшие седыми лишайниками камни. Нужно лишь напрячь воображение – все же куда без него? – и перед вами из небытия возникнет блестящий полис, известный сразу под четырьмя именами: *Херсонес Таврический, Херсон, Сарсона и Корсунь*. Да, он был основан позднее других греческих городов на Крымском полуострове, но именно ему выпала самая удивительная, бурная и знаменательная судьба...

Прибывшие на этот скалистый берег 25 веков назад греки недолго ломали головы над тем, как назвать свою новую родину. Будущий город нарекли Полуостровом. То есть Херсонесом. Почему? Так на полуостров же высадились!

Судя по обилию топонимов «Херсонес», разбросанных по берегам разных морей, древние греки не особо фантазировали, придумывая название очередной колонии или освоенному полуострову. А чтобы окончательно в них не запутаться, уточняли, о каком именно

Херсонесе идет речь. К примеру, нынешний Галлиполи в Турции в древности был известен как Херсонес Фракийский. Мармарика в Северной Африке носила гордое имя Херсонес Большой. Ну а Херсонес, основанный на юго-западном побережье Крыма, звали Таврическим. По той простой причине, что племена, населявшие тогда Крым, греки именовали таврами. Слава за ними закрепилась дурная: считалось, что тавры – народ свирепый, живет разбоем и приносит человеческие жертвы своей богине плодородия.

Правда, греков, основавших Херсонес Таврический в V веке до н.э., это не сильно заботило. Великая Греческая колонизация уже выплеснулась за пределы Средиземного моря: земель здесь давно не хватало. Как едко замечал тогда Сократ, «греки расселись вокруг Средиземноморья, как лягушки вокруг болота». Так что ни свирепые тавры, ни Понт Аксинский (древние греки называли Черное море «Негостеприимным». – **Прим. авт.**) не рассматривались колонизаторами в качестве причин, способных остановить продвижение границ ойкумены...

СОЮЗ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Лучше всего прийти к самому открытию музея-заповедника «Херсонес Таврический», когда шумные экскурсии еще не оккупировали древнее городище. Тогда удастся побродить по руинам в одиночестве, прислушиваясь к настойчивому призыву волн и тоскливым крикам чаек. И начать прогулку с Портового квартала – именно здесь и зародился Херсонес, именно здесь обосновались пришельцы из Гераклеи Понтийской и с острова Делос.

Есть в этом союзе колонистов из двух греческих полисов некая странная притягательность, о которой хочется сказать несколько слов.

Гераклея Понтийская была одним из самых цветущих городов Вифинии. Но не отличная гавань, не торговля, обогатившая горожан, не ученик Платона философ Гераклид составляли ее славу. Город стоял у реки Ахерон, которая, протекая через Ахерусийское озеро, уходила затем под землю. Надо ли напоминать, что Ахерон, река скорби, почиталась греками как одна из пяти рек Аида? А мрачное уз-

Один из излюбленных приемов строителей в Херсонесе – *opus mixtum*: в кладке стен использовались камни и ряды плинф – плоских глиняных кирпичей

кое ущелье, в котором она исчезла под землей, считалось входом в Подземное царство. Здесь с древнейших времен совершали обряды почитания умерших и вызывали их тени. Так что Гераклея Понтийская была последним рубежом на пути в царство мертвых.

А Делос был своего рода антиподом Гераклеи. Греки были

уверены, что именно на этом, самом маленьком из Кикладских островов появились на свет сиятельные боги-близнецы – луноликая Артемида и солнечный Аполлон. Конечно, остров считался священным. Расположенный на нем город Делос даже не имел крепостных стен: жители совершенно не беспокоились о безопасно-

сти, уверенные в том, что святость места является наилучшей защитой. Но священный статус оборачивался и неудобствами: на Делосе нельзя было погребать мертвых, так что делосцам приходилось хоронить умерших на соседнем острове Ренея. А сам Делос, получается, был исключительно островом живых.

Остатки христианского храмового комплекса, с VI–VII веков служившего резиденцией херсонского епископа. Эти руины носят условное название «базилика с ротондой»

ГОРОД КОРНЕЙ И ИСТОКОВ

БЕСЕДОВАЛ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

В ОДНО ИЗ ОКОН КАБИНЕТА ДИРЕКТОРА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ» ЛЕОНИДА ЖУНЬКО ВИДЕН ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ВЛАДИМИРСКИЙ СОБОР. ДРУГОЕ ВЫХОДИТ НА МОРЕ И РАЗВАЛИНЫ СТАРИННОГО ГОРОДА, ОСНОВАННОГО ДРЕВНИМИ ГРЕКАМИ: С ПРИСОЕДИНЕНИЕМ КРЫМА К РОССИИ ХЕРСОНЕС СТАЛ ОДНИМ ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ СТРАНЫ. ЛЕОНИД ЖУНЬКО ШЕСТЬ ЛЕТ ВОЗГЛАВЛЯЛ АДМИНИСТРАЦИЮ СЕВАСТОПОЛЯ, НО УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО УПРАВЛЯТЬ ДРЕВНИМИ РАЗВАЛИНАМИ НЕ МЕНЕЕ ХЛОПОТНО, ЧЕМ СОВРЕМЕННЫМ ГОРОДОМ.

– Леонид Михайлович, музей-заповедник «Херсонес Таврический» сегодня, видимо, является крупнейшим археологическим музеем на территории России?

– Безусловно. И на территории Восточной Европы, кстати, тоже. Херсонес – памятник, который позволяет увидеть развитие трех культур: древнегреческой, древнеримской и византийской. Наглядно увидеть, потому что в силу исторических особенностей хорошо сохранился. И это удивительно. К сожалению, активное строительство Севастополя сопровождалось разборкой древних стен Херсонеса. Строителей привлекали тесаные камни – хорошо обработанные, удобные для транспортировки и строительства. Но, к счастью, в Российской империи XIX века нашлись люди, переживавшие за культурное наследие. Они спровоцировали мощную дискуссию о судьбе памятника. В результате варварское уничтожение Херсонеса прекратилось. А со второй половины XIX века началось его регулярное изучение.

– Почему так поздно? Разве власти не понимали значения Херсонеса как места предполагаемого Крещения Руси?

– Понимали. Первой этим вопросом озабочилась Екатерина II. Известно, что она дала поручение князю Григорию Потемкину, чтобы он разыскал в Крыму город, где крестился Владимир. И он выполнил приказ. Надо сказать, что поручение не было капризом или чисто научным интересом импера-

Стражи царства мертвых и обитатели острова живых, объединившиеся для основания новой колонии на чужом берегу, – многообещающее начало для легенды. Но если отвлечься от символических образов, то придется признать, что вряд ли в союзе гераклейцев и делосцев было что-либо мистическое. Почти одновременно в Гераклее случился политический кризис, вылившийся в конфликт аристократов и демократов, а Делос столкнулся с очередными притязаниями Афин на гегемонию. Демократы в Гераклее проиграли и были вынуждены покинуть родной город, так же как и те из делосцев, кто противился афинскому диктату. Изгнанные гераклеоты, обратившиеся за советом к знаменитому Дельфийскому оракулу, получили пророчество, что они заселят Таврический полуостров вместе с делосцами. Что они и сделали. Конечно, их здесь никто не ждал: местные племена вовсе не собирались делиться землями. Так что довольно скоро колонисты озаботились возведе-

Древние
городские
ворота

нием крепостных стен, дабы уберечься от нападений тавров и скифов. Впрочем, бурная история Херсонеса никогда не давала строителям сидеть без дела: оборонительные укрепления перестраивались, усиливались и надстраивались почти постоянно. Итог впечатляет даже сегодня, когда от крепостных стен осталось не так уж много.

ОТ РЕСПУБЛИКИ ДО ИМПЕРИИ

Археологи считают, что уже к началу II века н.э. перед древними городскими воротами Херсонеса была построена протейхизма – дополнительная, передовая стена, которая возводилась перед основной крепостной стеной на ее наиболее уязвимых участках. Протейхизма

трицы, – известно, что она увлекалась древностью. Я считаю, это было мудрое решение. Тот, кто не знает своего прошлого, не имеет и будущего. Обращение к истокам и корням очень символично и чрезвычайно важно, особенно в нынешних условиях. И сегодня внимание к этому вопросу нужно усилить, и Херсонес снова готов выступить духовным символом.

– **Считаете, что Херсонес сегодня может сыграть роль объединительного начала?**

– Бесспорно. Православные всего света должны найти здесь духовное единение. Именно здесь, где все начиналось. События, происшедшие и происходящие на постсоветском пространстве, особенно на территориях, населенных православными, во многом трагические. Отчуждение достигло невиданных размеров. И убедить этих людей снова стать братьями очень сложно. Но альтернативы объединению нет, а потому этим нужно заниматься. И я уверен, духовное единство нужно искать в истоках, которые у нас являются общими. И рано или поздно люди единой веры придут в Херсонес – ногами или помыслами.

– **В Херсонесе и сегодня ведутся раскопки?**

– В заповеднике работает почти 200 человек: научные и технические работники. Помимо ухода и наблюдения за памятником, а также ведения экскурсионной деятельности мы

ведем раскопки и изучение находок. В прошлом году на территории «Херсонеса Таврического» работали 18 экспедиций. В этом году ряд иностранных археологов к нам не приехали, например из Польши и США. Они не отказываются от изучения Херсонеса, речь сейчас идет о временной приостановке сотрудничества. Мы дорожим нашими взаимоотношениями с зарубежными археологами и историками и надеемся сохранить их.

Зато полным ходом идет восстановление утраченных научных связей с российскими институтами, музеями и учеными. К счастью, мы никогда не прерывали взаимоотношений с Эрмитажем – как минимум одну экспедицию в год они присылали. Недавно мы подписали с руководством Эрмитажа соглашение о сотрудничестве, к нам теперь будут приезжать две экспедиции из Санкт-Петербурга. Есть взаимный интерес и с коллегами из других городов России.

– **А считают ли в мире Херсонес и Панتيкапей частью античной цивилизации? Скажем, греческие археологи к вам приезжают?**

– Приезжают. Все крупные ученые считают Херсонес частью Древней Греции. Вот сейчас мы заканчиваем реконструкцию нашей античной экспозиции: ведь прежняя экспозиция формировалась еще после Великой Отечественной войны, и за прошедшее время сделано много новых открытий.

сильно усложняла использование неприятелем осадных орудий. И даже если враг все-таки ее преодолевал, он попадал в ловушку – перибол, то есть свободное пространство между передовой и основной стенами. В таком случае нападавшим, оказавшимся в каменном мешке, можно было только посочувствовать: они были зажаты между двух стен, а сверху на них летели камни, стрелы, копья и лились потоки кипящей смолы.

До поры до времени Херсонес успешно справлялся со своими врагами самостоятельно. И даже быстро добился процветания: херсонесцы оказались оборотистыми посредниками. Из Греции сюда ввозились товары, пользовавшиеся спросом даже у местных варваров, – украшения, оружие, оливковое масло, черно-лаковая посуда... А вывозились из Херсонеса меха, мед, воск, кожи, хлеб, рабы. И, конечно, рыба и гарум! Нечаянно при раскопках в Хер-

Перибол
и протейхизма
(справа)

сонесе было найдено несколько домов и усадеб «рыбопромышленников», огромные цистерны для хранения рыбы и даже опсополион – рыбный рынок, на котором продавались и рыбные соусы. Легко представить,

как проклинали судьбу соседи богатых рыбопромышленников, в домах которых готовился тот самый гарум. Соус этот был необычайно популярен в Античности, его подавали и к сладким, и к соленым блюдам,

Обновленная экспозиция стала больше и шире – из 250 тысяч артефактов, которыми располагает музей, мы показываем около 6 тысяч. И греческие ученые проявляют к новой экспозиции интерес, даже помогли нам с изготовлением витрин.

– Вы всех пускаете вести раскопки в Херсонесе или ведете тщательный отбор экспедиций?

– Пускаем всех, кто владеет темой и имеет авторитет в научном мире. Так получается, что в Херсонес приезжают настоящие фанатики своего дела, для кого археология – дело жизни. Беда в том, что «Херсонес Таврический» известен в археологическом мире не так широко, как он того заслуживает. Зато когда о нем узнают, тут же выражают желание приехать. Когда наш музей-заповедник в прошлом году включали в число памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и была проведена презентация, для многих стало откровением, что в Крыму существует такой интересный и важный объект. Нас даже упрекнули в том, что мы плохо себя рекламируем. Трудно не согласиться с этим. Но в последние годы финансирование было резко ограничено. Даже те деньги, которые мы сами зарабатывали, фактически не могли использовать. Музей ежегодно принимает порядка 400 тысяч посетителей в год, если судить по количеству проданных билетов. Но у нас масса льготных программ, с учетом которых число гостей достигает 600 тысяч в год.

– За реализацию каких проектов приметесь в первую очередь, если финансовое положение улучшится?

– Первым делом завершим древнегреческую экспозицию. В зале сделан ремонт, научная часть собрана и оформлена, дело за техническими работами. Во-вторых, законсервировали бы те памятники на территории музея-заповедника, которые в этом нуждаются. В-третьих, неотложных нужд множество: техническое оснащение, укрепление. Негде проводить временные выставки, не хватает помещений для сотрудников и коллекций. Бесценные мозаики мы храним в приспособленном сарае. Есть проект, разработанный совместно с итальянскими археологами, о хранении и экспонировании мозаик. Но пока он существует лишь на бумаге. Кроме того, хотим перестроить центральный вход, сделать его шире и удобнее. Старый ругают за тесноту и очереди.

– Современные компьютерные технологии могут прийти на помощь сотруднику и посетителю Херсонеса или они разрушат аутентичность памятника?

– Технологии очень нужны, и они обязательно сюда придут. Виртуализация Херсонеса пойдет музею только на пользу. Далекий от науки человек, глядя на руины, зачастую не может понять и представить, как люди жили в этом городе. «Как они здесь помещались? Как протискивались между домами? Зачем так тесно натяканы здания?» – эти вопросы ежедневно слышат наши экскурсоводы. Первую попытку показа реальной жизни Херсонеса мы сделали – открыли выставку зданий-миниатюр. Проблема в том, что мы не можем достроить какое-то здание на старом фундаменте, даже если приблизительно знаем, каким оно было. Не имеем права. Вот тут-то и должны вступать в дело виртуальные техноло-

Так называемый Монетный двор Херсонеса, здание которого датируется III веком до н.э. Во время раскопок в 1904 году здесь было найдено более 40 бронзовых заготовок для чеканки монет

он даже использовался как лекарьство. Хвала небесам, что еще до того, как спустить все свое состояние на кулинарные деликатесы и покончить с собой, поняв, что придется есть обычную пищу, знаменитый римский гурман Апиций оставил книгу рецептов, где не забыл упомянуть и гарум. Благодаря ему мы знаем, что ингредиентами соуса являлись рыба, оливковое масло, уксус, соль, вино и травы. И все бы ничего, да только эту смесь оставляли гнить под солнцем в течение двух-трех месяцев. Представляете, как благоухал этот изысканный деликатес? Так что, несмотря на всю любовь к гаруму, в больших городах Древнего Рима действовал запрет на его производство...

Разбогатевший и обросший новыми территориями Херсонес процветал. Он превратился в рабовладельческую республику, верховным органом которой являлось собрание полноправных граждан. Хозяйственными и те-

гии. Например, человек подходит к останкам того или иного дома или квартала и с помощью смартфона или иного приспособления получает картинку живого города.

– Понятно, как содержать в надлежащем виде усадьбы или картинные галереи: когда нужно, плотник поменяет оконную раму, а маляр подкрасит фасад. А как ужасивают за руинами? Трудно представить в Херсонесе, занимающем 40 гектаров, смотрителя или уборщицу.

– Между тем есть и те, и другие. А как без них? Только наша уборщица не с тряпкой, а с мусорным ведром и с косой. На выкашивание такой гигантской территории тратится множество сил и средств. По правилам растительность на всей площади Херсонеса должна быть не только выкошена, но даже выщипана. Когда позволяли финансы, мы нанимали косарей, когда с деньгами было туго, привлекали собственных работников. Опасность травы, особенно сухой – возникновение пожаров. И, к сожалению, возгорания на территории Херсонеса случаются каждое лето. За памятниками следят наши научные сотрудники, иногда, когда необходимо что-то подровнять или усилить, они делают и эту работу.

– К слову, вывесок «Экспонат руками не трогать» я в Херсонесе не нашел.

– А они есть, но с другим текстом: «По стенам не ходить». Это разрушает памятник. Но ни таблички, ни окрики сотрудников не помогают: обязательно находятся посетители, желающие прогуляться по стенам. В обществе, к сожалению, разработа-

лось потребительское отношение к истории и экспонату. И это не сейчас произошло. В XIX веке известный историк графиня Уварова была в набат по поводу уничтожения Херсонеса. И достучалась благодаря своим связям до императорской фамилии. К слову, Романовы очень любили этот памятник и не раз представители семьи бывали здесь, жертвовали деньги. Так вот, про вандализм. После Октябрьской революции Херсонес рекламировали как привлекательную загородную зону отдыха! Даже в газетах писали: мол, приходите сюда жарить шашлыки и играть в волейбол! После Великой Отечественной это снова началось. И сегодня мы часто сталкиваемся с плодами такой политики. К примеру, некоторых людей бывает очень трудно убедить в том, что по Херсонесу нельзя гулять с собакой. «Я с детства здесь с собакой гуляю, чего вы мне тут говорите», – отвечает он, получается конфликт с охраной. Или идет человек купаться на берег Херсонеса. А на входе говорит, что следует во Владимирскую церковь, которая стоит на территории музея. Прихожан пропускают бесплатно, и он тоже вроде как идет молиться, а сам – в плавках и покрывало под мышкой. Обидно не то, что люди купаются в музее и ходят по стенам древнего города, а то, что они искренне не понимают, почему этого делать нельзя. Не понимают, что мы обязаны приложить максимум усилий для сохранения памятника и передачи его потомкам во всей полноте. В земле Херсонеса спрятаны ответы на важнейшие вопросы человеческой истории. Возможно, когда-нибудь он ответит людям на главный вопрос и преподаст главный урок – почему город, живший и процветавший не одно тысячелетие, прекратил свое существование и стал просто руинами? ■

кущими делами занимался ежегодно сменяемый совет, а контролировала все и вся коллегия номофилаков – «стражей закона». Город, спланированный по Гипподамовой системе, продолжал строиться, в III веке до н.э. в нем даже появился театр, после чего Херсонес уже трудно было считать глухой провинцией. Скорее всего, именно в этом театре местный историк Сириск зачитывал согражданам

свой труд, в котором описывал варварские набеги на Херсонес. Трактат сего почтенного мужа до нас не дошел, зато сохранился высеченный на мраморе декрет, сообщающий, что Сириск был награжден золотым венком во время празднования дионисий. Но вскоре Херсонес столкнулся с первой серьезной проблемой. Скифы, и до того не раз наводившие ужас на греков,

Руины двух церквей, построенных на арене театра – там, где раньше исполнялись трагедии и бились гладиаторы...

обустроили свою новую столицу, Неаполь (современный Симферополь. – **Прим. авт.**), в опасной близости с Херсонесом. А затем принялись методично отвоевывать у республики земли: во II веке до н.э. Херсонес лишился ряда своих владений и был вынужден искать защиты у Боспорского царства (объединяло несколько городов восточной части Крымского полуострова, столица – Пантикапей, нынешняя Керчь. – **Прим. авт.**), трон которого в тот момент занимал легендарный Митридат VI Евпатор Великий. Войска Митридата разгромили скифов, но Херсонес дорого заплатил за помощь. Он потерял независимость и стал вассалом боспорского правителя. Правда, ненадолго: амбициозный Митридат вступил в противоборство с Римом и после трех кровопролитных войн, побежденный знаменитым Гнеем Помпеем, совершил самоубийство. А Херсонес в I веке до н.э. перешел под знамена Рима: Гай Юлий Цезарь признал за городом особый статус, и отныне он напрямую подчинялся римской администрации. Так что вплоть до разделения Римской

В одном из таких пристенных склепов была найдена и урна с прахом Элии Лаэдики

империи на Западную и Восточную в цитадели Херсонеса попеременно квартировали солдаты I Италийского, XI Клавдиева и V Македонского легионов, а в бухте стояли корабли прославленного Флавиева флота...

ПОД ЗНАКОМ КРЕСТА

Практически в каждом квартале Херсонеса можно найти развалины христианского храма или часовни. Даже на орхестре городского театра, где сначала ставились трагедии и комедии, а в годы зависимости от Рима сражались гладиаторы, позже были построены две церкви, чьи руины можно увидеть и сегодня. Христиане появились в Херсонесе задолго до того, как распалась Римская империя и город оказался под властью Византии (кстати, именно константинопольские чиновники переименовали Херсонес в Херсон. – **Прим. авт.**). Еще в первые века нашей эры в Херсонесе – точнее, в расположенные рядом Инкерманские каменоломни – начали ссылать последователей Иисуса Христа. Мы не знаем точного числа ссыльных, нам неизвестно, сколько их по-

гибло на тяжелой каторге в Инкермане, но известно, что именно сюда в конце I века н.э. был сослан апостол от семидесяти, четвертый по счету папа римский святой Климент I. Вместе с остальными изгнанниками он работал в каменоломнях и продолжал проповедовать среди язычников. Житие святого Климента сообщает, что иногда он крестил до 500 человек в день. В итоге в Херсонес прибыл специальный посланник императора Траяна, который долго пытал святого Климента, а затем приказал привязать его к якорю и утопить в море. Как ни странно, но следующий опальный папа римский появился в Херсонесе в то время, когда христианство давно уже стало государственной религией Византии. Спустя пять веков после убийства святого Климента в херсонскую ссылку был отправлен 74-й епископ Рима – святой Мартин I, который скончался здесь в 655 году. Престарелый понтифик вызвал гнев византийского императора-монофелита Константа II, осудив монофелитство как ересь на Латеранском соборе в 649 году.

Изысканный мозаичный пол сохранился в Уваровской базилике – самой крупной церкви Херсонеса. Этот храм был открыт в 1853 году во время раскопок, организованных известным меценатом графом А. Уваровым

За что и поплатился своей тирой и жизнью.

А спустя еще двести с небольшим лет в Херсон прибыли святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий – создатели старославянской азбуки. В 860 году византийский император Михаил III отправил их с миссией к хазарскому кагану. В предыдущем веке хазары, столицей которых был город Итиль (нынешняя Астраханская область. – **Прим. авт.**), отвоевали у Византии часть Крыма и продолжали угрожать империи, так что Константинополь предпочитал поддерживать с каганатом союзнические отношения. Хазары исповедовали иудаизм, но в IX веке в каганат начали проникать христианство и ислам. Богословские диспуты были одним из любимых развлечений правителей, а потому неудивительно, что каган направил в Константинополь послов, предложив Михаилу III прислать в Итиль ученого мужа. По сообщению Жития святых братьев, в письме кагана говорилось: «Если в споре он победит евреев и сарацин, мы перейдем в вашу веру».

В состав миссии, которую возглавлял Константин Философ (мирское имя Кирилла. – **Прим. авт.**), вошел и его брат. Подготовка к миссии шла в Херсонесе, куда византийское посольство добралось осенью 860 года и пробыло здесь до конца зимы 861-го. За это время Константин Философ не только выучил иврит, отыскав себе учителя в иудейской общине города, но и, как сообщает Житие, «нашел здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами. И нашел человека, говорящего на этом языке. И беседовал с ним, овладев силой речи, опираясь на свой язык, установил различие гласных и согласных, молясь Богу, скоро начал читать и говорить». Ученые до сих пор ломают копья по поводу этого отрывка. Самые смелые утверждают, что это и есть свидетельство существования древнеславянской письменности до

За руинами «базилики 1935 года» виднеются развалины жилых кварталов. Именно там, как считают археологи, и находилось русское подворье

Кирилла и Мефодия, хотя никакие иные убедительные доказательства этого тезиса не найдены до сих пор. Другие считают, что этот отрывок – поздняя интерполяция. Третьи уверены, что это – ошибка переписчика: читать нужно не «русьскими», а «сурьскими», то есть «сирийскими письменами»...

Можно не сомневаться, что в Херсоне Константин развил бурную деятельность: он даже успевает организовать успешные поиски мощей святого Климента. Житие сообщает, что Константин с местным епископом Георгием и клиром отыскал мощи папы римского на крохотном острове в море недалеко от берега. Мощи, часть которых Константин взял себе, были торжественно перенесены в соборную церковь.

Где находилась та соборная церковь? Может быть, это была так называемая «Уваровская базилика» – самый крупный храм на территории Херсона, построенный в конце VI – начале VII века? Или все же она распо-

лагалась на «агоре», где сегодня красуется великолепный Владимирский кафедральный собор с остатками средневековой церкви, в которой, как считается, и принял крещение великий князь Владимир Святославич? До сих пор историки спорят об обстоятельствах и точной дате

крещения князя Владимира. Сходятся они безусловно только в одном: после длительной осады Корсунь (так на Руси называли Херсон. – **Прим. авт.**) была взята князем Владимиром, который пригрозил византийским императорам-братьям Василию II Болгаробойце и Кон-

стантину IX Мономаху. Сходятся они безусловно только в одном: после длительной осады Корсунь (так на Руси называли Херсон. – **Прим. авт.**) была взята князем Владимиром, который пригрозил византийским императорам-братьям Василию II Болгаробойце и Кон-

стантину VIII пойти на Царьград, если они не отдадут ему в жены свою сестру Анну. Василевсы выдвинули условие: свадьба состоится только в том случае, если Владимир примет крещение. Князь согласился. А вернувшись в Киев с молодой женой и греческими священниками, взялся за крещение своих подданных.

Кстати, здесь в нашей истории вновь возникают мощи святого Климента, хранившиеся в соборной церкви Херсона. Владимир Святославич взял с собой на родину голову святого Климента. В Киеве эти мощи, скорее всего, находились в Десятинной церкви и, видимо, погибли в страшном пожаре во время разорения столицы Батыем в 1240 году.

А двумя десятилетиями ранее под ударами орд Чингисхана пал и Херсон. И здесь в огне разорительного пожара сгорело и русское подворье. Как считают археологи, оно находилось неподалеку от красивейшей «базилики 1935 года» (объект был назван по времени раско-

пок. – Прим. авт.), остатки которой до сих пор можно увидеть на северном берегу Херсонеса. При раскопках этого квартала были найдены киотный крест XIII века со славянскими надписями и серебряные новгородские гривны. Видимо, именно в этом районе города селились русские купцы...

Дальнейшая история Херсонеса Таврического – череда долгих лет угасания и печали запустения. Ослабленный постоянным противостоянием монголам и туркам-сельджукам, город в итоге сделался добычей предприимчивых генуэзцев, чьи торговые точки-крепости протянулись от Азовского до Средиземного моря. Сарсона – так называли они древний Херсонес, фактически превратившийся в генуэзскую факторию. Но и в этом качестве он просуществовал недолго, конец его истории положила в XV веке Османская империя. И уже в XVI веке Мартин Броневский – польский посланник к крымскому хану Мехмеду II Гераю, проживший в Крыму

Самый известный символ Херсонеса – сигнальный, он же туманный, колокол

девять месяцев, – так описывает погибший Херсон: «...Этот город стоит пуст и необитаем и представляет одни развалины и опустошение. Дома лежат во прахе и сравнены с землей...»

ТУМАННЫЙ КОЛОКОЛ

На самом краю берега, резко обрывающемся в море, стоит главный символ Херсонеса и Севастополя – сигнальный колокол. Но его чаще называют «туманным»: до начала 60-х годов XX века в плохую погоду его звон напоминал морякам об опасной близости скал. Как и всё в Херсонесе, даже этот колокол имеет свою необычную историю.

Он был отлит в 1778 году из переплавленных трофейных турецких пушек, верой и правдой служил сначала в одной из таганрогских церквей, но в итоге был подарен херсонскому Свято-Владимирскому монастырю, созданному в 1850 году по инициативе архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова). Начавшаяся вскоре Восточная война и осада Севастополя закончились захватом района Херсона французскими войсками. Колокол, на сей раз сам в качестве трофея, был вывезен в Париж, где, по легенде, его установили на колокольне Нотр-Дам-де-Пари. Переговоры о его возвращении шли долго, и лишь в 1913 году его наконец привезли на родину. А после того, как в 1925 году монастырь был закрыт, колокол и стал «туманным».

Последние по времени испытания выпали на его долю уже во время героической обороны Севастополя в Великую Отечественную войну: на его затруженных боках отчетливо видны следы от пуль и осколков...

Кто-то когда-то пустил глупый слух, что туманный колокол исполняет желания: надо только загадать что-нибудь и попасть в него камнем. Желавших попробовать – немало. И хотя рядом висит табличка: «Просьба не бросать камни в колокол!», над древними руинами Херсонеса Таврического то и дело раздается короткий и резкий звон...

БЕЛОРУССКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

УГОЛ ТРЕТИЙ: МОГИЛЕВ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСЕЯ ВОРОНОВА

КАРТУ МОГИЛЕВА ПРИШЛОСЬ ИЗУЧАТЬ НА ХОДУ. ВЕРНЕЕ, НА СКОРОСТИ, ВО ВРЕМЯ АВТОБРОСКА ИЗ МИНСКА НА ВОСТОК БЕЛОРУССИИ. И СРЕДИ ПРОЧИХ УЛИЧНЫХ НАЗВАНИЙ, СТОЛЬ ТИПИЧНЫХ ДЛЯ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ, – ВСЯЧЕСКИХ ПЕРВОМАЙСКИХ, ПИОНЕРСКИХ И, КОНЕЧНО, ЛЕНИНСКИХ – НАТКНУЛСЯ НА УЛИЦУ РОМАНОВА. ПОЧТИ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА, В СОТНЯХ МЕТРОВ ОТ ДНЕПРА. НАДО ЖЕ, ПОДУМАЛОСЬ...

СТАВКА ВЕРХОВНОГО главнокомандующего Русской армией переехала в Могилев в конце лета 1915 года, сразу после того, как великого князя Николая Николаевича-младшего

во главе войск сменил сам государь император. Переехать из Барановичей несколько восточнее требовала и оперативная обстановка на фронте, и стратегические интересы. Риски для жизни Николая II требовалось свести к нулю. Городов-кандидатов было четыре, вспоминал бессменный дежурный генерал Ставки с августа 1914-го

по март 1917-го генерал-майор Петр Кондзеровский, – Орша, Быхов, Борисов и Могилев. При выборе будущей фронтовой столицы империи комендант Ставки генерал Саханский отталкивался от сугубо практических задач и на мрачные смыслы мистического характера внимания не обращал.

Ну и что – что Могилев? Достоверных источников о происхождении столь своеобразного названия не сохранилось. А версий сколько угодно. И большинство из них вовсе не связывает название с кладбищенской тематикой. Мол, жил-был в XIII веке такой галицкий князь Лев Данилович Могий, построивший на крутом берегу Днепра деревянную крепость. Другие историки упоминают полоцкого князя Льва Владимировича по прозвищу Могуций, также имевшего интересы в здешних местах. Но несколько позже. Есть и сухая, сугубо этимологическая трактовка. Вернее, даже две. Первая: основой послужило финно-угорское слово «могилай», означающее «город над водой». Вторая говорит о слове из языка балтов «мохилав», что в переводе – «возвышенный».

Главная
городская
площадь
Могилева

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №9 и 10.

Генерала же Саханского при выборе Могилева привлекло прежде всего то обстоятельство, что в городе имелось достаточно присутственных зданий и военных казарм, чтобы разместить Ставку в куда более комфортных условиях, чем это было в Барановичах. Да и природа вокруг – чрезвычайной красоты...

НА БЕРЕЗИНЕ

Дорога – что на запад, в сторону польской границы, что на восток, поближе к Смоленску, – замечательная. Километрах в 50 от Минска вдоль обрамленной соснами обочины медленно двигается группа старателей в оранжевых робах дорожных ремонтников. С помощью нехитрых приспособлений типа «метла» собирают редкие образчики человеческих безобразий. Вроде конфетных фантиков и окурков. А также остатки автомобильной жизнедеятельности: болтики да винтики, порой покидающие привычные места в корпусах машин. Невозможно не обратить внимания на факт, повергающий москвича в шок: все члены поисковой бригады очевидно славянского происхождения.

Еще минут пятнадцать – и Березина. Перефразируя Гоголя, можно смело заявить: какой русский не слышал про Березину! Вот уже

двести лет, как слышим. Впрочем, прежде чем пересечь Березину, надо пересечь Березино. Небольшой городок с 13 тысячами жителей, разменявший недавно полтыщи годков. Кому только не принадлежал из родовитой шляхты! И Сапегам, и Тышкевичам, и графам Потоцким. А на глазок – место весьма невзрачное. Сказалось, видать, многовековое перепутье. А еще – оккупация гитлеровцами в Великую Отечественную, длившаяся ровно три года: с 3 июля 1941-го по 3 июля 1944-го.

Наполеон бежал из России не здесь. Остатки Великой армии перебирались через Березину километров на 70 севернее, аж за Борисовом, у деревни Студёнка. Но и там, и тут река выглядит почти одинаково. Со всем неширокая, петлистая, с размашистыми берегами и песчаными отмелями. Вода – силенокоричневая и прозрачная. Неудивительно, что в расположенных вокруг охотхозяйствах любителей пострелять братьев наших меньших ведут на благородного оленя, лося, кабана. И что временами слышно в затонах, как грызут-перегрызают стволы павших деревьев бобры-работяги. И это – всего в сотне километров от двухмиллионной столицы...

Время имеется, и мы едем в гости к одному из местных охот-

ников-профессионалов. Едем «в глушь, в деревню, в тишину». Прямо вдоль прячущейся в низине извивающейся Березины. Неподалеку местечко, где реку можно не только видеть, но и опробовать. Пробы полностью удачными не назовешь. В том смысле, что не каждый пловец «долетит» до середины Березины. Уж больно мощное течение. Темные воды несут с собой, едва ноги отрываются от песчаного дна. И на берег выбираешься многими метрами ниже. В конце жаркого июля – может, и ничего. А вот как оно было в конце ноября 1812 года?

Бедные французы... Впрочем, почему бедные? Незванный Наполеон хуже татарина. Или, согласно современной трактовке, – ордынца.

НАД ДНЕПРОМ

Нас в Могилеве ждали. Потому и купание в Березине носило характер, скорее, символический. Окунувшись в святые воды, справился с течением – и на берег. Наскоро-насухо – и в дорогу.

Ждут, как известно, по-разному. Но когда одна из главных улиц города перекрыта мобильными экипажами милиции, когда встречает трубным ревом военный оркестр у ратуши – это нечто особенное. Правда, довольно скоро выяснилось, что таким образом встречают вовсе не нас. Торжественная церемония, флаги, женщины с цветами, военные марши – все ради белорусских пожарных, чей профессиональный праздник выпал именно на этот день. И пусть парадная церемония на Советской площади по ряду параметров, мягко говоря, не соответствовала тем ритуалам, что свершались на этой же площади, носившей сто лет назад название «Торговая», при нахождении здесь императора Николая II, все равно хочется встать по стойке смирно и поднести правую руку к виску. Под ногами – асфальт вместо брусчатки, но под асфальтом – та же земля. А земля все помнит.

Река Березина
под городом
Березино

Современная
переправа через
Днепр в центре
Могилева

И некоторые деревья в парке по правую руку, если стоять лицом к Днепру, тоже помнят. Сейчас тут живет парк, носящий весьма странное для этих мест имя – пролетарского писателя Максима Горького. Впрочем, и российская столица обременена той же несуетливостью. Когда-то здесь располагался Николаевский сквер, а по сути – полноценная лесная роща, нависавшая над Днепром, в которой любил гулять в часы досуга последний русский император. А еще раньше – значительно раньше! – на этом самом месте стоял деревянный замок, воздвигнутый когда-то галицким князем Львом Даниловичем.

Николай Александрович прогуливался тут иногда один, нередко с наследником престола великим князем Алексеем, находившимся в Ставке с отцом довольно продолжительные периоды времени. С удовольствием заглядывали в этот парк и императрица Александра Федоровна с двумя старшими дочерьми – Ольгой и Татьяной. Впервые они прибыли в Могилев уже осенью 1915 года.

А что уж говорить об офицерах Ставки во главе с начальником штаба генералом Михаилом Алексеевым, для которых про-

гулки по-над Днепром были одним из немногих развлечений в свободное от службы время.

Нынче в глубине парка стоит храм Святых царственных мучеников и всех новомучеников и исповедников Русской православной церкви XX века. Его освятили 16 февраля 2014 года. Вновь «новодел»? Безусловно. Но уж как-то излишне строго относимся мы к новопостроенным церквям, упирая на дефицит «намоленности». Время, только время позволит понять – к месту или не к месту. Что до «новодела» – это первый вопрос, которым терзаю старшего научного сотрудника Могилевского областного краеведческого музея Людмилу Хомчик, а вместе с нею и краеведа Михаила Рыськова. Терзаю не где-нибудь, а на той самой Торговой площади, у входа в здание музея. За несколько дней путешествия по Белоруссии сформировался комплекс: память есть, а материальных следов – минимум. Вот и тревожусь, после поисков барачников Ставки в Барановичах. Оказывается, напрасно.

В Могилеве материальное сохранилось. Не в полной мере, конечно. Но все-таки.

ВОКРУГ СТАВКИ

Все важные губернские здания находились на Торговой площади. Резиденция губернатора, губернское правление, здание Окружного суда – все они оказались реквизированы под службы Ставки Верховного главнокомандующего. Сам император разместился в губернаторских покоях, заняв под личные нужды всего две комнаты. Там же расположились министр двора граф Владимир Фредерикс, дворцовый комендант генерал Владимир Воейков, гофмаршал князь Василий Долгоруков, генерал-адъютант Константин Нилов, лейб-медик Сергей Федоров и сотрудники военно-походной канцелярии. Что любопытно, императрица с дочерьми, время от времени посещавшая Ставку, всегда оставалась жить в вагонах литерного поезда, встававшего на прикол на Могилевском вокзале.

В доме губернского правления, находившегося по соседству, размещалось управление генерал-квартирмейстера, где жил и работал начальник штаба и, собственно, весь штаб. Здание Окружного суда было занято управлением дежурного генерала. Все эти дома дугой окаймляли Торговую площадь. На сегодня из

них уцелел только один, постройки 1770-х годов – тот, что когда-то принадлежал Окружному суду, а ныне принадлежит краеведческому музею.

В отличие от многих представителей музейного сообщества, склонных преувеличивать историчность вверенных им объектов, Людмила Хомчик без всякого принуждения рассказывает о том, что за последние сто лет здание не раз подвергалось ремонтам и далеко не все в нем сохранилось от того времени, когда здесь размещалась Ставка. Что ж, тем дороже то, что сохранилось. Дом губернатора, где жил Николай II, был сильно поврежден во время Великой Отечественной войны и сразу после оной окончательно разобран. Но представление о его внутренних покоях можно получить на основании воспоминаний Андрея Власова, родственника тогдашнего могилевского губернатора, Александра Пильца: «Входная дверь в дом с площади была через прямоугольный выступ, который называли: «тамбур». А свод над входом был закругленный. Из обширной передней «вестибюля» начиналась налево так называемая парадная лестница, по которой поднимались к «парадным» комнатам дома губернато-

ра. В прямом направлении была застекленная дверь во внутренний коридор нижнего этажа. В этом коридоре не было окон, а только двери в обе стороны, в разные комнаты. От коридора начиналась и внутренняя лестница, которой в повседневной жизни больше пользовались. Она была уже, чем широкая парадная лестница, и ступеньки были расположены закругленно. Внутренний коридор кончался дверью на обширную веранду со стороны сада. На веранде можно было обедать в летнее время. Направо из передней «вестибюля» была дверь в при-

В городском краеведческом музее. Макет старого города

Агитация и пропаганда как оружие Первой мировой войны

емную перед служебным кабинетом губернатора. В приемной было два окна в сторону площади. В обращенном к площади фасаде нижнего этажа было 7 окон. И столько же было в верхнем этаже. В доме не было лифта, не было и центрального отопления. Печки топили дровами. Зажигали дрова и в камине одной из гостиных. Но это скорее для удовольствия «уют», а не для согревания. Большой металлический лист перед этим камином предохранял ковер «во всю комнату» от повреждения догорающими «головешками», которые могли выпасть из камина. С верхней площадки парадной лестницы был вход в совсем маленькую комнату, где стоял, кажется, только один диван. Из маленькой комнаты дверь направо была в верхний «тамбур», который находился над нижним «тамбуром» при входе в дом, а дверь прямо вела в зал. Верхний «тамбур» называли, вероятно, по старой памяти, зимним садом. Но накануне войны 1914 года там не было никаких цветов или растений. Зал в доме губернатора был белым. Светлые обои, полагающиеся портреты Государя и Государыни, стулья на белых ножках, три окна и узкие высокие зеркала в простенках, паркетный пол. В зале стоял и черный рояль. Следующей за залом комнатой вдоль того же фасада была так называемая красная гостиная. Скорее строгая темно-красная мягкая мебель с ножками и обрамлением из красного дерева. На полу ковры в тон, привезенные дядей из Туркестана. Через эту гостиную чаще проходили, чем сидели в ней. Больше привлекала соседняя (все вдоль того же фасада) зеленая гостиная. Мягкая мебель была зеленого цвета; ножки более изогнутые, светло-коричневые. Затопленный камин придавал уют. В этих двух гостиных и были потом устроены «покои» Императора Верховного Главнокомандующего. Александр Иванович Пилец узнал потом из достоверного источника про замечание Наследника престола

великого князя Алексея Николаевича, гостившего в Могилеве. «А губернатор, вероятно, любил сидеть тут у камина; вот, как ковер протерт...» Из зала была дверь в большую столовую. Овальный стол мог становиться длиннее при помощи вставляемых запасных плоскостей. Стулья были с плетеными сидениями и слегка откинутыми назад такими же спинками. У стены был бильярд «Биггс» с покатою зеленой поверхностью. Небольшие

шары посылались по ней кверху. А когда шары катились сами вниз, то желательно было, чтобы они попали по дороге в одно из отверстий того же размера с разными цифрами. Над одним из отверстий был еще звоночек. Может быть, для забавы детей? Можно было выйти из столовой на очень невзрачный и узкий балкон, обращенный в сторону Днепра. Рядом со столовой в сторону внутренней лестницы находились две маленькие

Так выглядел рабочий кабинет императора Николая II в могилевской Ставке

комнаты под названием: «буфетные». Все их стены были в шкафах. Стояли какие-то столики... Кухня находилась далеко, в нижнем этаже. С обратной от «буфетных» стороны была дверь из столовой в комнату с одним окном. В ней стоял письменный стол и был частный телефон, в отличие от служебных телефонов, находившихся в нижнем этаже. Сад при доме могилевского губернатора включал часть откоса в сторону Днепра и имел неправильную форму. В одном месте был длинный пологий спуск к ограде. Зимой он бывал занесен снегом и можно было спускаться там на деревянных салазках. В середине сада были так называемые «гигантские шаги», развлечение для детей, бегавших вокруг прочного столба. В саду были четыре старые пушки, как говорили – шведские». Днепр – внизу. Он в Могилеве совсем не тот, что на Украине. Скромно течет себе под холмом, опоясывая частные дома на левом берегу. Ширина – метров 70. Чем не Березина? «У нас

Выставка в память о Первой мировой в часовне храма Святых царственных мучеников

в Белоруссии он почти везде такой, – поясняет историк Михаил Рыськов. – Его разносит ниже по течению, после впадения Березины и Припяти». Здесь, в Могилеве, нет гидроэлектростанций, уродующих многие славянские реки. А стало быть, можно быть уверенным, что именно таким видели Днепр государь, его дети, приближенные и офицеры Ставки. Ну, разве что мост из Могилева в Заднепровье был иным – деревянным.

ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ

События со второй половины 1915 года на фронте складывались в пользу Русской армии. Немцы и австрияки выдохлись, окопались, и новых неприятностей ждать не приходилось. Наоборот, русские фронты крепили, насыщались живой силой, техникой, запасами и готовились к наступлению, запланированному на лето 1916-го. Отчасти поэтому, отчасти в силу характера самого государя

Храм Святых царственных мучеников и всех новомучеников и исповедников российских в центральном Парке Горького

Чуден Днепр при любой погоде...

жизнь в Ставке приобрела ритмичный и спокойный характер. Сам Николай II жил, строго следуя собственным представлениям о распорядке дня. В определенном смысле оному подчинялись и все тысячи военных, населивших Могилев в эти месяцы. Первыми заступали на службу топографы – в 7.30. Далее в дело включались дежурные штабные офицеры. Еще позже – начальники служб. Это, впрочем, не относилось к начальнику штаба Ставки генералу Алексееву. В 8.00 он уже был на ногах, и сколько спал до этого – никому не ведомо. Служебный график Главковерха тоже был довольно жестким. Царь вставал рано, пил кофе, работал с донесениями и принимал докладчиков, в 10 утра – неизменная встреча с начальником штаба, после чего в полдень следовал завтрак, который, по сути, также был этапом работы. Лишь после этого государь позволял себе отдохнуть. Отдых заключался обычно в пешеходных прогулках на дальние расстояния, в поездках на автомобиле на природу или в путешествиях по Днепру на катере. В 18.00 следовал обед. Вечером Николай Александрович время от времени мог позволить себе посещение кинематографа, который по распоряжению генерала Кондзеровского устроили в могилевском губернском театре.

В известном фильме режиссера Элема Климова «Агония» есть сюжетная линия, когда в сложный момент государь исчезает в странного вида каморке и позволяет себе расслабиться посредством рюмки водки. Кто знает, может быть, известный советский кинорежиссер располагал какими-то особыми архивными документами, но десятки людей, работавших в Ставке в 1915–1917 годах, свидетельствовали, что Николай II выпивал от силы одну-две рюмки водки только за обедом. И то – по необходимости. На обеды в Ставке приглашались не только генералы и офицеры, прибывшие по делам, но и постоянные представители армий со-

юзников. Генерал-майор Британской армии, глава Британской военной миссии в России сэр Джон Хэнбери-Уильямс отметил в мемуарах, что императорская рюмка была крайне мала. Мемуары на то и мемуары, чтобы отражать личный взгляд на происходившее. Пусть редко, но встречаются сентенции, из которых можно сделать вывод, будто Ставка под влиянием царя жила в Могилеве благостно и мирно. Но куда большее количество воспоминаний очевидцев говорит о том, что и сам государь, и его подчиненные работали весьма интенсивно. Например, 13 февраля 1916 года император пишет супруге: «Все эти дни здесь было очень много хлопот, особенно для меня. Во-первых, совещание, которое продолжалось 6 часов. Одновременно мне пришлось серьезно поговорить с некоторыми из генералов, принять Сандро (великий князь Александр Михайлович, создатель русской военной авиации) с длинным докладом, Бориса (ве-

Громада
Могилевского
областного
драматического
театра

ликий князь Борис Владимирович, походный атаман всех казачьих войск) после его ревизии, Поливанова (военный министр) и адмирала Филимора, вернувшегося из Архангельска». Сказанное подтверждают и экспозиции краеведческого музея и

его филиала, посвященные Первой мировой войне. Материалов немного, но все они по большей части касаются профессиональной жизни Ставки, а вовсе не досуга тут служивших. И основной музей, и филиал, между прочим, замечательные. Филиал, то бишь

Ставка
Главковерха.
Резиденция
дежурного
генерала
Ставки. Ныне –
краеведческий
музей

этнографический музей, находится напротив здания губернского драмтеатра, построенного на народные деньги в конце XIX века. К слову, о драмтеатре. Смотришь на это монументальное здание красного кирпича в псевдорусском стиле и гадаешь – не Москва ли это? Втисни его между Государственным Историческим музеем и бывшей резиденцией Московской городской думы – встанет как влитой. Именно в этом театре государь, его семья, офицеры Ставки, нижние чины из полков охраны и обслуживания довольно часто смотрели фильмы в свободное от службы и забот время. Как документальные, так и весьма художественные. Был даже такой случай, когда генерал Кондзеровский, отвечавший за кино, впал в сильное сомнение: можно ли в присутствии царевен демонстрировать ленту, в которой имелся явный избыток поцелуев. При докладе царь попросил уточнить, все ли ограничивается поцелуями, и, получив утвердительный ответ от

дежурного генерала Ставки, заметил, что никаких препятствий не видит. В другой раз император рекомендовал резко уменьшить показ документальных лент, в которых демонстрировалось его присутствие в войсках. К пиару Его Величество относился явно несовременно. Да-да, одна из причин... Очевидцы свидетельствовали, что набожный царь, время от времени совершавший поездки на автомобиле по окрестностям города с обязательным посещением храмов и монастырей, частенько заговаривал с крестьянами об их нелегком житье-бытье. Выслушивал, вникал, соболезновал. Но никогда не позволял себе обещаний, которые не готов был исполнить. Что до моленных мест, то в старом Могилеве было куда пойти. В Свято-Никольский храм, Спасо-Преображенский кафедральный собор, Богоявленскую церковь, собор Святого Иосифа, Крестовоздвиженский собор... Из всех сохранились только два последних.

Свято-Крестовоздвиженский собор, построенный над Быховским рынком в XIX веке на деньги, собранные жителями Могилева

СТАВКА БЕЗ ИМПЕРАТОРА

Могилев – это город, из которого в ночь с 27 на 28 февраля 1917 года Николай II уехал государем великой страны и в который вернулся спустя две недели гражданином Романовым. Вернулся, чтобы считанные часы спустя отбыть в Царское Село простым арестантом. На городских окраинах, ничем не отличающихся от окраин множества других постсоветских городов, об этом как-то не думается. Об этом думается в парке над Днепром и на Торговой площади. И еще – на перронах Могилевского железнодорожного вокзала, откуда уходил когда-то царский литерный в сторону Петрограда. На том перроне, куда чуть ранее прибыл поезд с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, матерью последнего русского царя, которую никто особенно не встречал и уж тем более не озаботился расстелить традиционную в таких случаях ковровую дорожку.

На этом самом вокзале спустя девять месяцев после Февральского переворота упившиеся псевдосвободой и спиртом солдаты и матросы растерзали последнего главнокомандующего Русской армией генерала Николая Духонина. И кончилась Ставка. И кончилась для России Первая мировая война. Только Первая...

Закат торопит. Пора назад, в Минск. Днепр, ратуша, храм, музей, театр, вокзал – все позади. Остается последнее – улица Романова.

И вот она, недалеко от реки. Названа в честь генерал-майора Михаила Романова, оборонявшего Могилев летом 1941-го вместе с вверенной ему 172-й стрелковой дивизией. Ну что тут скажешь? 📍

Автор благодарит за помощь исполняющего обязанности руководителя представительства Росотрудничества, первого секретаря посольства России в Республике Беларусь Виктора Мичурина.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЕЗУМНЫЙ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ВТОРАЯ ЖЕНА НАПИСАЛА О ЗАБОЛОЦКОМ:
«ЭТО БЫЛ НЕОБЫКНОВЕННО ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ
ЧЕЛОВЕК, НИ НА КОГО НЕ ПОХОЖИЙ, А ВРЕМЕНАМИ
НЕПОХОЖИЙ И НА САМОГО СЕБЯ».

О Н И НА ПОЭТА ВНЕШНЕ не был похож: чуть не все воспоминания говорят, что он больше всего напоминал провинциального бухгалтера – аккуратный, на все пуговицы застегнутый, кругленький, в очках. И стихи его будто написаны двумя разными людьми: что же случилось с их автором?

КУКМОР, СЕРНУР, УРЖУМ, МОСКВА...

Родился он на ферме под Казанью в 1903 году, позже у отца случились какие-то неприятности, и семья переехала в село Кукмор, потом в село Сернур Уржумского уезда Вятской губернии. Отец, Алексей Заболотский (тогда семейную фамилию писали так), получил там ме-

сто агронома на земской опытно-показательной ферме. Мать была учительницей. Родители часто ссорились, брак их был не особенно удачен. Заболоцкий писал, вспоминая детство: «Мои первые неизгладимые впечатления природы связаны с этими местами. Вдоволь наслушался я там соловьев, вдоволь насмотрелся закатов и всей целомудренной прелести растительного мира»...

Село было бедным, так что насмотрелся мальчик не только на величие природы, но и на человеческую нищету и несчастье. Научившись читать, стал жадно проглатывать книги и подшивки «Нивы» из отцовского шкафа, и уже тогда решил стать писателем, и другой судьбы для себя никогда не мыслил. Стихи он начал писать в 7 лет. Три класса он отучился в двухэтажной деревянной сельской школе, где священник бил учеников линейкой по рукам и ставил в угол на горох. В третьем классе Коля придумал свой рукописный журнал, где публиковал собственные стихи. После третьего класса в селе учиться было негде, так что 10-летнего Колю повезли в Уржум – поступать в реальное училище. Город, никогда не виданный им раньше, ошеломил и обрадо-

Коля

Заболоцкий.

Уржум. 1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Город Уржум
Вятской
губернии.
Начало XX века

природы» Энгельса и труды Циолковского, с которым он в начале 30-х даже переписывался и послал ему свою поэму «Торжество земледелия».

Голод становился все тяжелее, паек в мединституте надо было серьезно отрабатывать. Наконец паек урезали, и оставаться в Москве было невозможно: не выжить. Заболоцкий вернулся в Уржум. Следующая попытка получить высшее образование удалась лучше. В августе 1921 года Заболоцкий приехал в Ленинград и поступил на отделение языка и литературы общественно-экономического факультета Пединститута имени Герцена. Он учился у Жирмунского, Тынянова, Десницкого. Писал стихи, участвовал в литературном объединении «Мастерская слова». Работал грузчиком в порту, трудился на лесозаготовках; проходил практику в ленинградских школах. Институт он окончил в 1925 году, тогда же познакомился с будущими обэриутами – Хармсом, Введенским, Олейниковым. Многие удивлялись, что общего у него, такого степенного, с этими острословами. Николай Чуковский писал: «Нужно было лучше знать его, чем знал его тогда я, чтобы понять, что важность эта картонная, бутафорская, прикрывающая целый вулкан озорного юмора, почти не отражающегося на его лице и лишь иногда зажигающего стекла очков особым блеском...»

В 1925 году Заболоцкий впервые публично выступил с чтением стихов (и тогда же фамилию свою начал писать через «ц»), в 1926-м вступил в ленинградский Союз поэтов, но его печатный дебют случился только в 1927 году, когда он вернулся из армии. Он служил под Ленинградом, в 59-м стрелковом полку 20-й пехотной дивизии, про армию рассказывал коротко: «Наша большая стенгазета, в редакцию которой я входил, считалась лучшей стенгазетой в округе. В 1927 году я сдал экзамены на командира взвода и был уволен в запас...»

вал мальчика, обрушив на него множество впечатлений. Жить, однако, ему пришлось вдали от семьи, на квартире у хозяйки, которая приглядывала за двумя мальчиками за плату.

Училище было серьезное, хорошо оборудованное: Заболоцкий вспоминает физические и химические аудитории, рисовальный класс, где были мольберты и копии античных статуй, и гимнастический зал со снарядами. Николай хорошо рисовал, увлекался историей и химией. «Первые годы революции встретил 14–15-летним мальчиком, – писал Заболоцкий. – В городе появилось много новой интеллигенции. Были и столичные люди – музыканты, учителя, актеры. Некоторые из них поощряли мои литературные опыты, советовали больше работать, ехать в центр. Намерение сделаться писателем окрепло во мне».

В 1920 году, окончив реальное училище, Николай вместе с другом и одноклассником Михаилом Касьяновым приехал в Москву и поступил в Московский университет сразу на два факультета: медицинский, где давали хороший паек, и историко-филологический. В Москве он начал ходить на поэтические вечера, слушал Брюсова и Маяковского, зачитывался Мандельштамом и Гёте – и искал собственный голос. Постепенно стал отказываться от юношеского увлечения поэзией Серебряного века – и заговорил о том,

что все это бормотание, а в искусстве надо говорить «совершенно определенные вещи». Этой точки зрения он придерживался последовательно; и много позже, в 1948 году, в стихотворении «Читая стихи» он говорит о том же: что «бормотанье сверчка и ребенка», «бессмыслица скомканной речи», «щелканье щегла» – это только забавы, шарады, бессмыслица; что надо веровать в «полный разума русский язык» (многие считали, что стихи эти о Пастернаке, Надежда Мандельштам не могла их простить автору, считая, что они о Мандельштаме, – может быть, из-за знакового «щегла»; сам Заболоцкий настаивал на том, что это собирательный образ).

Среди книг, которые оказали на него большое влияние, сам Заболоцкий называл «Диалектику

Николай
Заболоцкий.
Ленинград.
1921 год

«СТОЛБЦЫ»

Еще до армии Заболоцкий много общался с художниками, интересовался поисками Филонова и Шагала; их сдвинутый мир легко угадывается в его первом сборнике, «Столбцах», родство поэтики бросается в глаза даже неспециалисту. А специалисту очевидно родство раннего Заболоцкого с Хлебниковым и Крученых (но – нет: никакой зауми, Заболоцкого интересовало только значащее, осмысленное слово), с традицией русского абсурда – все дальше вглубь, к капитану Лебядкину, к Козьме Пруткову, и дальше – в XVIII век, к Сумарокову и графу Хвостову... Обэриуты заявляли в своем манифесте (некоторые части которого были написаны Заболоцким), что они кладут в основу творчества «метод конкретного материалистического ощущения вещи и явления» и «конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи». Поиски ими конкретики, однако, уводили их от реализма к абсурду, которого реальность поставляла в избытке; не вещь, а ощущение от вещи, не явление, а впечатление от явления, не фотографическое воспроизведение реальности, а творческое воссоздание – во всей ее густоте, со всеми вывихами. Заболоцкий писал в «Декларации» обэриутов: «В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его... Может быть, вы будете утверждать, что наши сюжеты «нереальны» и «нелогичны»? А кто сказал, что «житейская» логика обязательна для искусства?... У искусства своя логика, и она не разрушает предмет, слова и действия».

Демобилизованного Заболоцкого распределили в детскую редакцию ленинградского ОГИЗа, к Маршаку. Там обэриуты совершенно прижились: их задирность, склонность к вечным шуткам и розыгрышам в конце концов стали задавать общий тон маршаковской редакции – а для детской редакции очень важно умение весело и со вкусом валять дурака. Легкость,

с которой обэриуты начинали или подхватывали игру, сделала их незаменимыми сотрудниками «Чиж» и «Ежа», двух детских журналов, выходивших в редакции. Заболоцкий был из них самый серьезный, самый важный. Когда друзья побрились налысо – для эпатажа, – он не одобрил, осудил... и через несколько дней сам явился с наголо бритой головой...

Первый сборник Заболоцкого, «Столбцы», вышел в 1929 году, когда в русской литературе свирепствовал РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), когда встала задача подчинить творчество литераторов задачам социалистического строительства. «Столбцы» существовали как-то совершенно помимо этих задач – не в диалоге с современностью, а в диалоге с вечностью. Тем не менее сборник этот остросовременный, времен зрелого, клонящегося к закату нэпа; сборник густой, кишачий жизнью, напоминающий читателю не только о Филонове и Петрове-Водкине, но и о натюрмортах малых голландцев, и о фантасмагориях Босха, и о брейгелевской скученной многофигурности. «Столбцы» конкретны до физиологического отвращения, до антиэстетизма, антипоэтичности – отсюда и название: не стихи, не «поэзы» какие-нибудь, а просто «столбцы», рифмованные строки столбиком. В этом мире – нэпманском, кухонном, крущем и пьющем, пьяном и

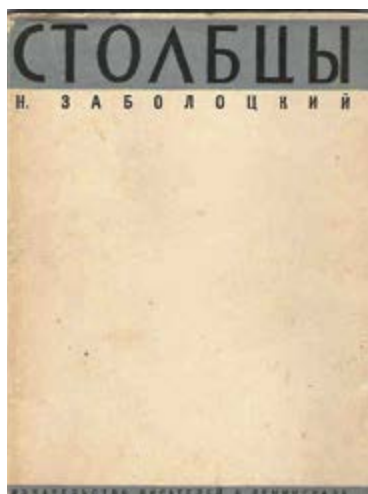
глупом, странном, придурочном мире – все шумит, трещит, громыкает, всего слишком много. Это очень городская книга; в ней всего много – извозчиков, лошадей, бродячих котов, неверных женщин, свадеб, похорон, еды, питья – сплошное торжество физиологии, шум и грохот, мелькание персонажей и предметов... И если некоторые из образов совершенно понятны, как стихотворное изображение движения в «Движении» – конь с восемью ногами уместен и закономерен, – то над толкованием некоторых из них годами бьются литературоведы:

*Покойник по улицам гордо идет,
Его постояльцы ведут под уздцы;
Он голосом трубным молитву поет
И руки ломает наверх.
Он – в медных очках,
перепончатых рамах,
Переполнен до горла подземной
водой...*

Одни утверждают, что это преступник, наряжавшийся покойником, чтобы пугать граждан, пойман и ведом милиционерами; другие – что настоящий покойник с медяками на глазах... В мире «Столбцов» есть двускатные орлы и квадраты колес, у собачки грибные ножки, а зеркало горбатое, а «дым, подобно белой тройке, скачет в облако наверх»... И хотя все персонажи и объекты в этом мире находятся в стремительном движении – поэт ловит их стоп-кадром: замри! – и они замирают в самых невозможных положениях: кто вверх ногами, кто под потолком... Это мир безмысленный, бестолковый – в нем, кажется, вовсе отсутствует все, что относится к душе, и торжествует телесное; этот мир резко дисгармоничен, в нем царит какофония. Разумеется, в Советском Союзе такая книга была встречена в штыки. «Книжка вызвала в литературе порядочный скандал, и я был причислен к лику нечестивых», – писал Заболоцкий другу.

Почему автор видит только плохое, уродливое, только гримасы нэпа, почему он обходит своим

Обложка первого сборника стихов Н. Заболоцкого, «Столбцы». Художник М. Кирнарский. Издательство писателей в Ленинграде. 1929 год

Обложка
журнала «Чиж».
№12, 1936 год

предоставлено М. Золотаревым

вниманием социалистическое строительство, почему не пишет о главном содержании сегодняшних дней? «Психопатологический документ», «во имя чего юродствует Заболоцкий», «певец-ассенизатор», «отщепенец-индивидуалист», – писал критик Селивановский. А критик Незнамов добавлял: «он пишет для литературных снобов», «язык его развязывается только около выгребных ям, а красноречие его осеняет лишь тогда, когда он соседствует с пивной или со спальней», «не поэт, а какой-то половой психопат». За всем этим следовал вывод: «стихи Заболоцкого общественно-дефективны».

В 1930 году критик Нильвич в журнале «Смена» обозвал обэриутов «литературными хулиганами» и сформулировал политическое обвинение: «Это поэзия чуждых нам людей, поэзия классового врага». Вслед за критическими выводами о вредности некоторых писателей последовали и выводы юридические: в 1931 году друзья и коллеги Заболоцкого, обэриуты Хармс, Введенский и Бахтерев, были арестованы как «антисоветская группа писателей» и высланы из Ленинграда. Они вернулись в 1932 году; ни совместных публикаций, ни выступлений, ни сборников больше не было.

А. Пахомов.
Рекламный
плакат журналов
«Чиж» и «Еж».
1930 год

«ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ»
Заболоцкий продолжал работать у Маршака, заведовал отделом приложений «Ежа», потом редакцией «Чижа». В начале 30-х была создана поэма «Торжество земледелия». В ней Заболоцкий уходит от городского хаоса и вглядывается в природу, но и в ней находит хаос, обреченность и страдание. И в «Торжестве земледелия», и в тематически свя-

Д. Хармс.
Ленинград.
1925 год

предоставлено М. Золотаревым

занной с ней поэмой «Лодейников» в природе нет ни покоя, ни радости:

*Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи
смертей.*

*Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей.*

Природа стонет, природа мучается – и только человеческий разум в сотрудничестве с природой способен дать радость, покой, изобилие и счастье; откуда в «Торжестве земледелия» возникает необыкновенный «Лошадиный институт», где люди и звери вместе осваивают прекрасную науку жить и работать: *Здесь учат бабочек труду,
Ужу дают урок науки,
Как делать пряжу и слюду,
Как шить перчатки или брюки.*

*Здесь волк с железным микроскопом
Звезду вечернюю поет,
Здесь конь с редиской и укропом
Беседы длинные ведет.*

Здесь, в этом разумном и радостном мире, человек – «великий чародей», труд преобразует землю и освобождает животных. Заболоцкий рисует этот гармоничный союз людей и зверей увлеченно и размашисто – счастливая, красочная утопия! В его «земледельческой» лирике снова слышатся отзвуки любимого им XVIII века – но стих его напоминает уже не танцующего бегемота с его нелепой и тяжеловесной грацией, а бегемота библейского, из Книги Иова: голос его как медные трубы, от шагов его трясется земля. В этом содрогании земли, в этой царственной трубной меди стиха есть державинская дикая мощь и державинская живопись, но и веселое изобилие:

*...Земля в тяжелых сливах,
И тысячи людей, веселых
и счастливых,
В ладонях держат персики,
и барбарис*

*На шею девушки, блаженствуя,
повис.*

*И новобрачные, едва
поцеловавшись,
Глядят на нас, из яблоч
приподнявшись,
И мы венчаем их, и тысячи садов
Венчают нас венчанием плодов.*

В это время в его поэзии как никогда много цветения, плодоношения, цветущих садов.

В 1930 году Заболоцкий женился на Екатерине Васильевне Клыковой, учительнице русского языка и литературы. Евгений Шварц вспоминал: «Принимал нас Заболоцкий солидно, а вместе и весело, и Катерина Васильевна улыбалась нам, в разговоры не вмешивалась. Напомнила она мне бестужевскую курсистку. Темное платье. Худенькая. Глаза темные. И очень простая. И очень скромная. Впечатление произвела настолько благоприятное, что на всем длинном пути домой ни Хармс, ни Олейников (весьма острые на язык) ни слова о ней не сказали». Он же рассказывал, что Заболоцкий спросил однажды в пивной, зачем человек обзаводится детьми. И сам ответил: «Не нами это заведено, не нами и кончится». В 1932 году у Заболоцких родился сын Никита.

Это время для поэта – самое плодотворное: в 1931 году на свет появляется «Безумный волк», самая любимая его вещь. Безумный волк не хочет жевать овчину – он хочет смотреть в небо, хотя волчья анатомия не позволяет ему это делать; он ищет ответы на странные вопросы; он пытается познать и понять мир... и много позже в удивительном мире будущего, где волки уже стали врачами, музыкантами и инженерами, они вспоминают Безумного:

*Мечты Безумного нелепы,
Но видит каждый, кто не слеп:
Любой из нас, пекущих хлеба,
Для мира старого нелеп.*

Поэт – безумный волк, желающий знать пределы Вселенной, расширяющий границы известного, умеющий слушать траву и разговаривать с березами, которые могут рассказать ему, «как из самого себя расти»...

«Торжество земледелия» и другие «природные» поэмы тоже не были приняты критикой; Заболоцкого осуждали за

Шарж художника
Б. Малаховского
на Н. Заболоцкого.
1930-е годы

условность, говорили, что «Торжество...» – «пасквиль на коллективизацию», что «юродствующая поэзия Заболоцкого имеет определенный кулацкий характер», на Первом съезде Союза писателей его назвали врагом. Он пока очень стремился жить «со всеми сообща и заодно с правопорядком»; он выступил с признанием заблуждений, его приняли в Союз писателей – это давало возможность писать и печататься; он написал стихи на смерть

Н. Олейников.
Ленинград.
1931 год

Кирова, и «Горькую симфонию», и «Седова» – и получил возможность издать вторую книгу стихов, стать благонадежным поэтом. В 1936 году, в разгар борьбы с формалистами, ему пришлось публично выступить не то что с покаянием, но с осуждением своих прежних поисков: «Изображение вещей и явлений в ту пору было для меня самоцелью...» В эти годы многие писатели и поэты находили возможность выживать сами и заниматься живым делом, уходя в переводы, в детскую литературу, в историю литературы. Заболоцкий занялся переводами. Он перевел на русский «Витязя в тигровой шкуре» и «Тиля Уленшпигеля», собирався взяться за пересказ «Слова о полку Игореве», но все планы разрушил террор 1937–1938 годов. Сначала уничтожили маршakovскую редакцию; уже тогда был арестован Николай Олейников и несколько сотрудников редакции. Заболоцкого арестовали в марте 1938 года. Его маленькая дочка Наташа в этот день в первый раз сказала «папа».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.А. Заболоцкий
(1903–1958).
Ленинград.
1937 год

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

В его деле находился критический отзыв, составленный Николаем Лесючевским, где тот писал: «Творчество» Заболоцкого является активной контрреволюционной борьбой против советского строя, против советского народа, против социализма». Заболоцкого пытались привлечь к фантастической антисоветской группе, которую якобы возглавлял поэт Николай Тихонов; в члены этой группы записали Бенедикта Лифшица, Елену Тагер и еще несколько ленинградских писателей (каково же было изумление Заболоцкого, когда он в 1939 году узнал из случайного обрывка газеты, что Тихонов не только не арестован, но даже и награжден орденом). По собственному свидетельству Заболоцкого, его непрерывно допрашивали четверо суток, не давая спать. Все это время он сидел на стуле, так что у него скоро так опухли ноги, что он вынужден был разорвать ботинки. Показаний он никаких не дал, но к концу четвертых суток начал сходиться с ума. Его избили и отвели в камеру; в камере он начал защи-

щаться – подпер дверь и отгонял тюремщиков длинной ручкой швабры; в конце концов его загнали в угол мощной струей из шланга и отправили в психбольницу. То ли потому, что он так и

Обложка
дела №43838
по обвинению
Н.А. Заболоцкого.
1938 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не признался, то ли помог реактивный психоз, но приговор по тем временам был относительно мягкий: пять лет лагерей. За эти пять лет он мог не раз умереть с голоду, замерзнуть, погибнуть на работе – и всякий раз спасался каким-то чудом. Однажды, изнемогая от тяжелой работы, объявил себя чертежником, когда среди заключенных искали чертежников: понадеялся, что давняя любовь к рисованию и уроки черчения помогут овладеть новой профессией. И он в самом деле научился чертить, и его не выдали коллеги – и эта профессия спасла ему жизнь. В начале войны заключенных перемещали в дальние лагеря; Заболоцкий уже был готов взойти на баржу, когда его руководитель из «шарашки» выдернул своих сотрудников из строя; баржа эта или утонула, или нарочно была затоплена.

Больше всего Заболоцкого мучило то, что поэт его масштаба – а цену себе он всегда знал – оказался не нужен стране. Он писал жене: «Мой душевный инструмент поэта грубеет без дела, восприятие вещей меркнет. Горько становится: не имею возможности писать сам. И приходит в голову вопрос – неужели один я теряю от этого». На фронт, куда он просился, его не взяли. Но еще большее для него было другое: на вопрос нового начальника лагеря «Что Заболоцкий – стихи пишет?» бригадир ответил, что не пишет и писать больше не будет, а начальник усмехнулся: «Ну то-то». Вот этого «ну то-то» он власти не простил до конца своих дней.

И он все равно писал – переводил стихами «Слово о полку Игореве». Для этого колоссального труда у него не было ни условий, ни стола, ни бумаги – но, может быть, труд этот не дал ему свихнуться. Сначала Востоклаг – Комсомольск-на-Амуре, потом Алтайлаг – Кулундинские степи. Голод, непосильный труд, вечное напряжение в противостоянии с уголовниками, вши... люди расчеловечивались, думая о тепле, о пайке, об отдыхе...

ВОЗВРАТИЛСЯ В ЭТОТ МИР ВЕСЕННИЙ...

Он освободился в 1943 году и отбывал ссылку в Караган-де; в 1946 году приехал в Москву и восстановился в Союзе писателей. Жить ему было негде – мыкался у друзей, то спал на столе у Николая Степанова (на полу было холодно, а кровати не было), то жил на даче у писателя Ильенкова, постоянно ожидая, что его вышлют вместе с женой и детьми. Зарабатывал только переводами. Он переводил грузинских поэтов: Давида Гурамишвили, Григола Орбелиани, Илью Чавчавадзе, Тициана и Галактиона Табидзе... Переводил Миколу Бажана и Лесю Украинку... Венгерских, итальянских, узбекских, таджикских, сербских поэтов... Когда в 1946 году он как член Союза писателей должен был явиться на собрание, где обсуждали дело Зощенко, он пошел на собрание, но ушел в винный магазин. После сборника, изданного в 1948 году, он больше ничего не писал – слишком хорошо помнил, как критические статьи оборачиваются уголовными статьями. Несколько лет ада не прошли бесследно: он ясно понимал, как хрупко любое благополучие, как легко провалиться на ту сторону бытия – и панически боялся там оказаться.

Заболоцкие получили наконец двухкомнатную квартиру в доме на Хорошевском шоссе (домик этот – из тех, что строили пленные немцы, двухэтажный, серьезный, – простоял до 2001 года, когда его снесли, невзирая на то, что он находился в реестре культурного наследия). Казалось, началась новая, благополучная жизнь. В этой жизни Заболоцкому досталось то, чего ему не хватало раньше, – и поездка в Италию, и признание, и орден Трудового Красного Знамени, и тихая дача в Тарусе, где так хорошо работалось, – но, кажется, все это досталось уже слишком поздно. И сам он стал другой, и стихи его ста-

С женой
Екатериной
Васильевной
и дочерью
Наташей.
1946 год.
Из архива семьи
Заболоцких

Наташа
Заболоцкая
и Женья
Казакевич
в писательском
поселке
в Москве.
В первом доме
справа по адресу
Беговая
улица, 1а кв.1
проживала семья
Заболоцкого.
1948 год.
Из архива семьи
Заболоцких

ли другие. Отлетел дух игры, абсурд стал не смешон, а страшен – он сходил с ума, сталкиваясь с абсурдом.

Одни поэты транслируют шум времени, музыку эпохи – таковы были Блок, Жуковский и Лермонтов; другие формулируют мысль – таков Тютчев, таков Бродский. Заболоцкий – философ по форме; он строг, он сознательно борется со своей музыкальностью, он замечательно афористичен – но его внутреннее состояние смутно и трагично. Его самодисциплина, его класси-

ческие костюмы, застегнутые на все пуговицы, его галстуки, его строгие ямбы и хорей – это борьба с ужасным, засасывающим внутренним хаосом, попытка гармонизировать мир, подчинить его разуму. Он был и оставался безумным волком, выпавшим из своей среды, научившимся смотреть на звезды; он осознавал природу как непрерывную трагедию – «я не ишу гармонии в природе», «природа, обернувшаяся адом, свои дела вершила без затей»... Для него и мысль об атомной войне была органич-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ной: война – только выход на поверхность внутреннего конфликта, раздирающего и человеческое сердце, и ядро атома. Отсюда – его горькая «Иволга», нежная песня над обезлюдевшей землей. В христианскую победу добра над злом он не особенно верил, революционная утопия у него на глазах обернулась кошмаром. Единственное спасение мира – разум, но и разум бессилен – «разум, бедный мой воитель»... Он верит в гармонию, в преобразующую силу красоты, но и «неразумная сила искусства» тоже не панацея.

Неоклассицизм Заболоцкого – это последняя отчаянная попытка справиться с абсурдом, со страхом смерти. Чиковани свидетельствовал, что Заболоцкий сказал однажды, что человек – слишком сложная субстанция, чтобы исчезнуть бесследно. Когда ему сказали, что это бред, он обиделся и ушел.

Человек – часть природы; он не пропадает, не исчезает, он включается в нее...

Он снова начал писать только после смерти Сталина. Его «Казбек» полностью отказывает тирану в человечности – Казбек мертв и страшен, и только.

*А он, в отдаленье от пашен,
В надмирной своей вышине,
Был только бессмысленно страшен
И людям опасен вдвойне.*

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

В 1953 году казалось, что все испытания кончились и началась нормальная, мирная жизнь. А в 1955 году с ним случился инфаркт. А потом от него ушла жена – добрая, верная Катерина Васильевна, которая хлопотала о нем, сидящем в тюрьме, вынесла ссылку и блокаду, мыкалась вместе с ним по чужим квартирам и ухаживала после инфаркта. Тихая и безропотная жена, которая всегда говорила «как Николай Алексеевич скажет», «лучшая из женщин», по выражению Шварца. Кажется, разрушить этот брак было невозможно. Но... Заболоцкий был человеком нелегким, и жить

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

с ним было нелегко – брак во многом держался на терпении и любви жены. А она влюбилась в Гроссмана – и когда Заболоцкий предложил выбрать «он или я» – она внезапно выбрала Гроссмана. Ей было 48 лет, дети уже выросли. «Если бы она проглотила автобус, он удивился бы меньше», – писал Николай Чуковский. Заболоцкий с уходом жены совершенно потерял почву под ногами. Его мир рухнул, потому что семья была одной из основ этого мира. Он пил, хотя врач сказал, что если он будет пить, то проживет года полтора. Он позвонил чужой женщине, про которую знал только, что она любит его стихи, – пил, когда пытался говорить с ней, разговор не клеился, ухаживать не умел – да и не в том состоянии был, чтобы ухаживать. На второй день знакомства он позвал ее замуж – почти как Левин звал Кити: написал ей на обрывке бумаги «Я п. В. б. м. ж.». Она поняла сразу – и согласилась. «Если бы вы знали, как я несчастен», – сказал он ей тогда, закрыв лицо руками.

Симон Чиковани
и Н.А. Заболоцкий.
Тбилиси. 1936 год

Наталье Роскиной он отдал еще одно стихотворение, которое сам хранить не хотел, но ее просил сохранить; в нем есть такие строчки:

*Я – забытый ребенок, забытый
судьбой, позабытый в осеннем саду.
Озираюсь с тоской, спотыкаясь
с мольбой, лишь к тебе я бреду.
И тебя увидав, и тебя повстречав,
и упав на пути, пред тобой
Слышу: крылья растут! Слышу:
трубы поют у меня, у меня
за спиной!*

Он надеялся, что она – молодая, умная, любящая его стихи – даст ему шанс уцепиться за жизнь. Наталья Роскина все это понимала; ее воспоминания о Заболоцком, несмотря на короткую и неудачную семейную жизнь, исполнены неподдельной любви, уважения и такта. Семейная жизнь, как и следовало ожидать, не заладилась, Роскина скоро ушла. Остался только цикл «Последняя любовь», где лишь одно стихотворение – знаменитое «Очарована, околдована» – посвящено Роскиной, а остальные – первой жене: с ее уходом он, кажется, по-настоящему понял, как он ее любит. Поняла и она – и через год вернулась. Но с ним случился второй инфаркт.

После инфаркта он прожил еще полтора месяца, ясно понимая, что это последние месяцы жизни. Он составил свой последний сборник, включив в него только то, что считал достойным издания. 14 октября 1958 года Заболоцкий умер. «Он продолжал отрицать смерть – в обычном понимании этого слова – до конца своих дней», – вспоминал Николай Чуковский.

*Как все меняется! Что было
раньше птицей,
Теперь лежит написанной
страницей;
Мысль некогда была простым
цветком;
Поэма шествовала медленным
быком;
А то, что было мною, то, быть
может,
Опять растет и мир растений
множит. ❀*

ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ГАШЕКА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ДЕКАБРЕ 1918 ГОДА В ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ ПОД БУГУЛЬМОЙ ЦАРИЛ ПЕРЕПОЛОХ. НОВЫЙ ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА ГОРОДА ВЕЛЕЛ МОНАХИНЯМ ДОСТАВИТЬ ЕМУ ДЮЖИНУ ЯИЦ И ФУНТ МАСЛА. РАСПОРЯЖЕНИЕ ЭТО ПОСТУПИЛО ПОСЛЕ ЕГО ВСТРЕЧИ С ДЕЛЕГАЦИЕЙ МЕСТНОГО ДУХОВЕНСТВА, ПЫТАВШЕГОСЯ УСОВЕСТИТЬ НАЧАЛЬНИКА: НАКАНУНЕ ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА ПОТРЕБОВАЛ ПРИСЛАТЬ В КАЗАРМЫ МОНАХИНЬ...

И ГУМЕНЬЯ И НАСЕЛЬНИЦЫ монастыря были в растерянности. Помощник коменданта – большевик, да еще и чех! Что было ждать от него хорошего? В обители смирились и приготовились к худшему. Утром из ворот монастыря вышло шествие с иконами и хоругвями. Четыре старейшие монахини с игуменьей во главе несли большую икону, следом с пением псалмов шли насельницы. Из городского собора вышло православное духовенство в шитых золотом ризах. За ними брел с жалобным плачем местный православный люд. Процессия подошла к комендатуре. ...За столом в комендатуре сидел молодой человек с кру-

глым детским лицом – тот самый ужасный помощник коменданта. Как позже он сам вспоминал: «Это напомнило мне процессию первых христиан во дни Нерона». На столе перед помощником коменданта стояла икона, зажженные свечи и хлеб-соль. Он вручил каравай игуменье в знак того, что не имеет враждебных намерений, попросил духовенство успокоиться и объяснил, что монахинь он просил прислать, чтобы... вымыть полы в казармах, где собирались разместить Петроградский кавалерийский полк. Глубоким вздохом облегчения были встречены его слова. Все казармы были приведены в образцовый порядок...

ДАЛЕКИЙ КРАЙ

Эта ситуация описана чешским писателем Ярославом Гашеком в рассказе «Крестный ход» из цикла «Бугульминские рассказы». Автор всемирно известного романа «Похождения brave солдата Швейка во время мировой войны» не без юмора описал этот случай. А в финале сообщил, что после возвращения сестер в монастырь игуменья прислала к нему молоденькую монахиню с маленькой иконой и письмом. В нем было написано всего три слова: «Молюсь за вас».

Исследователи считают, что бугульминские эпизоды писатель собирался использовать в той части своего романа, которая должна была рассказывать о пребывании Швейка в русском плену (надо заметить, что ранее, в 1917 году, в Киеве увидела свет повесть Гашека «Бравый солдат Швейк в русском плену»). Писатель умер в 1923 году, не успев закончить свой роман о похождениях Швейка. Продолжение романа – «Приключения brave солдата Швейка в русском плену» – по просьбе издателя написал чешский журналист Карел Ванек. – Прим. ред.)

– Гашек собирался посвятить главы романа о Швейке Бугульме, – говорит директор Литературно-мемориального музея Гашека Светлана Бенковская, – а сами рассказы являются своеобразным этюдом к эпосе о brave солдате Швейке. Иллюстрации к «Бугульминским рассказам», сделанные чешским художником Йозефом Ладой, выполнены в том же стиле, что и знаменитые рисунки к роману о Швейке.

...Дом, в котором Гашек объяснялся с местным духовенством, сохранился до сих пор. В нем те же половицы, окна, потолок,

С 2011 года на перроне железнодорожного вокзала Бугульмы пассажиров встречает бронзовый литературный герой Йозеф Швейк (скульптор А. Маер), создатель которого почти сто лет назад занимался тут агитацией солдат Первой мировой войны (рисунок художника В. Федорова)

даже печь. Его первый хозяин, купец Нижерадзе, конечно, не предполагал, что тут будет музей, и потому не предусмотрел помещения для гардероба. Его нет и сейчас. Вот бы Гашек посмеялся над этим, ведь он тогда и сам спал тут, не раздеваясь. После Гражданской войны в здании бывшей военной комендатуры Бугульмы, откуда Гашек послал грозное письмо в монастырь, размещались мелкие хозяйственные городские службы. В двух комнатах была закусочная, в подвалах – колбасный цех. А четыре комнаты были отданы под жилье работникам пивоваренного завода. Знай об этом писатель, который немало сил отдал дружбе с пивной кружкой, он бы оценил и эту иронию судьбы...

Музей здесь открыли в 1966 году, на церемонию прибыли представители Чехословакии. С тех пор визиты чехов в Бугульму, где находится единственный в России музей Гашека и второй по счету музей писателя в мире (первый – в чешском Липнице. – Прим. авт.), стали хорошей традицией.

В музее все напоминает о Гражданской войне: старинный телефон, чернильница, стальные перья, раскладная походная кровать с казенным солдатским одеялом неопределенного цвета, плакаты с воззваниями, приказы и афиши тех лет. И, конечно, фотографии Первой мировой. Она-то и занесла жителя Праги в этот далекий край. Сохранилось немало воспоминаний людей, работавших

Единственный в России
Литературно-мемориальный
музей Ярослава
Гашека...

...И его директор
Светлана
Бенковская

с Ярославом Гашеком в Бугульме. Рассказывают, как он лузгал семечки с молодежью и травил байки. Как он поручил найти большую детскую куклу и потом вышел с ней на митинг, чтобы показать трудящимся, что у их детей будут красивые игрушки. Но вот названия монастыря, с которым Ярослав Гашек вступил в переписку, никто вспомнить так и не смог. Но всем гостям обязательно рассказывают случай с монастырем. Долгое время эту историю считали плодом буйной фантазии писателя. Пока вдруг в архивах не нашлось то самое знаменитое письмо Гашека игуменье: «Предлагаю выслать тридцать монашек...»

А чего удивляться? Между писателем и его героем – бессмертным Швейком – было много общего, начиная с образа мыслей, манеры поведения и заканчивая самими приключениями. Ярослав Гашек у любого начальства вызывал желание приструнить его, наказать, посадить в тюрьму и даже расстрелять.

ПИВО И СЕРЕБРИСТО-СЕРЫЕ ВУРДАКИ

В Праге, где жила семья Гашек, маленький Ярослав ходил в лавку за трубочным табаком. Для своего деда. Как-то, отправившись в очередной раз в лавку, Ярослав запропастился. После долгих поисков родители обнаружили его у ворот казармы: окруженный хохочущими солдатами, он пыхтел трубкой на дедовский манер...

Розыгрыши, пародии, шутки и забавные выходки были отличительными чертами Гашека. А буйный характер в итоге привел к тому, что Ярослав стал постоянным действующим лицом драк, скандалов в гимназии, а также антинемецких и антиавстрийских демонстраций на улицах Праги. Чехия, как известно, накануне Первой мировой входила в состав Австро-Венгерской импе-

Значительная часть экспозиции музея – коллекция фотодокументов о пребывании писателя в России: приказы, личные распоряжения, анкеты, письма

рии. Патриотически настроенный Ярослав принимал участие в стычках с полицией. Как-то Гашек попался полицейскому патрулю с камнями в карманах, которые он собирался запустить в имперских орлов. Уверениям, что Гашек купил эти минералы для школьной коллекции, комиссар полиции не поверил и пригрозил расстрелять его на заре. Обошлось...

Спокойную, наполненную ежедневным трудом жизнь в аптеке, куда его устроила мать, Гашек променял на странствия по городам и селам Чехии, Словакии и Моравии. Прибаутками за ночлег в трактирах и корчмах. Свой первый рассказ, «Ефрейтор Которба», в котором уже чувствуется дыхание его будущего знаменитого героя, Гашек опубликовал в 1900 году, будучи студентом Пражского коммерческого училища.

После окончания училища его приняли на работу в банк «Славия», но постоянно норовивший улизнуть с рабочего места клерк Гашек был скоро

Мемориальная комната создана на базе предметов, находившихся в здании военной комендатуры в период пребывания в Бугульме Ярослава Гашека

уволен – в 1903 году. К этому моменту Гашек издал первую книгу – заметки о своих пеших путешествиях. Штурм Гашеком литературных высот Праги сыну помогала осуществлять мать: она ежедневно обходила редакции газет и журналов, разнося в каждую по одному рассказу. Публиковали эти рассказы с готовностью, но скудных гонораров хватало лишь на скромный костюм и дешевое пиво, любовь к которому Гашек пронес через всю свою короткую жизнь (39 лет!) и приписал своему знаменитому герою.

В 1905 году король пражских фельетонистов знакомится со своей будущей женой Ярмилой Майеровой – дочерью состоятельного пражского скульптора. Родители девушки категорически возражали против ее отношений с известным гулякой, завсегдатаем кабаков и частым гостем полицейских участков. Такая репутация сложилась у Гашека. Ярослава и Ярмилу сближала любовь к культуре и литературе России. Гашек даже уговорил девушку с его помощью учить русский язык, для чего отказался от кутежей в пражских ресторанах. А тут еще и удача улыбнулась влюбленному Ярославу: он получил место редактора в популярном журнале «Мир животных» (который, кстати, упоминается в «Похождениях бравого солдата Швейка»), так что зарплата и стабильные гонорары за публикации в юмористических журналах повысили его шансы на роль жениха Ярмилы. Последним аргументом для родителей невесты стало свидетельство, выданное священником одного из пражских костелов, который подтвердил, что Гашек побывал на исповеди. А ведь до того Гашек не раз публично хвастался, что порвал с религией.

Ярмила, увы, быстро разочаровалась в семейной жизни: после недолгого покоя Гашек вновь вернулся к обычным для себя проделкам. Статья о серебристо-серых вурдалаках, которых журнал «Мир животных» советовал покупать и держать в качестве домашних питомцев, разгневала под-

писчиков. Гашек в очередной раз оказался за дверью. В редакциях газет, куда он устраивался, Ярослав не задерживался надолго из-за своих скандальных выходок. Как и его будущий герой, пан Швейк, Гашек открыл контору по продаже собак, для чего отлавливал на улицах Праги дворняг, перекрашивал их и снабжал фальшивыми родословными. Более того, однажды Гашек оказался даже в сумасшедшем доме (как потом и Швейк). Как-то в полицейском участке, куда его доставили в очередной раз, писатель неудачно пошутил, что он святой Ян Непомуцкий и недавно ему исполнилось 518 лет. В сумасшедшем доме он привел в порядок больничную библиотеку и собрал сюжеты для будущих рассказов. В том числе и для будущего романа, где пребыванию пана Швейка в сумасшедшем доме отводится целая глава.

В это же время он пишет первый рассказ про солдата Швейка – «Идиот на действительной». Рассказ ему не нравится, он рвет рукопись, но из мусорной корзины рассказ спасает жена Ярмила. А в 1912 году выходит сборник рассказов Гашека «Бравый солдат Швейк и другие удивительные истории». До создания знаменитого романа оставалось еще десять лет и путешествие в Россию.

Король пражских фельетонистов Ярослав Гашек с друзьями-литераторами за любимой кружкой пива

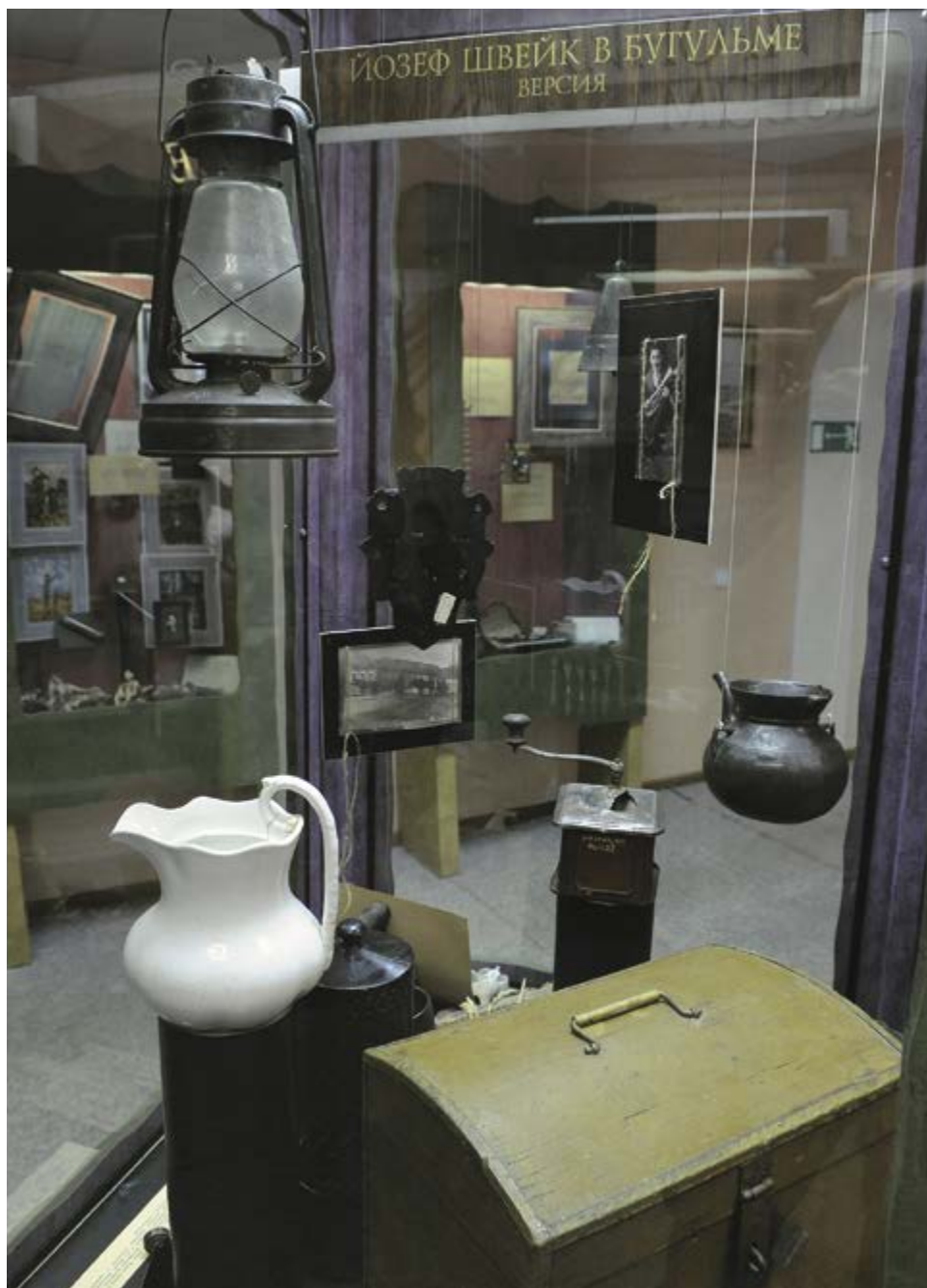
КНЕДЛИКИ, КОРОВЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Начало Первой мировой войны Гашек отметил новым розыгрышем. Он заявился в один из пражских отелей и зарегистрировался как «Лев Николаевич Тургенев. Родился в Киеве. Живет в Петрограде. Православный. Приехал из Москвы. Цель приезда – ревизия австрийского Генерального штаба». Комиссар Клина, которому Гашек был хорошо знаком по прошлым выходкам, допросил «русского шпиона» и отправил его в тюрьму на пять суток...

Когда в 1915 году вышел новый сборник Гашека, «Моя торговля собаками», писатель уже был зачислен в 11-ю роту 91-го полка (так же, как и Швейк в

Уже в таком возрасте маленький Ярослав бегал в казарму к солдатам подымит из трубки

кой Гашек добровольно сдался в плен Русской армии под Хорупанами. В деле ефрейтора австрийской армии Ярослава Гашека появилась запись: «Считать пропавшим без вести...»

Солдаты, не пожелавшие сражаться за интересы австро-венгерской короны, жили в сырых землянках в лагере Дарницы под Киевом. В таких же условиях они находились и после перевода в лагерь Тоцкое под Самарой. К эмиссарам, вербующим в Чехословацкий легион для борьбы на стороне русских, Гашек явился едва ли не первым из военнопленных (на территории России проживало около 100 тысяч чехов и словаков. Их представители добились аудиенции у российского императора и убедили его создать Чешскую дружину. – Прим. авт.). Гашек занимался агитацией среди военнопленных чехов, печатал в газетах корреспонденции с фронта, где воевал легион. Когда случилась революция, то Чехословацкий легион оставил фронт на Украине и двинулся на Дальний Восток, чтобы оттуда переправиться во Францию. Ярослав Гашек, который уже успел поссориться с руководителями легиона, покинул его ряды и отправился в Москву. В марте 1918 года его видели на Арбате – где бы вы думали? – конечно, в «Пражской колбасной»!

Гашек поверил призывам большевиков, которые много говорили о свободе для поработенных народов. А патриотом Чехии Гашек был с младых ногтей. Какой свобода окажется для его родины, он тогда представить не мог, так что в ряды партии вступил.

В апреле 1918 года Гашек занимается агитацией в Самаре, не зная, что в Омске, где тогда находился штаб Чехословацкого легиона, уже выписан ордер на его арест за измену чехословацкому народу. Это было время так называемого мятежа белочехов. Летом 1918 года чехосло-

романе). Он ушел на фронт, оставив в Праге свою бывшую жену, которая ушла от него еще в 1912 году, сына Рихарда, многочисленных собутыльников, литры не выпитого пива и тонну не съеденных кнедликов. Последние часто будут фигурировать в его воспоминаниях о Праге как символ уюта и благополучия.

Много позже армейский начальник рядового Ярослава Гашека – поручик Лукаш – сетовал, что его подчиненный мог бы быть более усердным и

дисциплинированным. Гашек добился, чтобы медкомиссия рекомендовала использовать его на легких работах, и Ярославу доверили должность историографа полка. Но пока полк в сражениях не участвовал, Гашек пас коров. В полку он встречает многих прообразов своих будущих героев: поручика Лукаша, его денщика Страшлипку, который за свою способность к месту и не к месту рассказывать длинные истории был превращен в Швейка. Со Страшлип-

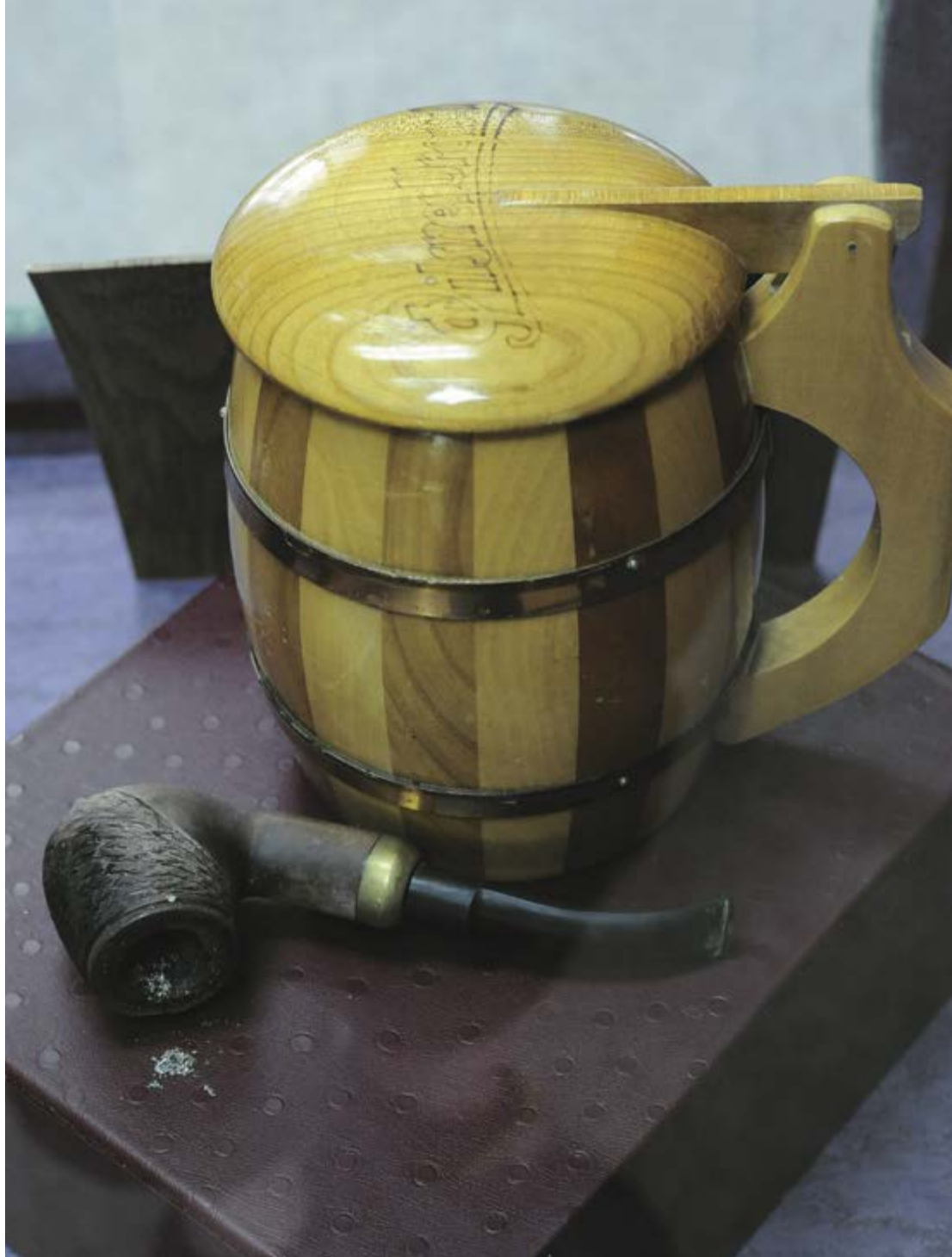
Незатейливый
бугульминский
быт времен
Первой мировой
войны

ваккие legionеры заняли ряд городов Поволжья, в том числе Симбирск и Казань.

В начале июня пала Сызрань, на очереди была Самара, и до Гашека донеслись угрозы legionеров повесить всех чешских большевиков. «А выше всех – Гашека», – заявляли они. 7 июня белочехи подступили к городу. Гашек находился на железнодорожной станции и проклинал свою безалаберность: в гостинице он оставил списки добровольцев и другие важные документы. В итоге он вернулся и уничтожил бумаги, но оказалось, что белочехи уже бесчинствуют в Самаре. Переодевшись в штатское платье Гашеку удалось улизнуть.

Свои скитания летом и осенью 1918 года по Поволжью Гашек позже описал в рассказе «Юбилейное воспоминание». «В это трудное время, когда мне на каждом шагу грозила смерть, я счел самым благоразумным двинуться на восток, в Большую Каменку, лежавшую на северо-восток от Самары... Там живет часть поволжской мордвы. Это народ добродушный и очень наивный». Какой-то мордвин, ехавший на телеге, подобрал беглеца. Узнав, что бедолага бежит от белых, предложил свою одежду для маскировки. Дальнейший путь Гашек совершал в лаптях и в мордовском национальном костюме. Встречные мордва и татары давали ему хлеб и предупреждали о казаках на дороге.

Что происходило с Гашеком вплоть до октября 1918 года – неизвестно. Сам он об этих самых страшных днях своей жизни умолчал. Смешного, видно, вообще не было. Спустя некоторое время обнаруживается Ярослав Гашек в Симбирске, где в политическом отделе Революционного военного совета Восточного фронта ему выдается удостоверение, что «т. Гашек делегируется в качестве организатора в г. Бугульму в распоряжение т. Широкова».

Трубка и пивная кружка – главные составляющие образа бравого солдата Швейка – в музее на видном месте

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Гашек начинает свое повествование о пребывании в Бугульме с юмористической ноты. Товарищи, направившие беглого чеха-legionера в Бугульму, не ведали, в чьих она руках: красных или белых? В деньгах на дорогу ему отказали. Зато дали конвой из 12 человек, питаться велели в попадающихся по пути населенных пунктах. Гашек отметил, что из 12 сопровождавших его чувашей никто не говорил хорошо по-русски. На счастье Гашека, Бугульма оказалась красной. Писатель хвастливо вспоминал, что встречала его огромная толпа. Городской голова держал на подносе хлеб-соль. В

длинной речи Гашек заявил, что пришел навести в Бугульме мир, спокойствие и порядок. На самом деле он, конечно, присочинил. В Бугульме в тот момент квартировала 26-я дивизия 5-й армии Восточного фронта. По поводу Гашека сделали запрос в Центральный комитет Чехословацкой компартии, находившийся тогда в России. «Товарищ Гашек выступил из чешского корпуса. С тех пор поддерживал связь с партийными учреждениями. После взятия чехословаками Самары его судьба неизвестна». Только тогда Гашека утвердили в должности помощника коменданта Бугульмы. Хотя он называет себя в рассказах комендантом Бугульмы, настоя-

Первыми советскими рублями писатель получал гонорары за статьи и фельетоны, написанные в России

щим комендантом был Иван Дмитриевич Широков.

В обязанности Гашека входила регистрация бывших офицеров царской армии и священников, организация сдачи оружия, расквартирование прибывающих в город воинских частей, а также устранение попыток мятежа и пресечение распространения тогда в городе азартных игр. Чем сам Гашек отличался от тогдашних люмпенов? Шинель бывший пражский фельетонист носил застегнутой на одну пуговицу. Офицерская фуражка у него была всегда набекрень. Сапоги просили каши.

Таким его вспоминали красноармейцы в беседах с бугульминскими художниками, чьи картины украшают сегодня залы музея. Забавная речь Гашека, одобренная поговорками, и казарменный юмор, что называется, «ниже пояса» привлекали к нему бойцов. Послушать Гашека, поднагоровшего в диспутах в пражских пивных, было интересно.

Большая часть бойцов не умели читать и писать. Да и большинство населения города было неграмотным. Поэтому первым приказом в Бугульме, который Гашек подписал в качестве помощника коменданта, был приказ всему населению срочно научиться читать и писать. Ко-

мические последствия своего приказа он потом вспоминал в рассказе «Адъютант коменданта города Бугульмы»: депутация мужиков и баб бросилась в ноги Гашеку, крича, что возраст не позволяет им учиться читать и писать...

В музее гордятся признанием чешского студента-филолога,

А вот членство в партии большевиков не раз ставило Ярослава Гашека на грань гибели

который во время визита рассказал, что «Бугульминские рассказы» на его факультете входят в учебную программу наравне с классической литературой.

В свободное время Гашек разбирал книги, свозимые со всей волости в дом помещика Елаича. Для перевозки книг в центральную библиотеку, не колеблясь, выделил подводу, хотя был этот транспорт на строгом учете. Крестьяне, которые ходили к Гашеку в комендатуру, говорили о нем: «Человек умный и веселый. Иностранец, а нашу жизнь знает». В Бугульме Гашек успел написать две пьесы для местного театрального кружка, в которых сам же и сыграл. Всего в Бугульме Гашек пробыл два с половиной месяца. Ни для какого другого места в России он не нашел таких теплых слов: «Бугульме мало места на карте, но много в сердце моем!»

В начале 1919 года его переводят в Уфу. Там он заведует армейской типографией и завязывает служебный роман с печатницей Александрой Львовой, которая правила его рукописи на русском. Девушка спасла от смерти заболевшего тифом Ярослава, а затем больше не покидала Гашека, следуя за ним везде. А он следовал за фронтом, который перемещался на восток страны. В 1920 году переговоры между командованием Красной армии и Чехословацким легионом завершились эвакуацией оставшихся чехов из России. А супруги Гашек решили остаться навсегда в Иркутске, где обзавелись домиком с видом на Ангара. Но Центральное чехословацкое бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП (б) издало директиву о мобилизации всех чехословацких коммунистов, находящихся в Советской России. Им предписывалось вернуться на родину для усиления большевистского влияния в Чехии. Жена Гашека вспоминала, что «Ярослав был впервые так зол и долго ходил хмурый». Он боялся обвине-

В худое из круглого лицо Ярослава Гашека превратилось после мытарств по окопам Первой мировой

ний в дезертирстве и двоеженстве. Так оно и вышло. Стоило Гашеку появиться в Праге, как газета «Трибуна» сообщила, что «бывший известный пражский кутила и анархист, а ныне большевик Ярослав Гашек вернулся в Чехословакию». Гашека привлекли к суду за двоеженство. Скандал с первой женой, Ярмилой (браки они не расторгли), удалось замять, по суду он выплатил штраф. Но плохо было то, что Гашек не рассказывал своей второй жене о первой. И это было не смешно.

ВЕЛИКИЙ РОМАН

Возвращение писателя оказалось сюрпризом для пражан. Его ведь считали погибшим на фронте. Причем слухи циркулировали один нелепее другого. Утверждалось, будто бы он подражал в Одессе с матросами в кабачке и его забили насмерть. Также говорили, что его повесили чешские легионеры. Еще доказывали, что Гашек – убийца тысяч и тысяч словаков и чехов, его новая жена, Александра Львова, единственная оставшаяся в живых дочь князя

Львова (министра-председателя Временного правительства). А Гашек будто бы вырезал всю эту семью, а Шуру взял в рабыни. Своих фантазеров-могильщиков Гашек высмеял в рассказе «Как я встретился с автором некролога о себе», но местные коммунисты поддались пропаганде и не слишком доверяли Ярославу.

О своей работе в России Гашек предпочитал не рассказывать. Он вновь стал завсегдатаем трактиров и ресторанов. Но кутил он теперь не от веселья или из чувства протеста, а от отчаяния. Публикации памфлетов и фельетонов приносили не слишком большие деньги. А тут еще первая жена, Ярмила, долго не позволяла Гашеку увидеться с сыном. А когда разрешила, то представила его Рихарду как своего знакомого редактора: ведь сын был уверен, что его отец героически погиб в России. Да и находиться в Праге Гашеку больше было не по карману: сначала он с женой жил у друга, а потом, скопив немного денег, купил бывшее здание почтового отделения в селе Липнице.

В общем, два года и пятнадцать дней, которые Гашек прожил на родине до своей смерти в 1923 году, были безнадежно отравлены. Но за этот ничтожный срок помимо рассказов и пьес им и был написан замечательный роман «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». Быстрота создания этой комической эпопеи объясняется тем, что Гашек писал про себя, ничего особо не выдумывая.

Последними продиктованными автором строками романа были: «Патриотизм, верность долгу, самосовершенствование – вот настоящее оружие на войне. Напоминаю вам об этом именно сегодня, когда наши войска в непродолжительном времени перейдут через границы». Речь шла о рубежах Российской империи... О стране, с которой Гашек пытался навсегда связать свою судьбу...

Фотокопии автографов и шаржей, сделанных рукой писателя

Сегодня этот роман о сопротивлении маленького человека безжалостной военной машине переведен на многие языки мира. В Литературно-мемориальном музее Ярослава Гашека в Бугульме хранятся сотни книг о Швейке, присланных со всех концов света. Недавно, например, появилось издание на китайском.

Благодаря поклонникам романа заметную часть экспозиции музея составляют сувенирные фигурки храброго солдата Швейка. Их дарят музею его гости. Есть Швейк керамический, фарфоровый, стеклянный, деревянный, пластмассовый, матерчатый. Пан Швейк изображен на костылях, в инвалидной коляске, с ранцем за спиной, с чемоданом в руке,

с пивной кружкой и курительной трубкой или в окружении собак. Вот Швейк отдыхает у граммофона. Вот Швейк любезничает с дамами. Но чаще всего можно увидеть Швейка, который отдает честь, приложив пятерню к козырьку фуражки. Смотришь на «Швейков» и не можешь удержаться от улыбки. Огромная часть храбрых солдат упакованы в ящики и хранятся в запасниках. Если их всех выставить, то не хватит залов музея. Получится целая австрийская армия, представленная в лице одного, правда, самого знаменитого солдата...

А на перроне бугульминского железнодорожного вокзала пассажиров встречает бронзовый памятник Йозефу Швейку. Рядом с ним – полосатый вер-

блюд
Ярослава Гашека (скульптор неизвестен), подаренный музею поклонниками Швейка, стоит на фоне знаменитых рисунков Йозефа Лады, который проиллюстрировал один из самых известных романов о Первой мировой войне

стовой столб с тремя указателями: «Прага», «Москва», «Уфа». Швейк, оттягивая лямки ранца, с надеждой смотрит в сторону Праги...

Отсюда в начале 1919 года Ярослав Гашек уезжал из Бугульмы – навстречу своей судьбе. Ему оставалось жить всего четыре года, за которые он успеет написать всемирно известный роман и заключительные строки рассказа «Крестный ход», в котором он вспомнил этот маленький городок. «Я сплю спокойно, – умиротворенно закончил тот рассказ Гашек, – потому что знаю, что по моему времени за старым сосновым бором Бугульмы стоит монастырь Божьей Матери, в котором старая настоятельница молится за меня, никчемного». ❧

«ПОЛТАВА». ВОЗВРАЩЕНИЕ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В НАШИ ВРЕМЕНА КОСМИЧЕСКИХ СПУТНИКОВ И НАНОТЕХНОЛОГИЙ ВОССОЗДАТЬ БОЛЬШОЙ ДЕРЕВЯННЫЙ КОРАБЛЬ ВРЕМЕН ПЕТРА I КАЖЕТСЯ ДЕЛОМ ПУСТЯКОВЫМ. КАК БЫ НЕ ТАК! НЕ НАЙТИ НУЖНОГО КОЛИЧЕСТВА КОРАБЕЛЬНОГО ЛЕСА, ПОЧТИ ПЕРЕВЕЛИСЬ В РОССИИ ХОРОШИЕ ПЛОТНИКИ, ДА И ЧЕРТЕЖИ СТАРИННЫХ СУДОВ ДОСТАТЬ НЕПРОСТО. НО СТРОИТЕЛИ 54-ПУШЕЧНОГО ЛИНЕЙНОГО КОРАБЛЯ «ПОЛТАВА» РЕШИЛИ ПОПРОБОВАТЬ...

ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА БЫЛА 54-ПУШЕЧНАЯ «ПОЛТАВА». ОНА БЫЛА СПУЩЕНА НА ВОДУ В 1712 ГОДУ НА АДМИРАЛТЕЙСКИХ ВЕРФЯХ В НОВОЙ СТОЛИЦЕ РОССИИ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. ЭТОТ КОРАБЛЬ, НАЗВАННЫЙ В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ ПОД ПОЛТАВОЙ, УЧАСТВОВАЛ ВО МНОГИХ СРАЖЕНИЯХ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ, ПУГАЯ ШВЕДСКИЕ ЭСКАДРЫ СВОЕЙ МОЩЬЮ. ИМПЕРАТОР САМ УЧАСТВОВАЛ В ЕГО СТРОИТЕЛЬСТВЕ, О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ВОСПОМИНАНИЯ ДАТСКОГО ПОСЛАНИКА, ПРИГЛАШЕННОГО В АДМИРАЛТЕЙСТВО 4 ДЕКАБРЯ 1709 ГОДА ПОЛЮБОВАТЬСЯ НА ЗАКЛАДКУ НОВОГО КОРАБЛЯ: «ЦАРЬ КАК ГЛАВНЫЙ КОРАБЕЛЬНЫЙ МАСТЕР (ДОЛЖНОСТЬ, ЗА КОТОРУЮ ОН ПОЛУЧАЕТ ЖАЛОВАНИЕ) РАСПОРЯЖАЛСЯ ВСЕМ, УЧАСТВОВАЛ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ В РАБОТАХ И, ГДЕ НУЖНО БЫЛО, РУБИЛ ТОПОРОМ, КОИМ ВЛАДЕЕТ ИСКУСНЕЕ, НЕЖЕЛИ ВСЕ ПРОЧИЕ ПРИСУТСТВОВАВШИЕ ТАМ ПЛОТНИКИ». ПЕТР ДЕРЖАЛ НА «ПОЛТАВЕ» СВОЙ ШТАНДАРТ, А В КОНЦЕ ЖИЗНИ ПРИКАЗАЛ СОХРАНЯТЬ КОРАБЛИ ПЕРВОЙ ПОСТРОЙКИ И ЗАХВАЧЕННЫЕ В БОЯХ ШВЕДСКИЕ ТРОФЕИ «НАВЕЧНО» – ТО ЕСТЬ СОЗДАТЬ СВОЕОБРАЗНЫЙ МЕМОРИАЛ. ОДНАКО ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ИМПЕРАТОРА ОНИ ВСЕ ПРИШЛИ В ВЕТХОСТЬ ПО НЕДОСМОТРУ, И ИХ РАЗОБРАЛИ НА ДРОВА.

Лишь спустя почти триста лет в России вспомнили о завете Петра I и решили его выполнить – полностью воссоздать уникальный петровский корабль, пустить его на воду и открыть для посетителей. Такие «плавающие музеи» есть у каждой морской державы – у Голландии, Англии, Франции, Швеции. Теперь о зарождении нашего флота узнают и в России.

БУДУЩЕЕ – В МЕШКЕ С ЖЕЛУДЯМИ

«Полтаву» XXI века создают в поселке Лахта на северном берегу Финского залива. Дело это не быстрое: Петр I строил свой первый корабль три года, его сегодняшние последователи тоже рассчитывают уложиться в этот срок. Работы на верфи начались год назад и не прекращаются ни на день. Постоянно шумит пилорама – пилит добытые с таким трудом дубовые стволы, из которых создают каркас огромного судна.

– Это только кажется, что воссоздать деревянный старинный корабль такого размера при современном уровне технологий несложно, – рассказывает Лидия Гуменюк, сотрудник отдела научных исследований проекта «Полтава». – Чтобы понять, быть или не быть «Полтаве», нужно было изучить вопрос – а найдется ли в России достаточное количество подходящих деревьев? Ведь для строительства судна

Срез корабельного дуба. Годовые кольца дерева, которое помнит и Великую Отечественную, и революцию, и победу над Наполеоном

нужно 3 с половиной тысячи корабельных дубов! Корабельный дуб – это прямой и здоровый дуб не моложе 150–200 лет. Интересы ради посчитали годовые кольца одного из привезенных дубов, и оказалось, что он был посажен в 1812 году! Было решено этот срез сохранить и показывать на экскурсиях. В результате исследований выяснилось, что дубов должно хватить. Но их везут к нам со всей России – из Тамбовской, Брянской, Тульской областей, много подходящего материала оказалось в Краснодарском крае. При этом дубы должны быть не только здоровыми и подходящего размера, но и находиться

в лесозаготовках, а не в заказниках или национальных парках, где их, естественно, рубить никто не собирался. Если бы дубы не пошли на строительство нашего корабля, они пошли бы на паркет.

Впрочем, нынешние проблемы с корабельным лесом не удивили бы Петра I, который испытывал трудности куда большие.

– Подумайте сами, нам везут лес хоть и издалека, но на грузовиках, – рассказывает Филипп Кузьмичев, руководитель отдела научных исследований. – А во времена Петра лес заготавливали за тысячу верст от Петербурга, в Казанской губернии, и сплавливали весной «по полой воде» до Новой Ладogi, отсюда зимой везли на сани в Петербург. Доставка леса занимала иногда три года и составляла треть стоимости всего корабля. Корабельный лес был в буквальном смысле на вес золота, неудивительно, что петровский закон запрещал народу вырубать корабельный лес в 50-метровой зоне от сплавных рек.

– С лесными «браконьерами» разговор был короткий – голову на плаху, – говорит Филипп Кузьмичев. – По подсчетам, за время царствования Петра I было вырублено около 6 миллионов гектаров корабельного леса. Петр всегда носил с собой мешок с желудями и высаживал молодые дубы где только мог. Царь как никто понимал, что без леса не будет флота России, он заботился о будущем страны с точки зрения стратегической безопасности. До сих пор на обоих берегах Финского залива стоят посаженные Петром дубки. Правда, корабельных дубов из них не выросло – из-за ветров стволы кривые.

ПОЛЦАРСТВА ЗА УМЕЛОГО ПЛОТНИКА

На верфь в Лахте каждый день приезжают экскурсии – когда еще представится случай понаблюдать за строительством старинного корабля? Скоро на территории верфи заработают ткацкие мастерские – часть па-

Экскурсовод рассказывает о трудностях службы на корабле. Все 350 матросов ночевали в гамаках на низкой и тесной палубе

русов строители «Полтавы» собираются ткать вручную, чтобы показать, какую грандиозную и трудоемкую работу проделали наши предки.

Пока что в огромном ангаре один за другим устанавливают шпангоуты – каркас будущего фрегата. До конца строительства еще очень далеко, но даже от вида огромных, высотой с четырехэтажный дом, деревянных ребер захватывает дух.

– Окажись здесь Петр I, он бы нам позавидовал, – смеется Филипп Кузьмичев. – Огромные шпангоуты собирают по частям, соединяя между собой деревянными нагелями, потом уже устанавливают. Во времена Петра

это делали мужики с огромным трудом – с помощью блоков и канатов. У нас же есть пятитонная кран-балка. И конечно, у Петра не было ни бензопил, ни лазерных дальномеров, которыми мы до миллиметра вымеряем точки соединения деталей. Не было трехмерных моделей, полноразмерных, распечатанных на плоттере чертежей. У строителей первой «Полтавы» на вооружении были только топоры. Конечно, заманчиво было бы не только полностью воссоздать сам корабль, но и построить его исключительно «по старинке». Подумав, мы отказались от этой идеи. У нас работают 75 человек. У Петра на стройке каж-

Кормовой декор: Фэтон, летящий головой вниз

Зеркально симметричные аллегории, изображающие Фэтона, поверженного громом и молниями Зевса. Современная фигура

дого корабля трудилось более 400 человек, и все равно всегда был недостаток в хороших мастеровых. Сейчас во всем мире, наверное, не найти плотников, так виртуозно владеющих топором, как это умели в XVIII веке. К сожалению, научившись нажимать на кнопки различной аппаратуры, мы разучились плотницкому искусству. Впрочем, найти не виртуозных, а просто умелых плотников – это тоже задача ненамного легче. В России почти нет специалистов, имеющих опыт в строительстве подобного рода судов – ведь и судов таких у нас нет. А найти корабельного конопатчика – вообще неразрешимая проблема.

– К счастью, есть те люди, которые в 1999 году воссоздавали «Штандарт» – точную копию боевого корабля, построенного

Петром I для обороны Петербурга, – говорит Филипп Кузьмичев. – Они же теперь строят и «Полтаву» и обучают новичков. Наши плотники – это отдельная история. Среди них есть ребята с философского факультета. Есть астрономы, есть просто любители реконструкции, есть даже орнитологи! Всех их объединяет фанатичная идея – они мечтают построить корабль.

«РАБОТА ДЛЯ НАСТОЯЩИХ МУЖИКОВ»

Михаил Сидоровский – один из плотников «Полтавы». Парню 25 лет, и по образованию он инженер-оптик.

– Интерес к кораблестроению у меня от отца, который работал в Военно-Морском музее, – говорит Михаил. – Я знал о строительстве «Полтавы», но не думал, что могу тоже поучаство-

Работа на верфи кипит: гигантские шпангоуты собирают на площадках и затем устанавливают вертикально с помощью кран-балки

вать, все-таки не моя профессия. Когда директор проекта Андрей Грошиков предложил мне попробовать, я тут же согласился. Все-таки это работа для настоящих мужиков, о которой не стыдно рассказывать – работа руками и головой, иногда тяжелая и выматывающая, монотонная. Но зато это воспоминание на всю жизнь! Строить в XXI веке большой деревянный корабль – это не в офисе за монитором сидеть!

Михаил рассказывает, что сначала у него болели все мышцы – предплечья, плечи, спина, поясница, ноги.

– Раньше корабли были деревянные, а люди – железные, а сейчас наоборот, – смеется Михаил. – Работа довольно тяжелая физически. Особенно для непривычного человека. Надо много строгать, пилить,

носить тяжелые детали. Да, нам в чем-то проще, чем нашим коллегам в XVIII веке – у них не было никаких касок, правил безопасности труда, бензопил, освещения, отопления. Но зато у них были умение и опыт. А мы как дети малые, вынуждены учиться с самого начала. Например, только ко времени изготовления последних шпангоутов мы набрали достаточно опыта, поэтому сейчас мы их делаем в два раза быстрее, чем год назад.

Далеко не всем подходит такой труд – те, кто решил просто заработать, быстро уходят с верфи. – Это работа для людей с думающей головой и руками, которые растут из правильного места, – считает Михаил-плотник. – Иногда приходится долго голову ломать над решением какой-нибудь задачки, часто коллективно! Зато установка каждого шпангоута – радость. Кормовую оконечность доделали – праздник. Нос скоро будет готов – событие. Да и просто удовольствие каждый понедельник идти на работу!

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ НА ДЕРЕВЯННЫХ КОРАБЛЯХ

На «Полтаве» все будет так, как полагается, например уже отлиты копии 18-фунтовых, 12-фунтовых и 6-фунтовых пушек, составлявших артиллерию линейного корабля. Но большинство посетителей будут сильно озадачены, когда узнают, что символ российского флота, красавец-корабль был отнюдь не комфортабельным лайнером.

– Условия на «Полтаве» были типичными для того времени, но это были очень суровые условия, – рассказывает Филипп Кузьмичев. – Многие рекруты до армии вообще не видели моря ни разу, а тут они попадают на корабль, где тяжелый физический труд, теснота, духота, холод. Пищу принимали два раза в день, строго по расписанию. По штату кораблю полагалось 350 человек – все они располагались на сон на основной палубе в гамаках. Там настоль-

Петр I
позавидовал бы
современной
точности всех
приборов

ко низко, что не разогнуться. В трюмах всегда стояла застоявшаяся вода, испарения. Еда тоже далеко не всегда была хорошего качества – поэтому среди команды нередки были случаи желудочно-кишечных расстройств. Это, кстати, сильно вредило боеспособности судна. Есть одна версия, почему российский флот не очень активно участвовал в Гангутском сражении, – потому что вся Ревельская эскадра отравилась протухшим снетком, которым ее кормили в период Петровского поста. Еще частыми «друзьями» матросов были цинга и простуды. Но Петр, кстати, очень серьезно относился к условиям службы сво-

их подчиненных. Один раз, в 1721 году, после инспекции он прямо на пристани повесил трех купцов за поставку дурного продовольствия. Но один человек не может уследить за всем, поэтому жизнь на кораблях еще долго оставалась далекой от комфорта.

«ТЕМНОЕ» ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

На верфи пилат доски, строят каркас корабля, отливают пушки и ткут паруса. Но это лишь вершина айсберга. Главное действие происходит в тишине архивов, где историки перерывают тонны старинной рукописной документации в попытках найти точные сведения о «Полтаве».

– Все началось всего с двух цифр – 130 и 39, – рассказывает Филипп Кузьмичев. – Они были написаны свинцовым карандашом на чертеже мидель-шпангоута, найденном среди бумаг Петра в Библиотеке Академии наук. Ученые сопоставили несколько документов и поняли, что это длина и ширина «Полтавы» – других кораблей такого ранга в России тогда не было. По мидель-шпангоуту и указанным размерениям было возможно восстановить теоретический чертеж корабля.

А дальше началось самое сложное. Ведь недостаточно лишь основных размеров – для исторической достоверности важна каждая деталь, каждая ме-

лочь. Как выглядели пушки и где они стояли? Какого типа были шлюпки? Многие историки буквально боятся братья за петровское время, называя его «темным» – информации очень мало, и она погребена в недрах исторических архивов.

– Нам повезло, что существует известная гравюра Питера Пикарта, – говорит Филипп Кузьмичев. – На ней изображен линейный корабль «Полтава», где можно ясно разглядеть кормовой декор: Фэтон, летящий головой вниз в пропасть. Использование этого древнегреческого персонажа – явно идея самого Петра. В одном из своих писем после Полтавской битвы он так высказался о своем

Все детали
подогнаны
до миллиметра

противнике «надменном Карле»: «И единым словом сказать: вся неприятельская армия Фэтонов конец восприяла». Наша команда состоит из нескольких очень серьезных историков, мы все сидим в архивах. Бывают и настоящие подарки судьбы, например я после долгих поисков нашел чертежи пушек со всеми размерами в рукописи Муравьева «Подлинное научение от артиллерии констапелям морским и сухопутным» 1718 года. До этой находки мы могли только догадываться, как выглядели пушки на «Полтаве». По любому вопросу среди историков разгораются нешуточные споры, мне, как руководителю исторического отдела, приходится выступать в роли судьи и принимать решения. Это нелегко, но хочется построить такой корабль, чтобы сам Петр I не заметил бы разницы...

НЕ ПУСТЯТ В ПЛАВАНИЕ?

Через два года «Полтаву» достроят и спустят на воду. У России появится наконец-то свой исторический символ, олицетворяющий первые победы российского флота. Но будущее «Полтавы» до сих пор туманно.

– Это будет музейный комплекс, научный, культурный, исследовательский и педагогический центр по изучению морской истории города и страны, – говорит Лидия Гуменюк. – Вопрос в том, будет ли наш корабль лишь стоять на якоре или сможет пойти в плавание. Естественно, исторические деревянные корабли не соответствуют современным нормам безопасности судов. Но мы сейчас ведем переговоры с Регистром, надеемся, что удастся решить эту проблему.

Если у строителей «Полтавы» все получится, то уже через несколько лет в Финском заливе будут развеиваться паруса и палить пушки старинного линейного красавца-корабля. В память о подвигах, в память о победах. В память о Петре и о безымянных матросах. В назидание нам, потомкам. ■

Образцы
корабельных
пушек уже
отлиты,
установлены
на верфи и даже
стреляли

МЕТКА КНИГОЛЮБА

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ТАКОЕ ЭКСЛИБРИС? ДУМАЕТЕ, ЭТО ЖАНР ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА ИЛИ, МОЖЕТ БЫТЬ, КАК-ТО СВЯЗАНО С ЛЕГЕНДАМИ О КОРОЛЕ АРТУРЕ? А ВОТ И НЕТ! СЕГОДНЯ ЛИШЬ НЕМНОГИЕ СМОГУТ ОТВЕТИТЬ НА ТАКОЙ ВОПРОС, А ВЕДЬ В СТОЛИЦЕ ЕСТЬ ДАЖЕ МУЗЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЭТОЙ ЗАГАДОЧНОЙ И ТАИНСТВЕННОЙ ВЕЩИ.

Т РАДИЦИОННО ЭКС-либрисом называется особый знак, который помещался на форзаце книги и свидетельствовал о том, что она принадлежит тому или иному человеку. Еще несколько столетий назад едва ли можно было представить себе домашнюю библиотеку богатого дворянского рода без этой элегантной детали, вклеенной

в каждую книжку заботливыми руками хозяина. И хотя сейчас лишь немногие истинные библиофилы продолжают эту традицию, библиотечные книжные штампы – тоже своего рода экслибрисы – хотя бы раз встречались каждому из нас.

А экслибрисы, которые находили в книгах с дореволюционной орфографией, сегодня стали предметом коллекционирова-

ния тех, кого уже не удивишь почтовыми марками, открытками или монетами. Именно благодаря энтузиазму таких людей почти четверть века назад в Москве возник единственный в стране Музей экслибриса, в стенах которого, к слову, недавно появилась «дочка» – коллекция миниатюрных книг.

ДОМ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГ

Когда гуляешь по старинной московской улице Рождественке и доходишь до ее пересечения с Пушечной, нетрудно заметить, что угловой дом под номером 7/5 заметно отличается от остальных. Огромный, длинный, он как-то неестественно упирается в соседние сооружения, поражающие прохожих своим впечатляющим убранством, элегантными арками и колоннами. Может, поэтому два верхних этажа углового дома смотрятся совсем просто: абсолютно одинаковые узкие прямоугольники окон, однотонные стены без каких-либо украшений, что кажется странным для места, в двух

Вдоль длинного коридора музея стоят шкафы, внутри которых и живут книжки-малышки

шагах от которого находятся роскошные здания Кузнецкого Моста. Оказывается, здесь по проекту архитекторов В.П. Гаврилова и В.Н. Карнеева в 1886 году был построен доходный дом, причем далеко не самый тривиальный: изначально он принадлежал Суздальскому подворью. В нем селились на время приезжающие в город настоятели монастырей, священнослужители, монахи; относительно низкая стоимость аренды привлекала также и учителей, мелких чиновников, студентов. И, разумеется, книги в этом доме у таких людей были всегда. Историки даже утверждают, что частенько в магазинчиках и лавочках на первом этаже здания продавали именно печатную или полиграфическую продукцию.

В советское время дом стал обычной коммуналкой, и все же такое огромное здание, на столько метров протянувшееся что по Рождественке, что по Пушечной, не могло остаться незамеченным – оно приглянулось созданному в 1974 году Всесоюзному обществу книголюбов. Богатейшее и влиятельнейшее Общество, в свои лучшие времена насчитывавшее более 16 миллионов членов, заняло все здание. И в одной из квартир в 1991 году решено было открыть новый, уникальный в своем роде музей экслибриса. А в 2003 году здесь появились высокие стеклянные витрины с маленькими книжечками внутри – так возник миниатюрный музей миниатюрной книги.

Одна из первых книжных меток – экслибрис игумена Досифея

В зале музея можно найти экслибрисы, созданные как столетия назад, так и нарисованные в наши дни

КНИГИ – ТВОИ, МОИ И НАШИ

Сегодня оба музея занимают только два зала, осмотреть их можно за считанные минуты, однако истинные библиофилы никогда этого не сделают. Маленький экслибрис таит в себе множество секретов, которые нужно постепенно раскрывать, расшифровывая многогранные смыслы картинки, ведь изначально настоящий книжный знак всегда создавался с учетом особенностей того, кому он принадлежал.

Согласитесь, просто подписывать книги – довольно скучно, особенно людям, у которых их было всего около десятка. Во времена, когда книгопечатание еще не было изобретено, книги были дороги и ценились на вес золота. Считается, что первые

экслибрисы появились уже тогда: некоторые хозяева аккуратно прорисовывали их на своих рукописных сокровищах. В экспозиции музея представлена, например, копия экслибриса игумена Досифея, основавшего в XV веке библиотеку при Соловецком монастыре. И хоть этот книжный знак считается одним из старейших, он уже не лишен оригинальности: владелец рисовал большую букву «С», внутри которой вязью писал продолжение: «вященоинока Досифея».

Настоящий расцвет эра экслибриса пережила с изобретением книгопечатания. Традиция помечать собственные книги зародилась в Германии – первый зафиксированный печатный экслибрис датируется серединой XV века, после чего по всей Европе люди начали пользоваться таким нехитрым методом для охраны своих книг. Нетрудно догадаться, что появление печатных экслибрисов в России связано с именем Петра I: именно тогда книжные знаки стали неотъемлемой частью домашних библиотек и получили массовое распространение.

Неизвестно, кто был создателем первых печатных экслибрисов, предполагают, что в этом была

заслуга придворных или крепостных художников, однако очень быстро определились некие каноны их изготовления. Экслибрисом могла называться картинка форматом не более чем 15 на 17 сантиметров, на которой непременно должно было быть написано *Ex Libris* (Из книг. – Лат.), а также имя хозяина. По желанию заказчика в экслибрис могли добавляться известные изречения или девизы. Рисунок, который во многом принимал символическое значение, каждый определял для себя сам, по нему можно было разгадывать личность владельца почти как по семейному гербу. К слову, тогда во многих случаях именно герб и становился персональным экслибрисом, таковы, например, книжные знаки некоторых сподвижников Петра, в том числе Якова Брюса. Благодаря тому, что раньше к экслибрисам относились столь трепетно, сегодня многие би-

Экслибрис с изображением Каменец-Подольской крепости

блиофилы, в руки к которым попала редкая старая книга, могут, как клубок ниток, «раскрутить» ее историю, раскрыв тайны книжных знаков. Помимо того что на форзаце или первых страницах стоит имя владельца, картинка повествует о

культуре и обычаях тех времен, в некоторых случаях прослеживается путь книги из рук в руки. В светских кругах любили собирать богатые домашние библиотеки, которые потом передавались по наследству или же, если хозяин разорился и был вынужден ее распродавать, переходили к другим людям. Старые экслибрисы срывать было не принято, и знак нового владельца ставился на свободном месте или на следующей странице. Так рядом с гербами появлялись изящные вензеля-инициалы, пейзажи или сюжеты – у каждой эпохи была своя мода на экслибрисы. В XIX – начале XX века, к примеру, к созданию личных книжных знаков часто привлекали известных художников, и на обычной домашней книжке появлялся настоящий шедевр. Свои замечательные экслибрисы тогда создавали многие известные художники, немалый вклад, например,

Кто-то выбирал
для себя «кошачий»
экслибрис

внесли те, кто причислял себя к объединению «Мир искусства»: Александр Бенуа, Михаил Добужинский, Лев Бакст, Константин Сомов, Анна Остроумова-Лебедева. Однако к именитым художникам обращались далеко не всегда: некоторые любители книг предпочитали приобретать нужное количество универсальных экслибрисов и потом просто вписывали на каждый из них свое имя.

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ – ХУДОЖНИК

Считается, что у настоящего экслибриса два «лица»: одно олицетворяет того, для кого экслибрис создается, другое – того, кто его создает. И если раньше на первый план выходила именно личность владельца библиотеки, то в XX веке суть

книжного знака изменилась. Теперь даже было не столь важно, будет ли экслибрис использован по назначению, его порой вообще не клеивали ни в одну книгу, основным элементом стала сама гравюра, созданная конкретным человеком.

Вскоре экслибрис, отчасти утратив свое прикладное значение, становится отдельным жанром графического искусства. Появляются и люди, занимающиеся коллекционированием книжных знаков. В советское время, в 60–70-е годы, интерес к экслибрису достиг своего пика, и связано это в первую очередь с деятельностью Всесоюзного общества книголюбителей. При нем создавались многочисленные секции экслибриса и графики как двух главных украшений книг – персонального штампа и

Изобретение
книгопечатания
стало отправной
точкой эры
экслибриса

иллюстраций, и ведущие советские художники привлекались к работе.

Особой честью считалось участие во всесоюзных конкурсах, посвященных какой-либо известной личности или памятной дате. Так появлялись целые циклы экслибрисов, созданные авторами со всех республик, – лениниана, пушкиниана, первый полет человека в космос и многое другое. И конечно, для художника уже было не так важно, будет ли его творение украшать чью-то домашнюю библиотеку или же просто останется оригинальной маленькой гравюрой. Книжные знаки этого времени составляют основную часть фондов московского Музея экслибриса. Здесь представлены не только все советские республики, но и другие социалистические страны, к примеру Болгария, Польша, ГДР, Венгрия. Кроме того, с каждым годом в коллекции появляется все больше работ ведущих мастеров экслибриса: сначала художник проводит свою выставку, а потом оставляет часть экслибрисов в дар музею. Таким образом, за последние пять лет фонд пополнился более чем на 5 тысяч книжных знаков.

В 2016 году музей готовится отметить 25-летний юбилей, и уже объявлен конкурс на лучший экслибрис, посвященный этой памятной дате. В нем пробуют себя художники со всей страны, специализирующиеся на книжных знаках, понимая, что работа победителя займет почетное место среди множества других, собранных в просторном зале музея.

В экспозиции
есть книги
размером
с монетку

КНИГОЛЮБ В СТРАНЕ ЛИЛИПУТОВ

А в соседней комнате за стеклянными дверцами шкафов аккуратно разложены многочисленные книжки величиной не больше ладони. Это – открытый чуть более десяти лет назад уникальный музей миниатюрных книг, созданный как дополнение, но ставший неотъемлемой частью Музея экслибриса. Собранная, опять же, усилиями Международного союза книголюбов экспозиция сегодня насчитывает около 5 тысяч таких «малышей». Казалось бы, солидная библиотека, однако же много места она не

Инструменты художника-гравера

Библиотечный штамп – тоже своего рода экслибрис

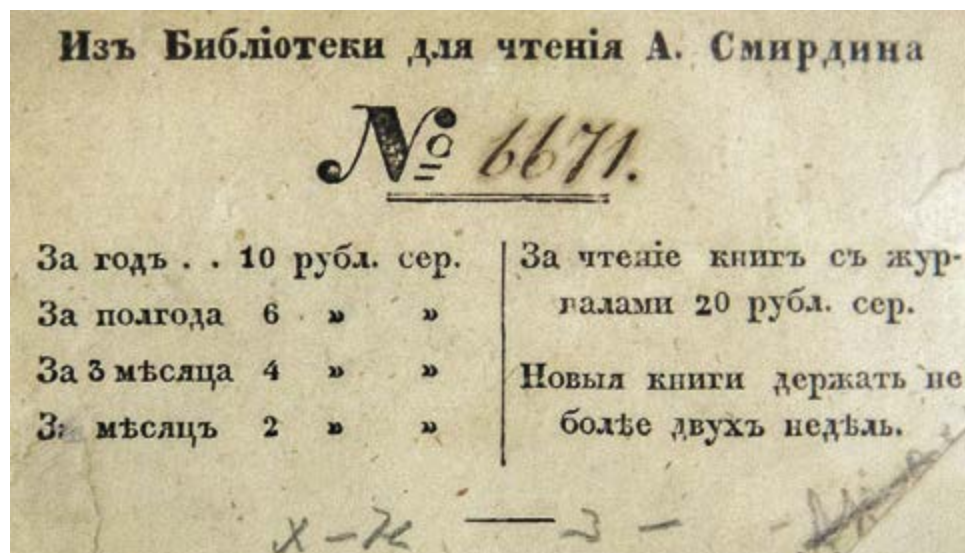
занимает, и осмотреть всю пеструю коллекцию не составляет труда.

Такие книжки и были созданы для удобства читателей. В России их изначальное предназначение было сугубо практическим: в столь миниатюрном формате издавались псалтыри, молитвословы и часословы, четко определяющие, какую молитву в какое время нужно прочесть, и их текст был всегда под рукой. Этим принципом руководствуются и в наши дни: сотрудники музея отмечают, что до сих пор фонд музея пополняется оригинальными изданиями старообрядцев, весьма

трепетно относящихся к своим многовековым традициям.

Впрочем, миниатюрные книжки создавались не только в богоугодных целях. Подумать только, в конце XIX века они рекламировали табачные изделия! Тогда предприимчивый киевлянин Аврам Дуван, владевший гильзовой фабрикой, начал издавать русскую классику, к примеру произведения Пушкина, Лермонтова или Карамзина, в непривычном формате – 7 на 5,5 сантиметра, и, что примечательно, на последних страницах книг были написаны адреса магазинов по всей царской России, где можно было купить папиросные гильзы его фабрики. Книжки вкладывались в коробки поверх «основной» продукции и распространялись по торговым точкам. Столь необычный маркетинговый ход имел невероятный успех, и даже те курильщики, которые не считали себя библиофилами, соблазнялись покупкой именно продукции Дувана. Сегодня же издания, раньше служившие лишь приятным дополнением, стали раритетами и настоящей мечтой коллекционеров.

А в XX веке интерес к таким книжечкам стал еще больше, и счет издательств, где они печатались, пошел на десятки. Очень часто тогда миниатюрная книга, в противовес большим и серьезным собраниям,

предназначалась для детей. Так, известный книгоиздатель Иван Сытин специально для маленьких читателей выпустил целую серию книжек-малышек, а во многих журналах печатались специальные страницы, которые можно было вырезать и потом сделать из них свою небольшую книжечку, чем тоже обычно с удовольствием занимались дети.

«Повзрослела» миниатюрная книга в годы Великой Отечественной войны. Тогда она стала своеобразным «бойцом»: маленькие и легкие книжки с самолетов сбрасывали на оккупированные врагом территории для поднятия духа населения.

В послевоенное время миниатюрная книга – русская и зарубежная классика, сувенир, путеводитель, справочник, словарь иностранных слов – чем только не была книжка такого формата! Ей, кстати, даже в космосе удалось побывать. В виде миниатюр печаталась, конечно же, и классика: специальным постановлением ЦК КПСС отделы миниатюрных книг открываются при ведущих советских книжных издательствах, таких как «Молодая гвардия» или «Художественная литература».

«Малыши» не забыты и сейчас, вспомнить хотя бы то, как часто их можно увидеть в руках человека в метро. Популяризируют их и непосредственно в самом

музее, где каждый год проводятся конкурсы для детей. Юные посетители сами создают свои книжки-малышки, в этом году, например, они были посвящены творчеству Крылова.

ОТ ПРОДОЛЖАТЕЛЕЙ ДЕЛА ЛЕВШИ

Вручную, но уже взрослыми, создаются настоящие шедевры – микробики размером не более 17 миллиметров, создание которых своего рода искусство. В музее на витринах для сравнения рядом с микробики лежат монеты – копейки, рубли. Некоторые книги можно «носить», например сказка

Не сережки, а сказка!

«Маша и медведь» представлена в виде сережек, а молитва «Отче наш» вставляется в изящный серебряный медальон.

И очень отраднo, что самую маленькую микробику в мире, величиной меньше макового зернышка, всего лишь 0,8 миллиметра, создал сибирский Левша из Омска Анатолий Коненко, миниатюры которого – интереснейшая часть коллекции музея. Глядя на эти работы, убеждаешься, что знаменитый тульский мастер был реальным лицом и предела человеческих возможностей просто не существует.

Музейная жизнь и сегодня не стоит на месте, экспозиции экслибрисов и миниатюрных книг становятся богаче, лучшие мастера проводят здесь свои выставки, и очень часто можно увидеть школьников, внимательно рассматривающих коллекции. И даже несмотря на то, что сейчас Международный союз книголюбов занимает далеко не все здание на Пушкинской и уже не насчитывает миллионы членов, музей, его детище, куда едва ли заглянешь случайно, просто гуляя по улице, и сейчас воспринимается как дом, под крышей которого всегда можно найти друзей по интересам – таких же страстных почитателей Книги.

Директор музея
Людмила
Владимировна
Шустрова

В ЦЕНТРЕ СУРСКОГО КУСТА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

«ИДЕШЬ СОТНИ ВЕРСТ ПЕШКОМ, САПОГИ В РУКАХ ТАЩИШЬ: ПОТОМУ ВЕЩЬ ДОРОГАЯ. ПРИХОДИЛОСЬ ИДТИ ГОРАМИ, ЛЕСАМИ; СУРОВЫЕ СОСНЫ ВЫСОКО ПОДНИМАЮТ СТРОЙНЫЕ ВЕРШИНЫ. ЖУТКО... БОГ ЧУВСТВУЕТСЯ В ПРИРОДЕ. СОСНЫ КАЖУТСЯ ДЛИННОЙ КОЛОННАДОЙ ОГРОМНОГО ХРАМА. НЕБО ЧУТЬ СИНЕЕТ, КАК ОГРОМНЫЙ КУПОЛ...».

ТАК ВСПОМИНАЛ СВЯТОЙ праведный Иоанн Кронштадтский свои детские путешествия из Архангельска в родное село Сура на каникулы. Спустя полтора века с дорогами в этих краях по-прежнему неладно. Не то чтобы лесом идти надо, но и грунтовка из Архангельска в райцентр Карпогоры настолько

труднопроходима, что местные жители ездят по ней только в случае крайней необходимости. Благо эти 300 километров можно преодолеть на поезде, хотя и ходит он не каждый день. Поезд тащится сквозь лес целых шесть часов. Для путешественников – все равно что однодневная экскурсия, во время которой можно не спеша рас-

сматривать и фотографировать проплывающие за окном северные пейзажи: то грандиозной тайги, то устрашающих огромных болот со сплошным частоколом высохших елок...

Уже в темноте, совсем даже не в Карпогорах, а в лесу, где-то рядом с селом, поезд прибыл на станцию. Пассажиры вывалили на грунтовую дорогу, где их уже поджидало множество частных извозчиков всех мастей. До Суры оставалось преодолеть еще более 100 километров на машине. Песчаная дорога идет через лес, без больших ям и кочек, но порой мнется как пластилин: колеса увязают в песке, продавливая колею за колеей. Поразило, что на этом бездорожье появляется даже «пазик»: только совершает он свой рейс по утрам, и прибывшие на поезд рассказывают о нем как о «летучем голландце».

На полпути дорога перепрыгивает с правого берега реки Пинеги на левый. Машины заезжают на большой понтон, а маленький труженик-катер упорно толкает его к противоположному берегу. А через речку Суру переправились по скрипучему бревенчатому старому мосту.

Сура является центром сельского поселения или, как говорят старики, «сурского куста», объединяющего около 20 деревень. «Куст» этот очень раскидистый, в некоторые деревни проехать вообще невозможно. Прямо как в частушках, которые поют местные бабушки: «Через Суру мосту нету, брошена колодина...» Неудивительно, что с каждым годом «живых» деревень становится все меньше. В деревне Осаново еще недавно жил «граф Сосновский» – так суряне называют местного старожилу Василия Сосновского, который в последние годы остался один в деревне и хозяйничал там словно граф. Но вот он умер, и Осаново омертвело. Соседи с уважением вспоминают «графа», говорят, человек он был «знаткой», к нему за советом ходили – разобраться в хозяйстве и в жизни...

ФОТО АВТОРА

**БАТЮШКА
КРОНШТАДТСКИЙ**

При въезде в Суру сразу чувствуется, что очутился в центре «деревенского куста». Таких широких, прямых и длинных улиц здесь больше нигде нет. И конечно, бросаются в глаза большие каменные храмы: один – на «Горке», монастырский, уже почти полностью восстановленный; другой – на «Погосте», приходский Никольский, весь в строительных лесах. Жители рассекают по песчаным улицам на машинах и велосипедах; одни катят коляску с продуктами из магазина, другие тележку с бидоном питьевой воды.

На месте Никольского храма в начале XIX века стояла деревянная церковь. Рядом с ней находился домик дьячка Ильи Сергиева, в семье которого 19 октября 1829 года и родился сын Иван – будущий святой Иоанн Кронштадтский. Род священнослужителей Сергиевых известен в Суре, по крайней мере, с XVII века. Даже волость часто называли по имени священника – «Сурско-Сергиевская». Однако многовековая история Суры несколько не способствовала процветанию села. Даже в середине XIX века жители Архангельской губернии рассказывали о Суре как о месте, где живут «самые обездоленные люди». Все изменилось с появлением в Русской церкви «Кронштадтского пастыря». В конце века попечением своего прославленного земляка Сура пре-

ображалась на глазах – недаром с тех пор и до сего дня отца Иоанна в селе именуют просто «Батюшка» или «Батюшка Кронштадтский».

В 1889 году взамен старого деревянного Никольского храма жители Суры решили построить новый, тоже деревянный. Отец Иоанн освятил место постройки, а его почитатели пожертвовали на строительство почти 60 тысяч рублей. Этих денег хватило, чтобы возвести большой трехпрестольный каменный храм в связке с двухъярусной колокольней. Для нужд строительства в Суре открыли кирпичный завод и кузницу. Через два года храм уже был закончен, и на его освящение съехались все высшие государственные и церковные деятели Архангельской губернии. На средства Батюшки построили двухэтажное каменное здание церковно-приходской школы, которая вскоре приобрела славу самой лучшей школы епархии.

В 1899 году по благословению Батюшки за один год (!) в селе появился Сурский Иоанно-Богословский женский монастырь. Сначала обитель выстроили из дерева, а через несколько лет перестроили в камне. Первыми насельницами монастыря стали молодые образованные сестры из Петербурга, Кронштадта,

Иоанн Кронштадтский
во время одного из своих
приездов в Суру

**Пинежские
икотники**

Икота – особое явление, распространенное на Пинеге и Мезени, поражающее смесью сказочного колдовства с совершенно обыденной жизнью. «На Пинеге много народу дурачится, людей портит. Мужик на мужика рассердится, да на жену икоту напускает», – жаловалась пинежская крестьянка известному этнографу Петру Саввичу Ефименко в 1864 году. Она же утверждала, что в их деревне, состоящей из 46 дворов, «икота есть почти у всех женок; у двух мужиков была и у двух девок». Пинежане понимали икоту как своего рода порчу, а то и откровенное вселение нечистого духа в человека – в большинстве случаев в женщин. На это указывает и само название «икота», скорее всего, оно никак не связано с иканием, а имеет финно-угорское происхождение и означает некое злобное существо.

Первые серьезные попытки разобраться на государственном уровне с пинежской икотой известны, по крайней мере, с начала XVIII века. В материалах «дела о напускании икоты» 1729 года говорится следующее: «В нашей Юромской волости явилось многое число женского полу людей в икоте, в том числе в Бугаевской деревне на Олисаве, Григорьевой дочери, а Василья Кукина жене; и оная Олисава говорит икотой и называет отцом и батюшкой (то есть в припадке сама икота указывает того, кто ее породил. – Прим. авт.) той же волости Никифора Кириллова сына Салмина: «Он на меня напустил икоту в Верхнеконском ручье, у Чушева бани... в доме у Ермолы Ларюкова оный же Никифор икоты напустил на Анфима Глотова да на Деяна Салмина... да на Феофана Удина, на жену его Евлампия икоту сгрыжею, и вышеописанных оная Олисава называет сестрицами своими, что де у них у всех один батюшка, Никифор Кириллов Салмин». Никифора пытались арестовать, а он сопротивлялся, кричал: «Что-де вы меня вяжете, и меня-де вязки держать не будут, и в вязках оный Никифор опростался, и ножом сам себя по горлу резал, и у караульчиков у десятских руки в кровь подрезал». Никифора все же заковали в кандалы. Но вскоре другие «говорящие икотой» стали называть «батюшкой и матушкой» брата Никифора Осипа и его жену Софию, «понеже оная Софья икоту напускать умеет; в минувшем марте ездила в Тигляевскую деревню и в мирскую пролубь наметала живых мышей... Да они ж говорухи икотой говорят, что еще наметано и насажено икотных болезней по улицам и по дорогам и каждах местах». Всех Салминых посадили в тюрьму, «понеже оные икотники (икотниками называли и одержимых икотой, и тех, кто ее «насаживает», как в данном случае. – Прим. авт.) злее воров и разбойников, и изгубили икотами мужеска и женска полу людей 74 человека». Но не успело дело дойти до суда, как Салмины, «пользуясь темнотою ночи, бежали и не были отысканы». А через год число заболевших икотой в волости выросло до 232 человек.

ПРЕДОСТАВЛЕНО СУРСКИМ ИОАННО-БОГОСЛОВСКИМ МОНАСТЫРЕМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО СУРСКИМ ИОАННО-БОГОСЛОВСКИМ МОНАСТЫРЕМ

Москвы и других городов страны. Отец Иоанн считал болезнями современного ему общества пьянство и «страсть к развлечениям». Монастырь, по его замыслу, должен был являть миру пример благочестия и трудолюбия, вести благотворительную, просветительскую, миссионерскую деятельность. Перед революцией 1917 года в обители проживало 197 сестер – в несколько раз больше, чем в других женских монастырях губернии. Помимо молитвенного дела, начинавшего каждый день в 5 утра, сестры работали в живописной, швейной, сапожной мастерских, на скотном дворе, в поле, кузнице, пекарне, на кирпичном заводе; был у монастыря свой паром и паровая мукомольня. Будущих хозяек и матерей воспитывали в монастырской школе-интернате для крестьянских девочек. Сестры во всем старались следовать девизу жизни своего основателя: «Трезвись, молись, трудись!»

8 декабря 1920 года Советская власть постановила ликвидировать монастырь. Сестры писали в Архангельский Совет народного хозяйства: «Мы постановление считаем немилосердным... мы пришли на голый песок, где не было никакого строения, ка-

ковое и пришлось нам начинать своим трудом: раскапывать канавы, вырывать пни, чтобы расчистить место под постройку, разрабатывать землю и расчистку под сенокос и под огород, носили сырой кирпич. Если нужны вам наши помещения, то разрешите удалиться нам в Скит, где и наделить нас землей, которую мы и будем обрабатывать и кормиться своими собственными трудами, чтобы не пользоваться привозным хлебом...» Упомянутый Скит находился в 18 километрах от Суры, в корабельной роще, пожалованной обители императором Николаем II. По воспоминаниям местных жителей, большинство насельниц монастыря погрузили на баржу и утопили. Уцелевшие сестры образовали небольшие тайные общины в Архангельске и Суре.

Никольский храм простоял до 1930-х годов. Его берегли некоторые семьи, содержавшие храм, несмотря на возложенные на них непомерные налоги. А затем уж власти передали церковь под склад. От богатого убранства старого храма не сохранилось ничего. Только Царские врата, которые до сих пор стоят на могиле директора школы Михаила Мырина, умершего в 1959 году.

Величие Суры начала XX века: слева – храм Иоанно-Богословского монастыря, справа – первая, деревянная церковь села, построенная в XVI веке

«ЭТО ВСЕ БЫВАЛЬЩИНА...»

Сегодня, глядя на посаженные Батюшкой лиственницы, возвышающиеся возле сверкающего белизной монастырского храма, кажется, что всех этих страшных историй не было. На своем месте каменная часовня, где покоятся отец и сестра Батюшки. С краю стоит «домик митрополита» с видом на заливные луга и выющуюся речку Суру. Монастырские послушницы целый день в заботах: коров подоить, убрать с огорода урожай, водой запастись, сложить сено в длинные северные стога; опять же кирпич принести для колокольни...

Идущая от монастыря прямая широкая улица Иоанна Кронштадтского также появилась в Суре благодаря Батюшке – сам он называл ее «проспектом». На его пожертвования вместо хаотично наставленных кривых изб построили улицу «на городской манер» – просторные дома в основном для церковного причта и родственников отца Иоанна. Каждый дом имел какую-то свою изюминку, архитектурный элемент, отличающий его от остальных. В Суре, надо сказать, дорожат историческим обликом села. Большинство домов – старинные, из потрескавшихся массивных бревен. Их если и обшивают снаружи, то стараются делать это в духе прошедшей эпохи. Исторической постройкой считается необычный двухэтажный дом священника Георгия Маккавеева, у которого останавливался Иоанн Кронштадтский во время своих приездов. Здесь же в новое время был молельный дом у первых сестер вновь открытого монастыря. А в 2000 году Серафима Вячеславовна Данилова создала там Музей Иоанна Кронштадтского. Создала, как выражаются сурские жители, «по обету» – во время тяжелой болезни. Серафима Вячеславовна – представительница старого сурского рода Даниловых, а ее сын – «первый звонарь России» Иван Данилов.

Где-то на середине «проспекта» стоит темно-коричневый дом с оригинальным полукруглым

ФОТО АВТОРА

балконом – семейное гнездо сестры отца Иоанна – Дарьи. А следом за ним – дом с балконом, украшенным резными наличниками. Здесь и сейчас живет внука Дарьи – Любовь Алексеевна Малкина. Родилась она в 1920 году и является самой близкой родственницей отца Иоанна, в селе ее часто называют просто «внучкой Батюшки». В свои 94 года Любовь Алексеевна продолжает вести активную жизнь, сохранила ясность ума и удивительную память.

– Отца моего Батюшка забирал с собой в Кронштадт, – вспоминает Любовь Алексеевна. – Раз приехал к сестре и говорит: «От-

Любовь Алексеевна Малкина – внучатая племянница Иоанна Кронштадтского

дай, Дарья, мне Алешку, я его возьму с собой, выучу, служить будет. Увез, да на другое лето обратно вернул. В Кронштадте он плакал, просился домой: мама, говорит, там одна, отца нет, помогать надо. У мамы моей, Павлы Григорьевны, отец тоже рано умер. Кормиться стало нечем, женщин землей не наделяли. Мать от-

Дом «внучки Батюшки» по-прежнему крепок, хотя и стоит уже более ста лет

ФОТО АВТОРА

Подобные явления стали так распространены по всей северо-восточной России, что в 1737 году императрица Анна Иоанновна издала указ о кликушах – так на Руси называли беснующихся в истерике людей. «Кликушей и притворноюродствующих» надлежало разыскивать духовенству и передавать дела в суд. Пинежскую икоту также отнесли к кликушеству. Одолевала икота в основном удаленные волости. В их числе и Сура. Возможно, распространение этого явления связано с тем, что еще долгое время после принятия христианства здесь сохранялось язычество. В новгородской грамоте 1471 года значится «Сура Поганая» (от лат. *paganus* – «язычник»). А по соседству стояла деревня Поганец, переименованная в 1930-х в Городецк. В 1765 году епископ Архангельский и Холмогорский Вениамин сообщает наместнику о 19 женщинах в Суре, которые «кричат необычно во время каждения... и ударяют сами себя, и за волосы терзают». А также прибавляет, что он пришел к выводу, что «икота есть не колдовство, но натуральная болезнь, и происходит не от воды ли в самом деле нечистой и производящей в человеке червей?»

В следующем веке точка зрения епископа Вениамина возобладала: икоту стали считать психическим расстройством. А у врача Пинежской городской больницы в перечне типичных женских болезней значилось: «Икота и прочие истерические припадки». Различали три основных типа икоты: первый – бессвязный дикий крик, спровоцированный произнесением какого-то определенного слова (как правило, бранного) или имени человека. Второй – «икота-говорука», при которой больные произносили членораздельные фразы, называли своего «батюшку», «бранились всячески» или просто многократно вопили некое восклицание. Третий тип икоты сравнивали с эпилепсией, только во время припадков икотница оставалась в полном сознании. В народе бытовало поверье, что в это время женщина становится ясновидящей, и присутствующие пытались задавать ей вопросы типа «куда подевалась моя корова?». Относительно причины икотной болезни были разные мнения, а лечили ее успокоительными препаратами.

Однако как ни боролись с икотой врачи и приставы, записки путешественников, побывавших на Пинеге и Мезени в конце XIX века, пестрят сообщениями такого рода: «В избе слышится то лай собаки, то плач грудного младенца, то густой хриплый бас... – то девка-икотница: сто бесов у ней животов гложут. Возили ее к отцу Андрею, что отчитывает, – не помог». В народе, как видно, по-прежнему считали икоту не болезнью, а одержимостью, порой доводящей человека до смерти: «...однажды билась сама (то есть одна, в отсутствие людей. – Прим. авт.), да в подполье упала: спину всю обрусачила о лестницу... Случается так, что бьется, бьется женка и умрет – то, говорят, смертная икота». А жители губернии побаивались пинежан и старались не ездить по Пинеге, опасаясь, что им насадят икоту.

Удивительно, но до сих пор в Архангельске бытуют такие же страхи в отношении пинежан. Причиной тому то ли местная пресса, так любящая рассказывать ужа-

правила ее работать в няньки к батюшке Маккавееву. Мама мне много рассказывала. Как встречали Батюшку Кронштадтского – всем селом на пристань выходили. А чтобы проехать ему на двуколке по нашим пескам, ковры стелили. Ехал он и кидал всем денежки. Мама моя 20 копеек подняла, купила ситца на сарафан. Жили тогда только на своем – что насеют, насобирают в лесу. А купить чего, денег не было... Это бывальщина! Еще, сказывали, подошел к Батюшке мужик просить денег – мол, у него корова сдохла. Он ему денег дал и сказал строго: «Корова твоя жива, но сегодня сдохнет. Возьми деньги и больше не ври!»

Другой год приехал – стал у батюшки Маккавеева ночевать. Тот ему и говорит: у нас нет жития от крыс, и зверь на пастбищах скотину задирает. Батюшка Кронштадтский всю ночь молился об избавлении. С того времени у нас и корову зверь не трогает, и крыс нет. Сказывают, после пароходы приходили, привозили крыс, да они выбегут на берег, побегают-побегают – и обратно на пароход. А если какие крысы оставались, то сами погибали. И в Карпогорах крысы заедают, и в Нюхче, а у нас больше ста годов крыс нет. Вот какие у него молитвы доходчивые. А когда церковь Никольскую освящали, Батюшка вышел на балкон и говорит народу: «Хотя построили церковь, в ней долго службы не будет». Все тогда удивлялись, беды не ждали.

– На брак ваших родителей тоже Батюшка благословил?

– Нет. Это уже после его смерти было. Отец воевал на фронте. А здесь его первая жена умерла, осталось четверо детей. Его и отпустили домой. Приехал отец, как дальше жить – не знает. Батюшка Маккавеев ему и советует: «Бери в жены Павлу Григорьевну, она твоих детей вырастит. Матушка моя Павлу всему обучила: шить, стирать, мыть, со скотом обрядаться». Запряг отец лошадь, поехал свататься в

ФОТО АВТОРА

Внутреннее убранство монастырского храма еще только создается, однако есть здесь старинные иконы с удивительными историями

дом к дяде Васе, где мама жила. Жениха приняли любовно. Дядя Вася маме и говорит: «Давай, Павла, жениху руку, молись Богу и пойдешь замуж». Мама ответила, что замуж не пойдет. А тогда с этим строго было. «Как так не пойдешь? – возмутился дядя Вася. – Коли замуж не пойдешь, ты мне – не сестра, я тебе – не брат, и сейчас же уходи из моего дома!»

Женились, стали вместе детей растить. А тут уж опять война. Пришли красные, велят отцу запрягать лошадь – белые наступают. Мама им отвечает: «Никуда он не поедет. Убьют его, на кого четверо детей останутся? Я повезу – у меня никого нет». Довезла их мама до деревни Подол и повернула назад. А те остались ночевать, да наутро новых лошадей брать. Вернулась мама – а у нас в доме штаб белых. Отец с детьми перешел в маленькую избушку-зимовку. Велят ему вести лошадей, скорее красных догонять. Мама так же за отца заступилась и повезла сама. В Сульцах заехали к маминной сестре чаю попить. Тут и их лошадь тоже велят запрягать да вместе ехать. Повез Николай, брат сестрино мужа, взрослый, но неженатый. Доехали до Нюхчи, разошлись по

хатам, стали ночевать. А рано утром Николай с мамой вышли как бы коней поить, да запрягли и от белых удрали. На дороге остановил их часовой: «Кто вас пустил? Вертайтесь назад!» Николай достал курительную бумажку из кармана и говорит: «Вот, у нас разрешение есть». А солдат неграмотный, бумажку не взял. «Если отпустили, – говорит, – так езжайте скорей, чтобы другие не волновались». Добрались до дома – лошадей и сани спрятали, дорогу замели, следов не оставили. Только мама дом отмыла, печь натопила, как видит – идут с флагами и поют «Смело, товарищи, в ногу...». Опять власть переменилась. Отец на это так сказал: «Какая бы власть ни была, с такой и жить будем».

– И как же при новой власти жилось?

– Да вот как. Пришел дядя Андрей, велит в колхоз вступать и писать заявление. Мама отказалась: мы, говорит, сами проживем, у нас лошадь и корова имеются. Дядя Андрей все свое: пишите заявление, а то налогами так обложим, что вам и не выкарабкаться. Так мы и оказались в колхозе. Там же – кто работал председателем, брига-

ФОТО АВТОРА

дирами, конюхами, доярками – те много хлеба зарабатывали. А мама пришла получать зарплату, ей говорят: у вас все выбрано, ничего не положено. Хорошо, невестка дояркой работала – дала нам, чтобы прокормиться мешок жита и мешок ржи. Это все бывальщина, все было прожито...

– *А вам какая должность в колхозе досталась?*

– Нас после школы в лес направили. Меня поставили подле заведующей в столовую лесозаготовки. У нее недостачу нашли, и меня уволили. Пошла в нашу больницу работать, да не смогла. В палатах было душно. Начальник нашей почты Егор Федорович позвал меня к себе работать письмоноском. Целый день бегала на свежем воздухе – хорошо. Да так и работала на почте – в Суре, в Явзоре, в Карпогорах и на Островку...

А в комсомол я сама вступила. Прибежали девки. Пиши, говорят, Люба, заявление – будем на воскресники ходить, на концертах выступать. Написала. На собрании все за меня проголосовали, только партийный работник протестовал: «Можно ли ее принимать в комсомол, она ведь родня Кронштадтскому?!» И все равно меня приняли... Да я и в комсомоле Богу верила. Церковные иконы мы по домам разобрали. Другие – иконы жгли. Колокола сбросили и на баржу сгрузили. А великий колокол 258

Дорога от монастыря спускается к покосным лугам и ведет к подвесному мосту в деревню Засурье

пудов весил. Председатель колхоза Таисия Петровна велела Ивану Романовичу идти церковь ломать. Будем, говорит, кирпичом торговать – народу надо печки ремонтировать. Он один раз кувалдой по стене стукнул – так полкирпича на него и отскочило. Больше не ходил... Все это бывальщина, было такое время. Время на время не приходит, когда какое время. Мама моя говорила: почему революция случилась? На женщин землю не давали: курица – не птица, женщина – не человек. Мужчины в армии служили по 25 лет. Песню такую пели: «Во солдагушки, ребятаушки, // Дорога широка. // Вы гуляйте, наши девушки, // Годков до сорока». Любовь Алексеевна живет в своем старом доме вместе с дочерью Ниной Яковлевной. А ее внук Алексей недавно стал священником Никольской церкви в Суре. Алексея называли в честь деда. Получается, желание Иоанна Кронштадтского благословить на священство своего племянника Алексея, не реализовавшееся при жизни, воплотилось в его внуке. По крайней мере, в семье уверены, что все произошло по молитвам Батюшки. Потому как ничего в судьбе Алексея не предвещало такого поворота. И это уже другая бывальщина... ❧

стики о современных икотниках, то ли некая историческая память. Собираясь в поездку на Пинегу, я нашел документальный фильм о пинежских икотниках, показанный четыре года назад по одному из центральных каналов. В фильме рассказывалась история массовой эпидемии икоты, случившейся в 1982 году на сенокосе в Пинежском районе. «Безудержно икали, кричали от ужаса, хохотали до безумия» аж 500 человек, в основном женщины. Нашла съемочная группа и ту, с которой началась эпидемия, – икота в нее вселилась, когда она работала на скотном дворе. Женщина по-прежнему живет в Пакшеньге и прямо в камеру заливается истерическими воплями. Демонстрировали также и других бабушек-икотниц, проживающих в деревнях неподалеку от Суры...

Проехав по Пинеге 500 километров, побывав в больших и малых селах, я не встретил никаких икотниц и даже людей, которые бы знали ныне живущих из них. В единичных случаях попадались пинежане, своими глазами видевшие икоту. Так, директор Пинежского краеведческого музея Татьяна Николаевна Кузнецова в середине 1980-х встретила на улице Пинеге женщину средних лет. Незнакомка была прилично одета, несла из магазина полные сумки продуктов и вдруг завопила что-то нечленораздельное. Происходило это помимо ее воли, на лице женщины был написан стыд, она ускорила шаг и старалась скрыться за деревьями.

А у хранителя Пинежского музея Валентины Павловны Кушкиной икотница была в роду. «Моей бабушке насадили икоту еще до замужества, – вспоминает Валентина Павловна. – Рассказывала, что переползала через загороду, порвала новый сарафан – и лешикнулась (то есть помянула лешего. – Прим. авт.). Икота к ней и прилетела. После чего на всякое произнесенное слово «леший» она начинала истерически кричать. Обратилась к местному «знающему», о котором говорили, что он насаживает икоту. Колдун уверял, что икота предназначалась не ей. Видимо, все произошло случайно – бабушка лешикнулась в тот момент, когда кто-то насаживал икоту на слово «леший». Чтобы избавиться от этой порчи, бабушка ходила на богомолье во все три пинежских монастыря, постоянно мазалась святым маслом – икота и приутихла. Но под конец жизни снова дала о себе знать. Орала сильно. Бабушка умерла в 1961 году и перед смертью завещала нам никогда не произносить бранные слова».

В Суре ничего «поганого», как утверждалось в фильме, мне также не повстречалось. Даже Любовь Алексеевна Малкина за свои 94 года ни разу с икотой не сталкивалась. Я обратился к старожилу села и краеведу Лидии Васильевне Лазаревой с вопросом об удивительных случаях икоты, рассказанных в фильме. – Да уж, – качала головой Лидия Васильевна. – Мы тоже сильно удивлялись, когда смотрели тот фильм. «Бабушек-икотниц» из сурских деревень никто не узнал ни по имени, ни в лицо. А по поводу «эпидемии на сенокосе»... Я обращалась к женщинам, которые именно в 80-е годы работали доярками на скотных дворах – и в Суре, и в Пакшеньге. О той «эпидемии» они не слышивали...

«ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ СПОСОБНОСТИ К ЛЮБВИ»

АВТОР

СВЯЩЕННИК КОНСТАНТИН КРАВЦОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«СТАРЕЦ ПАИСИЙ И Я, СТОЯЩИЙ ВВЕРХ НОГАМИ» – ФИЛЬМ С ТАКИМ НАЗВАНИЕМ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ТРИЖДЫ ПРОШЕЛ ПО ТЕЛЕКАНАЛУ «КУЛЬТУРА». НА ЭТОМ ЖЕ КАНАЛЕ ПРОВОДИЛОСЬ И ЕГО ОБСУЖДЕНИЕ. НЕКИЙ КИНОВЕД ОБВИНЯЛ АЛЕКСАНДРА СТОЛЯРОВА – СОЗДАТЕЛЯ НЕЛЕПОГО, КАК ЕМУ ПОКАЗАЛОСЬ, ФИЛЬМА О ЧТИМОМ СВЯТОМ НАШЕГО ВРЕМЕНИ – В ЭКЛЕКТИКЕ, КОТОРУЮ ТОТ СЧИТАЛ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ, А ПОСЛЕ, В КУЛУАРАХ, ЗАМЕТИЛ: «ВЫ ЗНАЕТЕ, МНЕ ПОНАЧАЛУ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ВЫ ПРИДУРЯЕТЕСЬ, А ВЫ И В САМОМ ДЕЛЕ...» АЛЕКСАНДР СТОЛЯРОВ ВЫДЕРЖАЛ ПАУЗУ И СПРОСИЛ: «ИДИОТ?» КИНОВЕД КИВНУЛ.

ЧТО ИМЕЛ В ВИДУ СЕЙ ученый муж? Вряд ли то, что перед ним – князь Мышкин. Так, обычный слабоумный.

Но если печальная история князя, верившего, что мир спасет красота, нам известна, то история снимающего по 10 фильмов в год идиота еще пишется – пишется им самим в фильмах, киносценариях, пьесах, прозе, сказках, стихах, рисунках к собственным мультфильмам, иногда – песнях и многом другом. Пишется самой жизнью – его жизнью и жизнью как таковой, неотделимой для Столярова от искусства, и искусства весьма своеобразного. Идиотского, если угодно. Или – юродивого, говоря по-русски. Искусства, юродствующего во Христе, так как Александр – верующий, и при этом – не номинальный православный, а живущий и извлекающий все свои сюжеты и образы, все, что им мыслится, чувствует-ся и делается, изнутри этой веры.

ВВЕРХ НОГАМИ

Итак, современный святой с Афона и современный художник, стоящий вверх ногами. Почему вверх ногами? Ну, в первую очередь, потому, что он таким образом в иных случаях снимает на камеру Сергея Соколова, играющего старца Паисия. А говоря иносказательно... Разве мир каждого из нас, не достигших святости, не перевернут с ног на голову, особенно – в постмодернистскую эпоху? Да и утвердившийся, как ему кажется, в православии, твердо стоящий, по его мнению, на ногах, не гарантирован от кувырка, переворота или, говоря на языке аскетики, *падения*. Не гарантирован от него даже первоверховный апостол: вспомним историю троекратного отречения Петра. Иными словами, устойчивость любого из людей, даже святых, всегда ненадежна, а уж в наше время вытеснения реальности виртуальностью – тем более. И нет ничего странного, что

художник (кинорежиссер) висит вверх ногами, снимая фильм о святом. Интересней другое: почему своим героем он выбрал именно святого? Откуда берется в нашем сегодняшнем насквозь игровом мире само это притяжение к святости, симпатия к ней, выдающая внутреннее сродство, ибо подобное может тянуться лишь к подобному?

Один из известных католических богословов озаглавил свою очередную работу заявлением: «Достойна веры лишь любовь». С этим, думается, вполне согласился бы Александр Столяров, не притворяющийся идиотом, а являющийся им на самом деле. То есть, говоря иначе, не прикидывающийся христианином, а дошедшим до того, что смеет быть таковым по своей сути в постхристианском мире попкорна, кока-колы и все более эффективных технологий «промывки мозгов», смывающих в них саму способность к самостоятельному мышлению. Да, только любовь, но что такое любовь и можно ли говорить о ней всерьез, как и говорить на полном серьезе о чем бы то ни было, когда, по слову русского поэта-эмигранта, «распадаются слова и не значат ничего»? Кстати, о серьезности. Входит ли она в число христианских добродетелей, коль скоро мы оказались вынуждены говорить о христианстве?

Вглядимся в его Основателя. Вот Он говорит галилейским крестьянам, людям бедным, но практичным, твердо стоящим на земле и не витающим в облаках: посмотрите на полевые цветы – не ткут, не прядут, а до чего красивы! И царю Соломону не снились такие наряды. А птицы? Не сеют, не жнут,

а Отец Небесный питает их. Берите с них пример. Крестьяне переглядываются: он это что, всерьез? Или дурачит нас? Может, он просто не в себе, этот парень из Назарета – забытой Богом дыры, откуда по определению не может быть ничего путного? Кто-то усмехается, кто-то крутит пальцем у виска. Но во всех этих речах, во всей этой с точки зрения здравого смысла ахинеи есть странная притягательность. Неожиданные притчи, игра словами (которую не передает перевод), яркие, врезающиеся в память парадоксы, что переворачивают все с ног на голову или наоборот.

«Старец Паисий и я, стоящий вверх ногами». Звучит современно, по-постмодернистски. То есть – несерьезно как-то. А несерьезность дает повод ортодоксам, преисполненным сознания собственной значимости (значимости своей несокрушимой серьезности), заподозрить шутника в отступлении от православия. Христос, мол, никогда не смеялся. Да и благочестиво ли вообще снимать игровое кино о святом? Тем более что и отношения с ним у режиссера, как он сам признается, *несерьезные*? Что значит – несерьезные?

«Они исходят из моего мировосприятия, потому как серьезно относиться к себе как к режиссеру, да и человеку, я не могу, а старец Паисий в игровом фильме мне добавил самоиронии, – говорит Александр Столяров. – К тому же я знаю, что все равно фильм о старце Паисии не получится. Я пробовал снимать кино о разных людях, у меня культурологических фильмов около сотни, и я всякий раз, когда заканчивал очередной фильм, понимал: ну, вот я в очередной раз сделал кино совсем не о том персонаже, каким определен или назван фильм. Фильм снять о человеке невозможно. Можно только полюбить этого человека. Ну, это понятно. Это как у Крылова: «Чтоб Бога знать, быть должно Богом, // Но чтоб любить и чтить Его, // Довольно сердца одного». И тут уже все зависит от моей способности к любви. Она в меньшей степени идет от меня – она идет от Бога, потому что – что я? Всяк человек – ложь. Поэтому если удастся эту любовь запихнуть в кадр, в монтаж, в фильм – кино случается. Для меня. Хотя иногда кажется, что это вижу только я». Подытожим: фильм удастся лишь благодаря любви режиссера к человеку, о котором он снимает кино, и важна лишь она, так как только она – не лжет. Не лжет потому, что она не субъективная эмоция, а дар свыше. Фильм, таким образом, получается фильмом не столько о некоем имяреке, воспроизвести которого во всей его человеческой сущности невозможно, а фильмом о любви, нисходящей свыше в ответ на потребность в ней, а потребность эта инициирована верой и стремлением жить благодатной жизнью. Дышать «горным воздухом христианства», говоря словами Мандельштама, так как дышать можно только им, и его нехватка грозит обернуться удушьем. Если же все в порядке, то каждый фильм будет свидетельством о Божьей любви к человеку и ответной человеческой любви. Например, любви к старцу Паисию или, допустим, Моцарту и его отцу (фильм «Я – Моцарт!»). А нет любви – нет и кино, а есть лишь очередная халтура, нет и самой жизни, а есть пародия на нее. Идиотизм? Как посмотреть. Если без любви – то да, дурость какая-то, но если попытаться полюбить этого идиота, считающего, что если нет любви, то и не стоит вообще ничего ни снимать, ни показывать...

ЧТОБЫ ГЯЗИ НЕ БЫЛО

«Я своей деревне показывал светлое, по моим критериям, хорошее кино. Причем и российское, и европейское, и американское, и австралийское – какое только не показывал, – рассказывает Александр. – И я видел людей, выходящих после просмотра. По крайней мере, пятнадцать минут у них были другие лица, они по-другому общались, они были другими, чем до просмотра. Потом проходило время, они разбегались по своим делам до следующей недели (я по пятницам им каждый раз показывал), и идеалист я, не идеалист – мне наплевать: я знаю, что если я перестану верить в то, что кино, да и искусство вообще, очищает, то мне этим делом заниматься и не стоит... Если тебя покинула благодать, то не суйся в кинематограф. И вообще в искусство не лезь. Я – абсолютный ортодокс. Я считаю, что не православного кино в России быть не должно. Гоголь – не православный? Достоевский – не православный? Я к тому, что прежде, чем взяться за кино, будь любезен, изучи, пожалуйста, морально-этические духовные принципы, которыми живет твой зритель. А если ты их не знаешь, то не суйся, пожалуй, в искусство. И может быть, здесь стоило бы вернуться к тому, что была у нас литература православная, была живопись православная, музыка православная – все это было. Была православная культура, была православная цивилизация. Теперь мы объявляем, что мы все православные, а знаний никаких. То есть мы такие двоечники, которые говорят: мы в школу ходим, а складывать не умеем. Иногда я чувствую, что я не занимаюсь кино, потому что вал отвратительного, вал бесовщины такой огромный, что поневоле приходится с другой стороны весов подпирать. А когда подпираешь, ты уже не думаешь, занимаешься ты искусством, нет – только бы, по крайней мере, к свету тянуться в фильме, складывать кадр к

кадрику, чтобы грязи не было, потому что все мы инфицированы».

Стремиться к тому, чтобы в искусстве не было грязи, когда считается, что ее чем больше, тем лучше, – это если не позерство, то явный идиотизм. Свет? Но может ли он быть коммерческим проектом? Тем более что постоянное потребление грязи отбивает у потребителя вкус к чистоте. Да и может ли вообще общество потребления быть обществом потребления света, а не имитирующих его нечистот? В общем, успешным такой чудак не будет: его удел – оставаться в маргиналах. Что его, идиота, нисколько не печалит. Он даже и на фестивали православного кино, где его фильмы постоянно получали и получают призы, давно не ездит. Кстати, о призах и кинофестивалях, как российских, так и европейских, как православных, так и светских, на которых «засветился» Александр Столяров. Список не мал, потому назову лишь призы на некоторых из них: фильм «Хорал» взял Гран-при на фестивалях в Нойбранденбурге (Германия) и Дьёре (Венгрия), фильм «Понять человека» – на фестивале христианского кино в Риме, фильм «Достоевская девочка»

удостоился Гран-при на фестивале «Покров», фильм «Давай убьем музыканта» – на фестивале «Россия» (Екатеринбург), а «Старец Паисий и я, стоящий вверх ногами» – на фестивале «Лучезарный Ангел». Так что идиотизм Столярова, снимающего около 10 фильмов в год, скажем так, не прошел незамеченным. Но вернемся к «Старцу Паисию» – самой, пожалуй, известной из его картин, получившей лишь по воле случая, если считать случайность – случайностью, а не непознанной необходимостью.

«Снимал я его очень быстро, – вспоминает Александр. – Снимал две недели, потом попал в реанимацию, быстренько сбежал оттуда и еще неделю доснимал. Снимать было интересно, мы снимали в монастыре, и монахи тоже играли, я понимал, что благодаря их молитвам оно и прошло, проскочило. Фильм не должен был получиться, и я внутренне уже смирился с этим. Когда шла вторая неделя съемок, я понимал, что фильм не получится. Ничего, видимо, братия молилась хорошо, фильм получился. Ничего моего там не было. Гордиться мне нечем, так как я был просто баранкой, через которую проходило что-то,

какой-то воздух. Сценарий был написан под игровой бюджет, но деньги выделили под документальное кино, приходилось выкручиваться на каждом шагу, что-то придумывать и постоянно молиться».

К слову, все фильмы Столярова сняты им за гроши, во многих в качестве актеров выступают жена (Юлия), дети (Матвей и Софья), друзья. Грань между игровым и не игровым кино исчезает, «и тут кончается искусство, и дышат почва и судьба». Хотя можно сказать, что здесь-то как раз и начинается подлинное искусство, неотделимое от почвы и судьбы, любви и молитвы. Во всяком случае – для «обыкновенного гения», как скромно называет себя иногда Александр Столяров.

Вообще же, его старец Паисий едва ли имеет много общего со старцем Паисием (Эзнепидисом), чтимым в Греции и полюбившимся в России благодаря изданию здесь его книг. Скорее, это православный старец-монах вообще, собирательный образ и притом ничем особенным, кроме доброты и мудрости, не отличающийся. Обычный праведник, каких во времена «мрачного Средневековья» было пруд пруди, а вот найдется ли их хотя бы с десяток в нынешнем всемирном Содоме – вопрос. Но что самое интересное – нить «несерьезных» отношений между режиссером и современным греческим подвижником на этом фильме не закончилась и тянется в следующий, новый, где молодой послушник, стоявший вверх ногами, предстает уже в виде зрелого седовласого монаха. И это уже не актер, а реальный человек, становящийся, сам того не зная, киногероем.

Предыстория такова. Одновременно со съемками «Старца Паисия» документальный шестисерийный фильм о греческом святом снял московский режиссер Александр Куприн вместе с иеромонахом Киприаном Яценко.

«Так получилось, что как-то я приложил руку к какому-то этапу этого фильма, но очень

своеобразно, – объясняет Александр. – Потом этот фильм вышел, он был популярен, все слава Богу, но шесть серий – это оказалось сложно для зрителя, как мне объяснил отец Киприан, и они собрались снять односерийное кино. Одну серию документального фильма или просто один фильм. И отец Киприан предложил это сделать мне».

Съемочная группа отправилась на Афон, по городам и деревенькам Греции, где помнили и чтители старца, но наибольший интерес для Столярова как художника представлял не он.

– Со старцем Паисием все замечательно, как мне кажется, но есть еще отец Киприан. Он живой. И живой человек мне всегда интересней, чем умерший. Его пощупать можно, с ним поговорить, – объясняет Александр. – И как ведь всегда бывает: хорошишь близких и понимаешь, что недолюбил. А тут можно передать эту любовь пусть опосредованно, пусть через кино. Передать его любовь к отцу Паисию. Она гораздо больше, чем моя. И при этом сохранить специфический, важный для меня язык живого героя – отца Киприана. Если это случится – слава Богу. Фильм пока не доснят. Мы собираемся доснимать, когда будет зима. В Греции мы сняли Афон, горы, море. Монастыри, монахи – все очень здорово. А тут будет Москва. И снег идет, и отец Киприан служит. Храм у него еще не достроен, за окном снег, прихожане в теплых одеждах. И он будет вспоминать эти свои путешествия.

– То есть фильм, скорее, об отце Киприане, о его отношении к старцу Паисию?

– Ну, если я скажу это отцу Киприану или если он это услышит, он выскажет свою точку зрения. Но для меня фильм в первую очередь о живом человеке, который любит старца Паисия. Это как у Хлебникова. Помнишь, он говорил, что, пока ты вокруг образа тыкаешься словами, – образ держится, нашел слово, точно отражающее образ, – он исчезает.

Так и в кино. Если точно его описать, то оно исчезает, и снимать уже не нужно.

– А когда можно ожидать появления этого фильма? Название уже известно?

– Пока нет, хотя всплывало то одно, то другое. Снимем первый снег, дальше – уже технологический процесс и, может быть, после первого снега, месяца через два...

Отсчет времени ведется от первого снега, и для Столярова это естественно: по своей природе он лирик. Что не мешает ему быть «абсолютным ортодоксом», а может быть, как раз и делает таковым. Ведь что такое «абсолютная ортодоксия», как не те же цветы полевые и птицы небесные? Что как не абсолютная любовь, на которой и ради которой и строится все творчество подлинного идиота – режиссера, сценариста, писателя, поэта, сочинителя песен, художника-мультипликатора? И все это – грани служения, каковым – «служеньем муз» – и считалось в православной России искусство наряду с другими служениями: царю, отечеству, Церкви, одним словом – Богу. Богу и человеку, так как любовь к Богу без любви к человеку, включающей и любование им, есть самый душепагубный и отвратительный из самообманов. Это, собственно, азы ортодоксии и – лейтмотив Евангелия, где Христос то и дело яростно обличает фарисеев, жалея всех остальных, включая солдат, прибывающих Его ко кресту.

Кому-то все это виделось безумием, как видится и сейчас, но что до этого христианскому художнику, следующему как может тем же путем безумной любви Божией, без которой, по его убеждению, невозможно подлинное творчество? А в нем, в свою очередь, не может не быть юродства во Христе, совершенно неизвестного, да и немыслимого в западной культуре и возможного лишь в православии с его старцами и их стоящими вверх ногами учениками. ■

МОСКВА – ВОЛГА: ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ ОТ КАЛЯЗИНА ДО УГЛИЧА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЕСЛИ РАССМАТРИВАТЬ ФЕНОМЕН СТОЛИЧНОСТИ В САМОМ ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ, ТО В РОССИИ НАРЯДУ СО СТОЛИЦАМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ – МОСКВОЙ И ПЕТЕРБУРГОМ, НОВГОРОДОМ И ВЛАДИМИРОМ – НАДО РАЗЛИЧАТЬ ЕЩЕ СТОЛИЦЫ «ВРЕМЕННЫЕ». ТАКОВА, НАПРИМЕР, АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА, КУДА УШЕЛ ИЗ МОСКВЫ ИВАН ГРОЗНЫЙ СО СВОИМИ ОПРИЧНИКАМИ. ЕСТЬ НЕСКОЛЬКО МОЩНЫХ СГУЩЕНИЙ НЕРВНЫХ КЛЕТОК – «СТОЛИЦЫ» ПОВОЛЖЬЯ, СИБИРИ.

ЕСТЬ СВОЕГО РОДА ЛЮБОВАНИЕ столичностью, восприятие городом себя как особенного, теснейшим образом сплетенного со столичной жизнью (таков Углич, в котором с XIV века правили братья московских князей). Но иногда функции столицы приходится принимать на себя городам, ни о какой столичности никогда не помышлявшим: просто в какой-то момент истории именно здесь образова-

Памятник
М. Скопину-
Шуйскому
в Калязине

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №7–10.

лось историческое перекрестье, именно здесь решалась судьба России. Таков Калязин – которому довелось сыграть одну из ключевых ролей в самый злосчастный период русской истории, который недаром зовется Смутой, Смутным временем.

СМУТА КАК ВЕЛИКОЕ ПОМРАЧЕНИЕ

Наши школьные и институтские представления о Смутном времени, Лжедмитриях, польско-шведской интервенции и победе русского народа в лице спасителей Минина и Пожарского даже в самых общих чертах не дают представления о той гибели, в которую была ввергнута Русь. В Смуте повинны были не столько поляки, сколько само русское общество того времени. «Шатость», взаимная ненависть, недовольство проникли во все поры русской жизни. Несомненно, то было наследие царствования Ивана Грозного, перепавшего Русь, но одни-

ми рациональными, причинно-следственными связями Смуту не объяснишь. Она была на 99 процентов иррациональна. Она была прежде всего в головах. Прекращение династии со смертью царя Федора Иоанновича послужило только поводом к тому, чтобы страсти вскипели со страшною и слепую силой. Взошедший на престол лукавый и жестокий Годунов ни боярам, ни дворянам, ни народу угоден не был. Оттого и Лжедмитрия – измышление непомерного тщеславия Гришки Отрепьева и беспримерной жадности пана Мнишка, решившего посадить свою дочь на московский трон, – приняли в Москве как родного. Народ ликовал. Столпы величественных родов боярских – Нагие, Романовы, князья Шереметевы, Голицыны, Долгорукие, Куракины – спе-

Церковь Святого
Димитрия «на крови» –
узел угличской
городской интриги

шили ему поклониться, будто не замечая, что все окружение воскресшего царя составляет застоявшаяся без войны и грабежа польская шляхта, авантюристы всех мастей да воровские запорожские и донские казаки. Василий Шуйский, когда возглавлявший комиссию по расследованию смерти царевича, да и сама мать, Марфа Нагая (правда, после запугивания изрядного), признали в нем Дмитрия. Однако 11 месяцев царствования Самозванца, пьянства и дебошей, не прекращавшихся на Москве, вполне, кажется, выявили природу шляхетской авантюры, отчего и о Лжедмитрии никто не пожалел, когда ударил набат и он принял смерть в кремлевском дворце. И что же? Раздор в обществе, взаимная ненависть бояр (кто знатнее?), бояр и дворян, бояр, дворян и народа и разных народов друг против друга вдруг привели к тому, что общество стало как непроходимое болото, курящееся гнилыми испарениями.

Княжеские дружины, воеводы со своими стрельцами, отдельные города и целые области готовы были на мятеж и на измену. Не знали только, кому присягать.

А. Дюма называл Углич «Китежем» и восторгался частыми вертикалями его соборов

Первым явился Иван Болотников: он связан был еще с первым самозванцем, называл себя его воеводою, но стал предводителем народной войны, воровские казаки увлекли его, часть бедного дворянства поддержала – и он тронулся на Москву, чтобы побить там бояр да дворян и объявить волю. Такого же рода мятежи низшего сословия сотрясали всю страну. Нижний Новгород осадила толпа холопов и инородцев, ведомых двумя мордвинами, в Перми и в Вятке замечались «шатость» и смятение. Астрахань возмутил сам воевода князь Хворостин; на Волге свирепствовала шайка, выставлявшая своего самозванца, Муромца Илейку, который назывался не существовавшим сыном царя Федора Иоанновича – Петром.

Василий Шуйский, севший на царство, был, в сущности, неплохим царем, разве что при Годунове прогибался низковато. Но, оказавшись на троне московском, действовал и умно, и решительно, и мягко, стараясь не обидеть невинного. Бояре поставили над ним свою Думу: так, вроде бы, идея ограниченного самодержавия восторжествовала. Но все равно половина стра-

ны ненавидела Шуйского решительно ни за что. Прежде чем явился во главе сбродной шляхты польской другой самозванец, измена уж пылала вовсю. К тому прибавить, что второго Лжедмитрия долго никто в глаза не видал, а все ждали его как красна солнышка, клялись ему в верности, готовности идти с ним на Москву. Это я не о ляхах – о русских людях говорю. А когда увидели этого толстоного, носатого, совсем на первого Лжедмитрия непохожего человека – уверяли, что узнали его сразу же, что он сам царь Дмитрий и есть. Чудом спасшийся. Смута была в каком-то смысле психозом, истерией самой христианной, самоуготовариванием и заговариванием. Целые города и области присягали Тушинскому вору, Москва была со всех сторон обложена, Русь грабили государевы изменники, поляки, запорожцы, донские казаки и разномастные отряды польских «полевых командиров». Помимо двоевластия (царь Василий Шуйский в Кремле – Лжедмитрий II в Тушинском лагере) существовало двоепатриаршество, орды мятежников и просто головорезов слонялись по стране ту-

Флаг общественного движения «Под княжеским стягом», посвященного М. Скопину-Шуйскому. Калязин

да-сюда. Почти невозможно понять, как можно выбрать хотя какую-нибудь тактику, которая могла бы привести Русь к единению. Недаром в какой-то момент здравый смысл, необходимость сопротивления захватчикам и смутянам остались только в Троице-Сергиевом монастыре: только монахи еще понимали, что к чему. Но в какой-то момент Троица осталась последним, единственным оплотом сопротивления. Казалось, еще чуть-чуть – и Русь окончательно утонет во мраке и падет в руки вступившего наконец в игру польского короля Сигизмунда III (до этого, повторюсь, Смута была в общем-то самостоятельной затеей польской шляхты).

ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

В этот трагический момент, когда надежды почти не осталось, и появился на арене истории «великий мечник» – князь Михаил Скопин-Шуйский. Царю Василию Шуйскому приходился он троюродным, что ли, племянником. Царь после смерти отца даже принял участие в судьбе мальчика, но при этом разница в фамилии (Скопин – от слова «скопа»: так зовется хищная птица семейства соколиных, что долго кружит, высматривая в воде добычу, а потом молниеносно бьет ее) сказала и на разнице характеров: Михаил Скопин-Шуйский был прирожденный воин – двухметрового роста, спокойный, решитель-

ный, неотвратимый, несмотря на свои 22 года. Впервые прославился он при подавлении мятежа Ивана Болотникова, дохлестнувшего было до самой Москвы: он разбил Иваново войско под Коломенским, загнал его в Тулу и в Тульском кремле затопил, повернув в стан восставших воду речки Упа. Когда же Москва оказалась со всех сторон обложена врагами, царь послал своего племянника к шведам. Дело было в том, что большую часть войска польского составляли «крылатые гусары» – тяжелая кавалерия с плюмажами из орлиных перьев, – против которых ни ополчение, ни стрельцы не выстаивали. Нужны были наемники – иного выхода не было, – знакомые с голландской тактикой принца Оранского. Скопин-Шуйский добрался до Новгорода, договорился со шведами, дождался подкреплений и тронулся в охваченные Смутой земли: вместе со шведами он разбил поляков под Торопцем и под Торжком и отогнал их от Твери. Но тут наемники объявили, что ждут своевременной оплаты за победы, а платить Скопину-Шуйскому было тогда нечем. Шведы покинули полководца, с которым остался только тысячный отряд Кристера Сомме да русские ополченцы. У Скопина-Шуйского было катастрофически мало времени: ляхи быстро поняли, откуда грозит им опасность, и решили раздавить его. Тогда в Борисоглебске под Угличем сидел в затворе отшельник Иринарх, который, можно сказать, был духовным лидером всего русского воинства, он-то и посоветовал Скопину-Шуйскому идти в Свято-Троицкий Макарьев монастырь и собирать войско. За месяц, что простоял Скопин-Шуйский в обители Святого Макария, он совершил невозможное: собрал 15 тысяч ратников и с помощью Кристера Сомме обучил их европейскому бою. Через месяц под Калязин пришло польское войско: 12 тысяч отборной кавалерии снял из-под Троице-Сер-

гиева монастыря воевода Ян Сапега, еще тысячи три привели рейдирующие «полевые командиры» – паны Лисовский и Зборовский. Были еще бунтовские казаки, но их никто не считал. Стан Скопина-Шуйского был на левом берегу Волги в монастыре, а передовая позиция – на месте теперешней Калязинской колокольни, слегка под горкой, на спуске к Волге, что делало ее даже невыгодной. «Крылатые гусары» атаковали, но налетели на «рогатки» и деревянные «острожки», которые Скопин-Шуйский подсмотрел у Болотникова, и тут же попали под огонь стрельцов. Поляки, однако, не обескуражились, они полны были решимости покончить с войском Скопина, и бой закипел с новой силой и продолжался до вечера. И только когда обе стороны смертельно устали и начали отход, Скопин-Шуйский через волжский брод бросил в след полякам свежие резервы и, как говорится, на плечах противника ворвался во вражеский лагерь. Часть ляхов тут же были изрублены, те же, кому удалось спастись, бежали за 15 километров до самого Рябова монастыря... Разгром был полный. Такого поляки еще не знали. Они планировали новую экспедицию на Калязин, но очень скоро выяснилось, что поздно: инициатива перехвачена. Из Макарьева монастыря Скопин-Шуйский посылает во все стороны своего воеводу, Давыда Жеребцова, и тот с методической последовательностью разбивает ляхов под Александровом, отбирает Переславль-Залесский и подступает уже к самой Троице Сергиевой.

В это-то время Калязин и становится «временной» столицей всея Руси. Москва была заблокирована, царь Василий Шуйский никаких решений принимать не мог. Зато Скопин-Шуйский мог: сюда к нему отовсюду (из зауральской Мангазеи даже) стекаются ратники, сюда переводятся средства от купцов и вельмож, не поте-

Углич.
Типичная для
всего Верхнего
Поволжья
купеческая
застройка конца
XIX века

рявших в Смуте способности к здравому рассуждению, здесь Скопин-Шуйский принимает шведских послов (за поддержку шведы требовали уступить им на севере город Корелу с уездом, и Скопину пришлось согласиться – не столько у него было денег, чтобы купить расположение шведского короля). Дошло до того, что рязанский воевода Ляпунов прислал в монастырь послов с грамотой, в которой просил Скопина-Шуйского взойти на престол вместо «ненавистного» царя Василия. Скопин-Шуйский изменять своему дяде не стал (измена – это ведь и была Смута) и грамоту демонстративно порвал. Но эпизод этот при царском дворе стал, конечно, известен...

В январе 1610 года Михаил Скопин-Шуйский подошел с главными силами к Троице и снял с монастыря 11-месячную осаду. Теперь уж вся Россия видела или слышала, что поляков бьют. Казалось, близок момент окончательного избавления от страшного нашествия. 20 февраля войско Скопина-Шуйского напало на отряд Сапеги в посаде города Дмитрова и перебило его практически до единого человека. Высланные на помощь польские роты не подоспели и

вне стен кремля понесли большие потери. Скопин взял Можайск и вернулся к Троице. Москва была еще окружена, из нее оставался один выход – на юго-запад, – как бы подсказывающий мысль об отходе. Тушинский лагерь, из которого уже бежали Лжедмитрий II и Марина Мнишек – переходящее красное знамя Смуты, – распался. Перейдя через Крымский брод, остатки польского войска потянулись к королю Сигизмунду под Смоленск. Блокада Москвы была снята!

Ликованием и звоном всех колоколов 12 марта 1610 года встретила столица князя-победителя! Но это немедленно вызвало зависть и интриги против него. Род Скопиных-Шуйских был старшей ветвью Рюриковичей. Царь Василий Шуйский был бездетен и покровительствовал племяннику. А вот бездарный брат царя, Дмитрий Иванович Шуйский, проигравший все сражения, которыми ему довелось руководить, считал будущим царем именно себя. Шведский генерал Делагарди советовал Скопину скорее в окружении своего войска уходить из Москвы, но смерть уже шла за тем по пятам. На пиру по случаю крестин сына князя Михаила Воротынского,

А это – застройка
по «образцовым
проектам»
начала XIX века

которому Скопин-Шуйский стал крестным отцом, крестная мать младенца, жена Дмитрия Шуйского Марья (дочь Малюты Скуратова), поднесла освободителю Москвы чашу с отравленным вином. Кровь хлынула носом у Скопина, но могучий организм долго еще сопротивлялся: лишь через две недели он умер, хотя доктора использовали все противоядия, которые знали. Народ чуть не разнес дом Дмитрия Шуйского, но изменить ход событий это уже не могло. Мало кто из историков сомневается, что князь Михаил был отравлен своими дядьями. Те уничтожили человека, который мог спасти их династию. Прокопий Ляпунов, обвинив Шуйских в отравительстве, ушел к Лжедмитрию II.

Смута, казалось, побежденная, вновь подняла голову и словно в наказание за содеянное преступление еще восемь лет отплясывала «пляску смерти» над русской землей...

По многим причинам имя князя Скопина-Шуйского было незаслуженно забыто. Есть свидетельства, что писалось житие Скопина-Шуйского, что находящаяся в Третьяковке парсуна (его иконописный портрет) есть икона местночтимого святого. Историк Ярослав Леонтьев, знаток калязинской истории, рассказал, что канонизации героя по каким-то причинам не захотел патриарх Филарет (возведенный на патриаршество первым Лжедмитрием). Вторично вопрос о причислении светлейшего князя к лику святых возник при Николае II, но по понятным причинам не был доведен до конца. А после революции Сталин не стал извлекать Скопина-Шуйского из забвения. Грешок за ним остался по большевистской линии – «народного вождя» Болотникова побил! Так что прославить славного героя российского пришлось именно местным историкам и краеведам: ими колоссальная работа проделана, жаль только, в двух словах о ней не расскажешь. Памятник Скопину-Шуйскому с разящей польские знамена скопой стоит в Калязине возле Вознесенской церкви, где упокоены мощи святого Макария Калязинского. Тут все сошлось. Герой вслед за Святым вернулся в «свою» столицу. Но подлинное возвращение в большую историю ему еще предстоит.

ПАРАДОКСЫ ПРОВИНЦИИ

На монастырском острове потчевали нас ухой – возле часовни, в точности имитирующей одну из башен Макарьево монастыря. Помню, кто-то порадовался постройке – мол, Русь возрождается! Скоро и монастырь заново отстроят, монахов пора рожать! На что отец благочинный сказал: чтоб масло сбить, сливки нужны, а сливки

где взять? Жидковато пока еще молочко...

Веско это было сказано, но мне, помнится, захотелось возразить: вот люди, рядом сидящие, краеведы, литераторы, издатели и просто незаменимые тихие подвижники – они ли «жидкое молочко»? Да тут за каждым такая история свершений тянется...

Когда возвращаешься из провинции, обязательно кто-нибудь поинтересуется: ну что там, жизнь идет? Разумеется, идет, раз люди живут. Кое-как уж за двадцать-то лет приспособились... В Угличе был уникальный часовой завод «Чайка», лучший в России сырзавод, ГЭС опять-таки... Сейчас часовой завод специализируется на сборке часов с золотым корпусом. Сырзавод как был, так и остался. Холдинг «АгроВолга» вовсю торгует экологически чистой местной продукцией... Калязин тоже изо всех сил старается: тут механический завод «на космос» работает, швейное дело есть, лен, валенки (а где еще поблизости валяют валенки, ау!), на туристическом уровне теплится кружевной промысел; техникум машиностроительный в городе старейший, ну, и Калязинская радиоастрономическая обсерватория с радиотелескопом диаметром 64 метра.

Так что провинция сейчас уже, можно сказать, потихоньку начинает жить, а не выживает только. Но главное в этой жизни, вектор ее, сила ее течения – она как раз в людях. В провинциальной, если хотите, элите. Так она сама себя осознает и вполне заслуженно этим гордится. А Москва... Тут не то что до Москвы, тут до Ярославля-Твери далеко, здесь Рыбинск – купец первой гильдии да Углич – шеголь еще тот, здесь пространство вяжется по-своему. Вот, на Макарьевских чтениях кто присутствовал? Александров, Бежецк, Дубна, Калязин, Кашин, Кимры, Мышкин да Углич. Энтузиасты, золотой народ, который всю эту «неинтересную» в больших городах провинциальную жизнь

Обломки
бомбардировщика
«Хейнкель-111»
и макет Углича –
экспонаты музея
Алексея Кулагина

изучил, насытил, пустил в оборот и вознес над плоскостью быта – создал смысловую надстройку. Маленький город – не Москва. Здесь два клоуна приехали, мартышку привезли и живого удава – уже событие. Цирк! А то «покупаем волосы, часы, монеты»... Этим не проживешь! Вроде бы в маленьком городе жизнь устроить проще, но когда надстройка снесена – ее и лепить вроде бы не из чего. В Москву культура самотеком прет, а здесь ее своими руками нужно создавать. Культуру-то. Вот об этом и хочется сказать напоследок.

ПОДВИЖНИК

Алексей Кулагин, директор и создатель первого частного музея в Угличе, рассказывал, какую проверку новичку устраивали прежде старые экскурсоводы в краеведческом музее: наберет новичок группу и движется с нею по территории, скажем, кремля по определенному маршруту. А впереди него другая группа идет, со старым опытным экскурсоводом. И не торопится. Пройдет десяток метров – и остановится. А экскурсовод говорит-говорит, как нарочно соловьем заливается. И молодому, значит, тоже надо

останавливаться и что-то говорить. Пока «старик» дальше не тронется. И если молодой всю историю родного края не изрыл, если у него за душой нет десятка исторических баек и анекдотов на случай такого вот «простоя» – все, провал. И наука: что в музейном деле главное не экспонат, а история.

Музей Кулагина размещается на территории одного дома и двора. Но прошли через него десятки тысяч посетителей из 57 стран. Больше тридцати лет он экскурсии водит. Я у него спросил: каково это – создавать собственный музей? Задумал – и давай утюги-монеты собирать? Как это вообще?

– Ну-у, – говорит. – Если вы из головы выдумали, что вам музей создавать надо – то у вас ничего не получится. До музея надо дозреть. Дорасти в каком-то смысле. Причем древность – она как раз проще всего дается. Начало XX века – хорошо: тогда Углич настоящим центром культуры был, здесь купцы Евреиновы создали первый в Верхнем Поволжье музей, театр, в котором Михаил Чехов играл... А вот новая история, революция, скажем, или Гражданская война – они осмысления

требуют. Или Первая мировая. Она же из нашей истории совсем выпала. Только сейчас мы новый проект начали: «Герои России» называется. Там и герои русско-японской войны, и Первой мировой, и Великой Отечественной... Все герои наши.

В каком-то смысле музей – это движение вглубь. От экспоната – через краеведческое исследование – до рассказа, которым любой посетитель должен *заслушаться*. Непростая задача.

Недавно приехала в музей группа французов. А у Алексея как раз появился новый экспонат – обломки фюзеляжа немецкого бомбардировщика «Хейнкель-111».

– Я рассказываю, что накануне Курской битвы, после разгрома под Сталинградом, у немцев еще такая силища была, что они планировали авиацией уничтожить промышленные районы Поволжья. В июне был налет – 110 самолетов летело над Угличем в сторону Ярославля. А поскольку зенитками несколько из них было сбито, во время второго налета – в ночь на 21 июня – 85 бомбардировщиков шли на предельной высоте, недоступной для зениток. И тогда вступили в бой летчики противовоздушной обороны. В ту ночь

В этом доме и разместился первый в Угличе частный музей

трое из них совершили подвиг, воздушный таран. Их наградили, двоих при жизни, одного посмертно. Вот, говорю, эти летчики, вот их фамилии. Тараном был сбит и этот «Хейнкель-111». Один француз пристально разглядывал обломки. Нашел бортовой номер самолета.

– Я, – говорит, – могу вам сказать фамилии членов экипажа этого самолета...

Оказалось, среди погибших летчиков был и его отец. Он из Эльзаса, что ли, фамилия у него немецкая, служил в авиации и погиб. Где – ему не было известно. И вдруг такая встреча...

Сел Алексей со своим экскурсантом и не заметил, как время пролетело. Под конец тот сказал: «Теперь я знаю, что делать, что молодым говорить, чтобы они такую же глупость, как мы, не сделали!»

Душераздирающие бывают моменты.

УГЛЕЧЕПОЛЕ

Не помню, кто из олигархов ельцинской поры вонзил в грудь матери-родине: «Россия – это поле для охоты». А вот для Алексея Суслова, редактора журнала «Угличеполе», Россия – это, скорее, поле для исследования. Для культурного какого-то освоения. Журнал уникальный – красивый, умный, интересный. В столице таких давно уж нет. Нет в принципе изданий такого формата. И хотя в 2013 году журнал был награжден премией Союза журналистов России за вклад в защиту русской культуры, мы можем не надеяться на появление в Москве аналогов. У нас в столице над прессой, как говорится, «поработали», подгоняя ее под стандарт. Так что журнал по-настоящему серьезный – это теперь удел провинции.

Выросло «Угличеполе» из отдела краеведения местной газеты. Отсюда и принцип работы – исследовательский. Один из номеров, который я внимательно прочитал, посвящен был Волгострою, строительству Рыбинской и Угличской ГЭС. Другой – затонувшему городу

Мологе. Кто-то что-то про Мологу, конечно, слышал, кто-то хотел бы узнать побольше – но где их возьмешь, материалы такие? А тут – пожалуйста. Набираешь в Интернете www.ugleshepole.com – и читаешь в свое удовольствие. Ну, и об Угличе родимом – «Углич – трагическая сцена российской истории». Среди авторов – поэт Юрий Кублановский, Виктор Ерохин, директор Угличского краеведческого музея и автор прекрасной книги «Города под водой» – про всю историю поволжского затопления, Виктор Ермолин, заведующий кафедрой журналистики в Ярославском педуниверситете и заместитель главного редактора журнала «Континент», но в основном – молодые музейные работники, исследователи родной старины со списком публикаций от «Русской мысли» и «Нового мира» до «Угличской газеты». Поддерживают издание городская администрация и холдинг «АгроВолга», но у того вообще культурная программа фантастическая – заново отстроить в центре Углича Успенский собор и торговые ряды, отремонтировать всю уникальную историческую застройку... Непростое это дело – поднять едва не обвалившуюся страну. Но ведь даже после такого испытания, как Смута, смогли. И сейчас, наверное, сможем.

ЧЕЛОВЕК

«Человек – вот правда! Человек – это звучит гордо!» – устами босяка Сатина возвестил пролетарский писатель Максим Горький и этот свой пафос попытался подтвердить рассказами о «перековке» на Беломорканале. Но каждый человек звучит по-разному. Варфоломеевскую ночь, конкисту, якобинский террор, концлагеря и ковровые бомбардировки придумали люди – не обезьяны. А с другой стороны – человек пишет музыку, картины пишет, возделывает свой сад, растит сына, сажает дерево, убивает змею. Или змея – аллегория грызущего зла в самом себе и вокруг. Вот, помнится, разгово-

Фотограф
Сергей
Бородулин

ры, что вели мы от Калязина до Углича, начались с темы искупления страшных ошибок предков наших. Лагереи, взорванных храмов, гвоздей, вколоченных в глаза Спасителю, забвения черного, пьяного, бессмысленного... Ну и подлого *credo* нуворишей, что кроме бабла – ничего нет в жизни сколько-нибудь серьезного. А вот Сергей Бородулин всю свою сознательную и творческую жизнь посвятил фотографированию безвестных, забытых, нередко затерявшихся уже в лесной глуши или среди болот храмов Верхневолжья. Исходил Тверскую область, Ярославскую, часть Костромской. Фотографий тысячи. Это колоссальное какое-то полотно. И не в том дело, что среди храмов этих есть творения великих архитекторов, ибо строить сюда приезжали Осип Бове, Карл Бланк, Николай Легранд – младший и даже Матвей Казаков. Есть храмы без громкой родословной, которые сейчас смотрятся как чудо: вот в лесной глуши за Большим селом храм в стиле екатерининского барокко, среди болот – храм Богоявле-

ния в Игрищах, Михаила на Броду, Николы на Ворошме... Когда подряд смотришь его фотографии, впечатление глубокого потрясения не отпускает: стоят эти полуразрушенные, брошенные храмы, будто полустертые знаки языка, который не к кому-нибудь, а к нам обращен, а значит, должен быть нами понят. И такая глубина приоткрывается... Беспамятство бездумное – грех большой... Как его искупить? А вот, получается, ходит человек – вымаливает. Что он вымаливает – душу или образ? Фотограф – странное существо: ему и образ нужен – картинка. И душа – чтоб на нее отозвалась. Он как будто призывает нас стать более чуткими к той красоте, что побеждает даже тлен и разрушение. Вот ведь странная миссия, странная судьба. Извне она оформляется вполне успешно: немало выставок персональных, публикаций, альбом большой наконец должен выйти...

Как-то в своем «москоцентристском» мышлении проглядели мы, что провинция заселена умными, талантливыми людьми, которые именно здесь ощущают себя на своем месте, при своем деле и никуда, храни Господь, уезжать не собираются. Поэтому, заканчивая в Угличе очередной отрезок пути, не можешь не порадоваться людям, которых повстречал. Каждому хочется сказать спасибо – просто за то, что они есть. Такие, как есть. Живые, не очень гордо, но очень подлинно звучащие. Странностями этих людей Россия наполнилась и ожила. Тот, кто когда-нибудь осмеливался выскочить за пределы Московской области и автодорог первостепенного значения, это вмиг увидит. Если, конечно, захочет. Увидит Россию, нашу страну, нашу родину. В ней многое уже изменилось, многое еще предстоит изменить. Наверное, чтобы оставить об этом свидетельство – и было предпринято наше путешествие сквозь пространство и время. Но оно еще не закончено. И никто не знает, что еще встретится нам на пути. ■